А. Глухов

Русские книжники

А. Глухов Русские книжники

«Книга»

Всесоюзное
добровольное общество
любителей книги

А.Глухов

Русские книжники

Москва «Книга» 1987

ББК 76.11
Г 55

Рецензенты:
А. В. Блюм,
кандидат филологических наук,
О. Г. Ласунский

Художник
Л. Д. Андреев

Г $\frac{4501000000-094}{002(01)-87}$ Издание ВОК

Автор и его сюжеты

Наука сейчас — на острие прогресса, она занимает в обществе многие господствующие высоты. Но в таком ее положении кроется и потенциальная опасность: не превратится ли она в заповедник отвлеченных академических интересов? Очевидна тенденция к дифференциации научных дисциплин, к дальнейшему расчленению их на все более и более узкие отрасли. Древо науки продолжает неуклонно разветвляться. Специализация достигает такой степени, что порой становится не по себе: кажется, еще чуть-чуть, и возникнет некая стена, которая отгородит священнодействующих в своих лабораториях исследователей от прочих грешных.

Но этого, по счастью, не происходит — и не в последнюю очередь благодаря тому, что есть своеобразные посредники между «жрецами» и «толпой». Я имею в виду мастеров научно-популярного, научно-художественного жанра, эту довольно редкую породу людей, которые одарены особой способностью превращать «чистое» знание в достояние всех и каждого.

К таким людям относится и автор предлагаемого сборника. Он выбрал для себя весьма любопытный «пятачок» на стыке книговедения, истории, филологии, науковедения. Именно здесь разворачиваются занимательные сюжеты его очерков.

...Более четверти века тому назад на страницах московского критико-библиографического журнала «Что читать» (позднее был переименован в журнал «В мире книг») начали регулярно появляться обзорные статьи Алексея Гавриловича Глухова. Сперва они пос-

вящались самым различным вопросам народнохозяйственной жизни. Но уже довольно скоро в работах молодого публициста стали намечаться особые, излюбленные темы. Похоже, его все неудержимее влекли к себе тайны, связанные с зарождением письменности, книгопечатания и библиотечного дела в России и за рубежом.

Подписчики журнала уже заприметили для себя
4 фамилию полюбившегося автора и стали следить за его материалами — речь в них шла то об изданиях, повествующих о приключениях и географических открытиях, то о старинных отечественных энциклопедиях, то о калужских брошюрах Циолковского по освоению космоса, то о сокровищах мертвого города Хара-хото, погребенного песками азиатских пустынь. В какие бы дальние страны и эпохи ни заносило сочинителя, он неизменно стремился поведать об участи примечательных памятников печатного слова.

Одновременно в 60—70-х годах стал проявлять себя как бы «второй» А. Глухов, существенно отличный от «первого», «книжного». Из-под его пера выходит батальная проза, воскрешавшая отдельные эпизоды Великой Отечественной войны. В сборниках повестей и рассказов «Баллада о десанте» (1963), «Встреча с мужеством» (1967), «Напряжение» (1976) отразилась суровая юность их творца.

Алексей Гаврилович прошел через все испытания, выпавшие на долю его поколения. В 1941—1942 годах слесарил на заводе, который выпускал оборонную продукцию. Копал со сверстниками под Каширой противотанковые рвы. Потом — истребительный батальон, голодал, мерз, с тоской слушал очередные сводки Совинформбюро. Рвался, как и все погодки, на фронт: хотелось своими руками душить проклятую фашистскую нечисть.

В январе 1943 года — до восемнадцати лет не хватало месяца — желание, наконец-то, сбылось. Силь-

ного, ловкого, плотного сложения парня определили в «крылатую пехоту». Не однажды довелось прыгать с самолета-транспортника в глухую ночь в тыл неприятеля. Многие десантники сложили головы в ожесточенных и скоротечных схватках. Алексею Глухову повезло — он уцелел. А действовать приходилось на самых кровопролитных направлениях, там, где «окопникам» требовалась срочная поддержка с воздуха. Принимал участие в форсировании Свири, в Балатонской операции, в сражении за Вену, получил боевую медаль «За отвагу», столь ценимую солдатами.

Спустя годы заговорила «память сердца», ожили в сознании образы и краски отгремевших событий. Вспоминались ребята из взвода, погибшие на своей и чужой земле, не давала забыться саднившая с той горькой поры рана. Постепенно рождались произведения, которые охотно принял и выпустил в свет Воениздат.

Казалось бы, творческая биография начинающего прозаика складывалась вполне благополучно: определилась главная тема, налаживались издательские контакты, сборники вызвали в авторитетных журналах вполне доброжелательные рецензии. Перед А. Глуховым открывался путь в художественную литературу. Но все повернулось иначе. Сначала робковато, а затем все более властно входили в его произведения новые проблемы, которые постепенно оттесняли батальную тему. А. Г. Глухов вступил в пределы чудесного мира книжной старины: дали минувшего поманили своими бесчисленными загадками. Он еще не подозревал, что предстоит ему стать пропагандистом исторических и книговедческих знаний.

Конечно, в таком переломе судьбы была своя логика. И не в том ли она состояла, что с раннего детства будущий автор впитал интерес к героическому прошлому родной земли? Он вырос на Рязанщине,

в городке Зарайске, овеянном славою свершенных предками подвигов. Страж Москвы, форпост Руси, Зарайск располагался на пограничной Засечной черте, защищая южные рубежи государства от набегов степняков. Городской кремль видел у своих стен врагов не раз и не два — ратников Батыя, крымских татар, польских шляхтичей. С этими местами связаны деяния легендарного полководца — князя Дмитрия Пожарского. Вот уж поистине — здесь на каждом камне осела пыль веков.

Алексей Глухов совсем не собирался быть историком. Да об этом странно было бы тогда и думать: то надо гнать корову в стадо, то бежать в лес по грибы и орехи (не забава, а промысел), то сидеть за букварем. Отец, мастер прядильно-ткацкой фабрики «Красный Восток», решил дать сыну образование. Учебу в станкостроительном техникуме прервала война.

И все же босоногое отрочество посреди древних руин — это для человека, наделенного воображением, немаловажно. Такое не проходит для души бесследно. Остальное довершила журналистская стезя, приведшая в конце концов в редакцию ежемесячника «Что читать». Там Алексей Гаврилович вплотную, на профессиональном уровне, столкнулся с кругом книговедческих и библиографических проблем, повернувших его жизнь в новое русло...

Минули годы. Творчество А. Г. Глухова получило признание и у критики, и у читателя. На полки встала целая библиотека научно-популярных произведений, особенно чтимых в книголюбском кругу.

Еще в 60-е годы появляются, написанные в соавторстве с другими энтузиастами, книги, адресованные массовому читателю, в частности — школьникам. В них приводятся разнообразные, пока лаконичные, сведения по истории книгопечатания и библиотек.

В последующие годы один за другим выходят

сборники очерков А. Г. Глухова, которые складываются в единый, целостный цикл и определяют сегодняшний творческий облик их создателя: «Из глубины веков» (1971), «Книги, пронизывающие века» (1973, 1975), «В лето 1037...» (1974), «В свете солнца» (1977), «Русь книжная» (1979), «...Звучат лишь письмена» (1981), «Приключения книг» (1985). Некоторые из этих трудов переведены на различные языки народов нашей страны. Большой успех выпал на долю сборника «Книги, пронизывающие века»: он переиздавался в Кишиневе, Вильнюсе, Баку, Киеве, Ереване.

Случайно ли все это? Вероятно, нет. Помимо факторов сугубо субъективного характера, тут действуют причины более широкие, типологические.

В издательском диапазоне любой эпохи есть именно ей свойственные оттенки. И жанровый спектр, и сама проблематика печатной продукции, находясь в процессе безостановочного движения и обновления, наглядно фиксируют те или иные сдвиги общественного сознания. Так, нынче мы стали свидетелями крутого поворота издателей к книголюбительской теме. Эта тенденция особенно ощутима со второй половины 70-х годов, когда после учреждения Всесоюзного добровольного общества любителей книги резко возрос поток произведений, рассчитанных на огромную армию его членов. Возникла своеобразная литература, предназначенная непосредственно для книжников. Надо ли говорить о том, что это — один из ярких показателей усиления социальной роли печатного слова в нашей повседневной жизни!

Отрадно сознавать: современный культурный человек уже не мыслит себя вне сведений о зарождении письменности и грамотности, об истоках просвещения на земле, вообще о книжности. Работы подобного плана неизменно пользуются у читателей спросом. Они выходят значительными тиражами.

В ряду авторов этой литературы А. Г. Глухов занял свое особое место. Главным героем созданного им цикла научно-художественных произведений является Книга в ее многовековом развитии и многообразных взаимоотношениях с обществом. Глуховские рассказы, очерки, этюды зачастую походят, по справедливому замечанию писателя-библиофила Владимира Лидина, на поэтические новеллы.

Вот, к примеру, сборник «...Звучат лишь письмена», переведенный на болгарский язык (София, 1984). «Из древней тьмы на мировом погосте звучат лишь письмена...»—это сказано поэтом, отнюдь не равнодушным к книжности. Используя бунинскую метафору, А. Глухов стремится уже в самом заглавии раскрыть свою основную идею. В ходе повествования, построенного на весьма разнообразных сюжетах, идея эта обретает реальные очертания. Мы проникаемся авторским волнением, оглядывая в воображении седую даль столетий с ее бесконечными катаклизмами. Сколь велико было и есть значение возникшего на заре человечества письменного знака, который стал для новейших поколений вестником давно канувших в небытие цивилизаций, опредмеченной частицей пространства и времени!

У научно-художественного жанра свои внутренние законы, свои трудности и преимущества. Не всякому дано умение сделать сугубо специальный, академически бесстрастный материал достоянием широкого читателя. Здесь нужен особый склад дарования, способность, растворяясь в чужих суждениях и взглядах, не утратить своей творческой, да и человеческой индивидуальности.

А. Глухов профильтровал сквозь себя огромный массив ученых сочинений. Отсеивалось незначительное или ведомственное. Накапливались наиболее впечатляющие факты, наиболее дерзкие гипотезы. События,

люди, концепции — все это надо было переплавить в некое новое единство, найти для него синхронную стилистическую форму. Труд, как видим, совсем не механический. Литератор с солидным опытом, А. Глухов удачно справлялся с возникавшими на его дороге сложностями жанра.

Нашего автора занимают судьбы древней и средневековой книжных культур. Читатели совершают увлекательное путешествие по извилистому лабиринту ранней истории человечества, с ее поистине трагическими страницами. Гибли под натиском варваров цветущие государства, пески пустыни и вулканический пепел засыпали городские стены, пожары сметали все живое. Нетленным, незабвенным оставалось лишь Слово — было ли оно выбито на глиняных табличках, начертано ли на папирусе, пергаменте, пальмовых листьях, бумаге. Конечно, стихия и рука завоевателя не щадили памятников словесности, но уничтожить их полностью было невозможно.

Автор начинает свое изложение от шумерской клинописи, возраст которой более четырех с половиной тысячелетий, ведет его далее через Египет, Элладу, духовные оазисы Ближнего Востока и Малой Азии и завершает в Италии XV века.

Любовь к книгам, страсть к их собиранию владели людьми, оказывается, на самых начальных ступенях человеческого существования. Какие только возвышенные наименования не давались нашими предками первым библиотекам — коллекциям дощечек, свитков, кодексов! «Дом табличек», «приют мысли», «аптека для души», «книгохранительная палата», «сокровищница мудрости»...

Отправляясь по маршрутам многовековой давности, А. Глухов при первой же возможности готов перекинуть мостик в наши дни. Чаще всего это продиктовано необходимостью познакомить читателя с подвижниками науки — археологами, палеографами, филологами. В

этом смысле книга, как и другие труды А. Глухова, наделена большой информативной емкостью.

Но перекличка между прошлым и настоящим возникает и особого рода — тогда мы раздумываем не только над тем, что было, но и над тем, что есть и что может произойти завтра. Нет, нельзя допустить, чтоб достижения человеческого разума, бесценная культура, и прежде всего книжность, вновь, как при крестоносцах или ордах Батыя, подверглись опасности быть уничтоженными — на сей раз в огне мировой термоядерной катастрофы! Письмена, которые пробились сквозь толщу лет, должны звучать и для наших потомков. Обогащаясь интеллектуально и нравственно от прикосновения к таинствам истории, не берем ли мы на себя тем самым и ответственность за будущее?..

Вот какие актуальные соображения рождает книга, которая по своему конкретному содержанию вся обращена, казалось бы, к минувшему.

Помнится, рецензируя сборник «...Звучат лишь письмена», я упрекал автора за то, что читатель, побывав основательно чуть ли не во всех странах Европы и Азии, попадал в Киевскую Русь лишь мимоходом. Теперь представляется великолепная возможность с головой окунуться в мир славянской старины. Перед нами — сборник со строго очерченными тематическими границами. Он приглашает — прежде всего молодых книголюбов — ознакомиться с основными гнездами древнерусского просвещения, с первыми в нашем отечестве светочами письменного и печатного слова.

В последние десятилетия неимоверно усилился, сделался всеобщим интерес к раннему славянству. Работая в этой области, советские исследователи во главе с признанными лидерами — Б. А. Рыбаковым и Д. С. Лихачевым добились исключительно весомых результатов, свидетельствующих о самобытном, незаемном характере нашей национальной духовной куль-

туры и о ее плодотворных связях с западноевропейской цивилизацией. Во имя высшей, непреложной истины трудятся ученые, вчитываясь буквально в каждую летописную строчку, вновь и вновь вглядываясь в страницы ветхих фолиантов, извлеченных из архивных пучин.

Сделать накопленные специалистами выводы, завоевания сегодняшней исторической мысли достоянием как можно большей читательской аудитории, вложить их в сознание людей — задача едва ли не столь же сложная и благодарная, как сами научные изыскания. Выполняя эту миссию, писатель-популяризатор предлагает обратиться к эпизодам из далекого прошлого.

Книга А. Глухова весьма полезна прежде всего с точки зрения познавательной. Однако она способна обогатить читателя и нравственно — глуховское повествование эмоционально, несет отпечаток живого авторского присутствия. Рассказывая о становлении славянской книжности, о круге чтения в средневековых русских городах, о выдающихся «книгознатцах», автор вселяет в наши сердца гордость за деяния предков, стремление быть их достойными...

Как А. Глухов пришел к мысли написать эту книгу?

Сам он, конечно, считает, что не без «подсказки» со стороны Дмитрия Сергеевича Лихачева. Действительно, в одной из своих работ Дмитрий Сергеевич заявил о необходимости создать серию научно-популярных портретов древних книжников, им же были предложены некоторые конкретные имена. И все-таки стоит назвать еще один исток, который, наверное, не осознается в полной мере даже самим автором, исток, уводящий его к тихим отеческим пенатам на берегах полноводного Осетра, притока Оки. В самом деле, мог ли житель Зарайска оставаться равнодушен к памятникам старорусской словесности, если его родной город внес

столь значительную лепту в национальную литературную сокровищницу?

Еще в школе Алексей Глухов узнал о драматических событиях, разыгравшихся тут в начале XIII века. Ордынцы Батыя безжалостно расправились тогда с обессиленными усобицей русичами, пожгли дотла крепости и села, увели в полон девушек. Осталась после нашествия дикая, пустынная земля. Уцелевшие от погибели люди разнесли по свету молву о страшном бедствии. Изустные предания расцветили ее яркими красками. Так возникла известная своими художественными достоинствами «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Стало быть, еще в отрочестве соприкоснулся впервые А. Глухов с темой своей будущей книги. А ранние впечатления, коли они запали в сердце, долговечны и, прорастая, дают побеги. Позднее на подспудные, личные ощущения наложились объективные запросы времени...

Новый сборник А. Глухова представляет собою последовательный ряд внутренне сцепленных друг с другом очерков, временной диапазон которых велик — от дохристианской Руси до петровской поры, от зачатков письменности до просветителей XVII века. Чередой проходят перед нами типы славянских энциклопедистов. Книжность в те далекие дни означала прежде всего культ знания, образования. Вот почему в очерках такой упор сделан на факты, подтверждающие, как распространение грамотности влияло на развитие духовной жизни общества.

Пропаганда любых научных данных требует не только владения материалом, но и поисков специфических выразительных средств. Написанная доступным слогом, книга о старинных русских грамотеях способна доставить читателям немало радостей...

Олег Ласунский

Глава первая

Откуда пошла славянская письменность

14 В неповторимый мир Древней Руси вводят нас былины. Красуются славные города Киев и Новгород с белокаменными храмами; бушует народное вече; стучат острые мечи и свистят каленые стрелы; стоят на страже родной земли заставы богатырские; звенят гусли, и сказитель поет славу своему времени. В былинах отражены события и воссозданы характеры, которые вызывают восхищение и по сей день,—Илья Муромец и Святогор, Василий Буслаев и Алеша Попович, Микула Селянинович и Добрыня Никитич. Любовь к родине, осознание красоты и большой будущности отчизны — все это есть в устной эпической народной поэзии. Но былины раскрывают не только исполинские характеры и героические события, они содержат свидетельства о жизни людей в ту эпоху, и перед нами довольно полно предстают их быт, нравы, обычаи.

Умел ли читать и писать Илья Муромец? А другие богатыри? Заглянем в текст былин, посмотрим, что в них говорится по этому поводу...

По дороге в стольный Киев-град Илья Муромец делает остановку, срубает сырой дуб и ставит часовенку. А на часовенке пишет: «Ехал такой-то сильный могучий богатырь, Илья Муромец сын Иванович». А ведь перед этим в былине подробно излагается, что Илья — крестьянский сын, «из бедного положения и от бедных родителей от трудящих». Таким образом, для сочинителя былины «Исцеление Ильи Муромца» вполне естественно, что крестьянин умеет писать.

В другой былине («Три поездки Ильи Муромца»)

повстречался ему «горюч камень», на котором «подпись подписана»:

А во дороженьку ту ехать — убиту быть,
Во другую-то ехать — женату быть,
Да во третью-то ехать — богату быть.

Илья Муромец, как следует далее из текста, надпись эту прочитал без всякого затруднения. С аналогичными надписями сталкиваются и другие богатыри, в том числе и Саул Леванидович.

В былине «Алеша Попович и Тугарин» Алеша видит камень придорожный и говорит своему спутнику:

А и ты, братец, Еким Иванович,
В грамоте поученый человек!
Посмотри на камени подписи,
Что на камени написано?

Как о самом обычном деле былины поведали о грамотности Владимира. В былине «Илья Муромец и Калин-царь» рассказывается, как Владимир получил грамоту посыльную, «да и грамоту ту распечатывал и смотрел, что в грамоте написано», а потом сам садился за ответ царю Калину. В других былинах Владимир поручает писать ответы своим приближенным.

...На Киев идет Идолище поганое, рассказывается в былине «Каменое побоище». Князь Владимир обращается к Добрыне Никитичу, у которого «рука легка» и «перо востро», с такими словами:

Ты бери-тко скоро чернил, бумаг:
Ты пиши-тко ярлыки скорописчаты.

Писать, как уточняется далее в былине, надо к могучим русским богатырям — Самсону, Дунаю, Святогору, Ремяннику, Пересмете, Пермяку, «брателкам» Петровичам и «брателкам» Сбродовичам, Иванушке, Гавриле Долгополому, Потыке и Алеше Поповичу. Следовательно, все они умели читать. Когда Добрыня

выполнил просьбу князя, то с «ярлыками скорописчатыми» во все концы «святой Руси» был послан Михайло сын Игнатьевич. Он положил их «в сумочку, в котомочку». И доставил послание к богатырю Самсону, а тот «скоро все распечатывал, прочитывал».

В былине «Глеб Володьевич» письмо князю пишут из Корсуни корабельщики. Интересно уточнение — «...купили они чернил, бумаг». Круг грамотных расширяется, это уже не только князья, их дружинники и крестьяне, но и корабельщики.

А вот Садко, перед тем как идти в синее море, к царю морскому, просит свою «дружинушку хоробрую» принести ему «чернильницу вальячную», «перо лебединое», «бумаги гербовой», чтобы составить завещание. У него, у Садко, все дорогое, необычное — и перо, и чернильница, и бумага.

Где, как и чему учились былинные герои? Добрыня Никитич, человек исключительного «вежества», начальное образование получил дома от матушки Амелфы Тимофеевны. Когда ее чаду любимому исполнилось семь лет, она «присадила его грамоте учиться». С семи лет приступил к учебе и новгородец Василий Буслаев:

Стали его, Васильюшку, грамоте учить,
Грамота ему в наук пошла.
Посадили его, Васильюшку, пером писать,
И письмо ему в наук пошло.

Здесь указан обычный для древних русских школ порядок: сначала обучали чтению («грамоте»), а потом письму. Учился Василий и пению.

Любопытна и такая деталь: Василий Буслаев «писал ярлыки скорописчаты и рассылал те ярлыки со слугой на те улицы широкие и на те частые переулочки», а «грамотные люди шли, прочитывали те ярлыки». Былина непосредственно свидетельствует о широком

распространении грамотности среди городского населения. Василий твердо убежден, что его «ярлыки скорописчаты» будут прочитаны прохожими. Профессор В. Янин утверждает, что «ярлыки» — это берестяные грамоты.

Не редкость на Руси — отмечают былины — и образованные женщины. Об Амелфе Тимофеевне уже упоминалось. А вот былина «Василий Игнатьевич и Батыга». В ее зачине рассказывается, как «турица златорогая» вместе с турами и турятами разошлись в чистом поле под Киевом. Туры увидели диво-дивное на городской стене и так говорят об этом турице-матушке:

...А по той стене по городовыи
Ходит-то девица-душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читае, да вдвои плаче...

Надо думать, что сказания, былины, песни верно отражают характерную черту русской жизни: образование. Грамотность тем более не представляла большой редкости.

Но когда возникла славянская письменность? Когда появились первые книги, литературные произведения, первые читатели и библиотеки? Есть ли, кроме фольклорных, какие-либо источники, документы?

Такие документы, такие источники существуют.

Прежде всего вспомним кратко о возникновении письменности на Руси. Удивительно, но долгое время господствовало убеждение, будто она пришла к нам вместе с христианством в конце X века. Постепенно стали накапливаться материалы, опровергающие такое представление.

...Старейшим сообщением о наличии письменности у древних славян считают «Сказание о письменах» черноризца Храбра, болгарского монаха, жившего на рубеже IX—X веков. В «Сказании» Храбр утверждает,

что до принятия христианства славяне книг еще не имели, но пользовались для гадания и счета «чертами и резами». («Черты и резы» — примитивные пиктографические и счетные знаки.) И еще: задолго до введения азбуки братьев Кирилла и Мефодия славяне умели записывать свою речь. Каким образом? Оказывается, латинскими и греческими буквами, но без всякой системы, «без устроения».

Далее, во время путешествия в Хазарию Кирилл останавливался в Крыму, в Корсуни. Здесь у одного русина он увидел Евангелие и Псалтырь с «русьскими письменами». Кирилл вступил в разговор с русином и, прислушавшись к его языку, сопоставил его со своим, болгаро-македонским, и вскоре начал читать и говорить по-русски.

Нельзя всерьез предположить, что целые книги были написаны «чертами и резами». Гипотез высказывалось несколько, но наиболее вероятной признают выдвинутую впервые И. И. Срезневским, согласно которой книги, найденные в Корсуни, были написаны «протокирилловским» письмом. Короче говоря, «русьские письмена», применявшиеся нашими предками еще в IX веке, были греческие буквы. О путешествии к хазарам через Крым мы узнаем из жития Кирилла, составленного в конце IX века.

Возникает вопрос: зачем понадобилось восточным славянам переводить в дохристианское время христианские богослужебные книги? И не являются ли сведения о «русьских письменах» позднейшей вставкой. Это сомнение было довольно убедительно опровергнуто не только тем, что указанное место содержится во всех дошедших до нас списках «Жития» — дело в том, что в среде восточнославянских племен до официального принятия христианства уже было немало людей новой веры. Византийский патриарх Фотий в послании 867 года сообщает о крещении в начале 60-х годов IX века

многих «росов», в том числе целой княжеской дружины. Арабский писатель Ибн-Хордадбег в 40-х годах замечает, что русские купцы в Багдаде «выдают себя за христиан». Эти люди, конечно, нуждались в богослужебных книгах.

Тексты договоров Руси с Византией, относящиеся к первой половине X века, также неопровержимо доказывают, что письменность была распространена до официального «крещения Руси». Уже в договоре 911 года, заключенном Олегом, сказано об обычае русских купцов делать письменные завещания на случай смерти. В договоре 944 года между Игорем и греками говорится о посыльных и гостевых грамотах, которые вручались послам и купцам, отправляющимся в Византию. Грамоты эти удостоверяли мирные намерения приезжающих. Памятниками русской письменности X века являлись, без сомнения, и сами договоры с Византией — ведь их тексты должны были быть зафиксированы и на русском языке.

Особенно интересно то место в договоре 911 года, где говорится о том, что Русь и Византия и прежде решали спорные вопросы «не только словесно, но и письменно».

Следует, пожалуй, сослаться и на «Повесть временных лет». При осаде князем Владимиром Святославичем Корсуни (конец X века) один из жителей города по имени Анастасий пустил в стан Владимира стрелу с такой надписью: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока».

Но все это — косвенные доказательства: ни одного памятника русской письменности X века не находилось. Да и особых надежд на то не было. И можно понять радость первооткрывателей, обнаруживших строчку, вернее, всего одно слово, начертанное на корчаге.

Корчагу нашли летом 1949 года. Тогда археологическая экспедиция под руководством Д. А. Авдусина

вела раскопки у деревни Гнездово, недалеко от Смоленска. Здесь когда-то было кладбище кривичских дружинников. Наши предки сжигали трупы умерших, прах помещали в глиняные горшки. Естественно, что это место захоронения привлекло внимание ученых. Раскопки начались в 1874 году, когда были вскрыты 14 курганов. В одном из них погребен воин с двумя рабынями. Рядом воткнуты в землю меч и копье.

С тех пор археологи появлялись в Гнездове по крайней мере 20 раз, причем вскрыли более 650 курганов. Исследователям попадались мечи, стрелы, копья, кольчуги, шлемы, а также арабские и византийские монеты и украшения.

В сезон 1949 года археологи под руководством Д. А. Авдусина проникли в 42 кургана, самая богатая «жатва» ожидала их в кургане, получившем порядковый номер 13. Он представлял собой песчаную насыпь и имел плоскую вершину. Высота — 1,6 метра, окружность основания — 51,5, диаметр — 15. Более тысячи лет назад здесь захоронили знатного дружинника: положили в ладью и сожгли. Это определили по ладейным железным заклепкам, найденным при раскопках. А всего в толще кургана нашли свыше 200 различных предметов: воткнутый в землю меч, рукоять которого богато отделана серебром, складные карманные весы, гирьки к ним, арабские монеты, женские украшения, которые принадлежали рабыне, захороненной здесь же... Вокруг валялись осколки битой посуды. Черепки одного из сосудов свидетельствовали, что он был сделан на гончарном кругу. На одном из черепков удалось прочитать надпись. Сосуд склеили: оказалось, что он имеет амфоровидную форму с узким горлом, двумя ручками, круглым дном.

Такие сосуды называли на Руси корчагами. У одной из ручек имелся значок, похожий на букву N, про-

царапанную чем-то острым по сырой глине. С той же стороны — надпись, сделанная уже на обожженной поверхности. Восемь букв составили слово «гороухща», то есть горчица.

Удалось установить примерную дату корчаги — вторая четверть X века. Но если надпись имела торгово-бытовое содержание, значит, она принадлежала простым трудовым людям. Следовательно, человека кто-то учил грамоте, и учил, видимо, по книгам, которые до нас не дошли.

Гнездовская надпись на корчаге, конечно, своего рода жемчужина среди археологических находок. Но ученые в разные годы добыли из глубины столетий множество других предметов с опознавательными знаками. Разнообразны, например, владельческие надписи на пряслицах. От кратких до весьма развернутых: «Притворин пряслен», «Ломин пряслен», «Невесточь»— так пометил некий юноша пряслице своей невесты; а вот как выразил отец свои родительские чувства — «Иванко создал тебе это единственной дочери».

Мастер-гончар на амфоре запечатлел свое пожелание хозяину сосуда: «Благодатная полная эта корчага». Ювелиры Братило и Коста оставили надписи на изготовленных ими изделиях. На формочке для литья читаем «Максимов», на рукояти меча — «Коваль Людота». Широка география находок: Киев, Новгород, Рязань, Тмутаракань, Овруч, Вышгород... Это XI—XII века. А самая древняя надпись — Гнездовская, русский памятник письменности, дошедший до нас в подлинном виде.

Академик М. Н. Тихомиров и Д. А. Авдусин в своей статье «Древнейшая русская надпись» подчеркивали: «Гнездовская надпись заставляет заново поставить вопрос о распространении письменности на Руси... Она показывает, что грамотность на Руси восходит к начальным десятилетиям X века, причем

эта грамотность была кирилловской... Если мы вспомним, что кириллица была распространена в Болгарии, с которой Россия уже в X веке имела оживленные сношения, то ее распространение на Руси представляется нам вполне закономерным явлением».

Слово на корчаге дает возможность определить характер славянской письменности, которую видел арабский путешественник с длинным именем Ахмед Ибн-Фадлан ибн-ал-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад. Вернувшись в начале X века из далекого, опасного и очень интересного путешествия к волжским болгарам, он описал его. Прежде чем привести сведения из этой книги, кратко — о судьбе ее. Автору не поверили. Один составитель поместил в своей энциклопедии несколько фрагментов из труда Ибн-Фадлана с таким комментарием: «Это ложь с его стороны, и на нем лежит ответственность за то, что он рассказал». Правда, в Средней Азии сохранились отдельные отрывки из книги Ибн-Фадлана в чужих, искаженных пересказах. Автора еще в прошлом веке обвиняли в лживости, считали бесстыдным мистификатором. Потом книгу потеряли. Но вот сравнительно недавно в Иране, в городе Мешхеде, нашли средневековый сборник, посвященный путешествиям. И в него была включена большая часть произведения Ибн-Фадлана.

Чрезвычайная ценность этого произведения в том, что автор описал края, куда никто до него не добирался. Он своими глазами видел жизнь наших предков и воссоздал ее подробно и точно. Ибн-Фадлан был секретарем посольства, которое отправилось 21 июля 921 года из Багдада в почти неведомую землю. Этот знатный, но бедный секретарь отличался любознательностью и острой наблюдательностью, он живо интересовался новым и непривычным. Через Иран, в Среднюю Азию до Бухары, оттуда в Хорезм и далее на север... Север страшил арабское посольство. «На каждом из

нас была куртка, поверх нее кафтан, поверх него шуба, поверх нее длинная войлочная одежда, покрытая кожей, и бурнус, из которого видны были только два глаза, шаровары одинарные и другие с подкладкой, гетры, сапоги из шагреневой кожи и поверх другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехал верхом на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нас». А ведь требовалось всего-навсего пересечь Казахстан и попасть на среднюю Волгу.

Весной посольство достигло цели... До недавнего времени представлялось, что в X веке по дремучим приволжским лесам бродили полудикие племена охотников. Ибн-Фадлан рассеял эти представления. Тогда здесь находилось богатое государство. Царь Алмуш сам сопровождал гостей, и Ибн-Фадлан видел в его стране столько удивительных вещей, что не смог перечесть их «из-за множества».

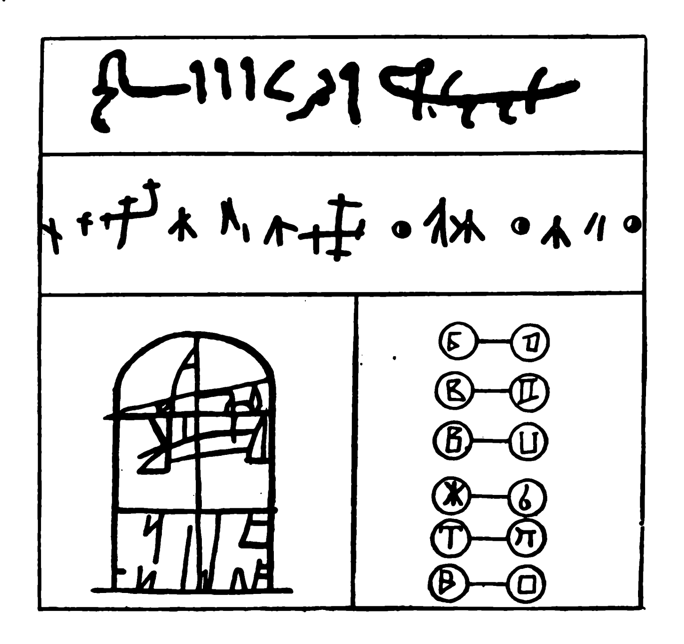
Поразили южанина светлые ночи, когда «красная заря ни в коем случае не исчезает окончательно», необычная, «черная» земля и огромные леса; пища тоже необычная: «...просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень у них в большом количестве». И жители не похожи на задавленное налогами население халифата: «Каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя». Необычны и нравы: на приемах жена царя сидит с ним рядом.

Путешествие продолжалось уже несколько месяцев, как вдруг пришла весть, что приплыли русы... Ибн-Фадлан не мог упустить возможность поближе познакомиться с этими людьми. Русские торговцы — высокие, румяные, белокурые, с голубыми глазами и окладистыми бородами — держались приветливо, но независимо. Они, видимо, прибыли надолго, построили большие деревянные дома и расположились в них со своими товарами. Двери домов не запирались. Но, пишет Ибн-Фадлан, «если они поймают вора или грабителя,

то поведут его к длинному толстому дереву, привяжут ему на шею крепкую веревку и повесят его на нем навсегда».

Странными были деньги русов — «серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, а также соболь».

Потом Ибн-Фадлан узнал «о смерти одного выдающегося мужа из их числа». И он подробнейшим образом

Недешифрованные дохристианские русские надписи и знаки

воспроизвел похороны по языческому обряду — сожжение. Ибн-Фадлан смотрел на огонь, и рус, стоявший рядом, сказал ему через переводчика: «Вы, арабы,

глупы. Вы берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его в рахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его в мгновенье ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай».

И произошло самое интересное: «Они соорудили нечто вроде круглого холма и водрузили в середине его большую деревяшку белого тополя, написали на ней имя этого мужа и царя русов и удалились».

Приходится только сожалеть, что арабскому путешественнику не пришла в голову мысль скопировать надпись! Академик М. Н. Тихомиров считает, что «надпись на могиле знатного руса, умершего на Волге, могла быть сделана кирилловскими буквами». Ведь Ибн-Фадлан ведет речь о том же времени, к которому относятся гнездовские курганы.

Ценно свидетельство и другого арабского ученого — Ибн-эль-Недима, который в «Книге росписи наукам» передает относящийся к 987 году рассказ посла одного из кавказских князей к русскому князю. «Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь,— пишет Ибн-эль-Недим,—что один из царей горы Кабк (Кавказ) послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображены слова или отдельные буквы». Недим не только упомянул о наличии у наших предков письмен, но и оставил образец текста.

В русской летописи от 986 года сообщается о посольстве хазарского кагана к киевскому князю Владимиру. С этим посольством и мог прибыть на Русь кавказский посол. Возникают два предположения: во-первых, оригинал недимовской надписи был выполнен в год пребывания этого посольства в Киеве и, во-вторых, то могла быть «охранная грамота» — своего рода посольский документ.

Русским исследователям «показания» Недима стали известны в 1836 году. Они лишний раз подтверждают, что еще до введения христианства русы имели какую-то письменность. Но пока расшифровать надпись не удалось: по своей графике она отличается и от греческой, и от латинской, и от глаголической, и от кирилловской азбуки.

Зато всевозможных гипотез было высказано немало. Одни ученые стояли за то, что это искаженная переписчиками арабская вязь. Другие вообще сомневались в ее подлинности и принимали за выдумку. Пытались найти общие черты со скандинавскими рунами, с символами славянской глаголицы. Выдвигалась мысль, что это — не надпись, а простые рисунки или пиктографическая маршрутная карта с обозначением рек, гор, лесов. Кто-то прочел имя «Святослав», а кто-то — фразу «Славянин с Руси». Но такие догадки казались не очень убедительными.

Вызывает спор и то, на чем была первоначально выполнена надпись, срисованная любознательным арабом. Она была вырезана на доске, таково мнение некоторых ученых, как и долговые обязательства в Древней Руси. Нет, возражают им, она начертана на коре дерева, подобно «лубяным» документам. А может быть, на бересте?

В настоящее время большинство специалистов — советских и болгарских — считают образец Ибн-эль-Недима славянским письмом типа «черт и резов».

Как бы там ни было, надпись эта свидетельствует о существовании на Руси дохристианской письменности. Расшифровка ее продолжается. И успех откроет еще одну тайну из жизни людей того далекого прошлого.

В заключение упомянем еще несколько фактов. Арабский писатель эль-Масуди (умер в 956 году) в труде «Золотые луга» утверждает, что он обнаружил в одном из русских храмов пророчество, выбитое на камне.

А персидский ученый Фахр ад-Дина (начало XIII века) сообщал, что хазарское письмо «происходит от русского».

Таким образом, не вызывает сомнения, что письменность у славян, в том числе и у восточных, возникла довольно рано. «Отнюдь не явилось бы смелым предположение о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антского периода» (т. е. примерно VI век н. э.),— высказал свою точку зрения академик С. П. Обнорский. Древнейшее славянское письмо могло быть лишь очень примитивным, типа «черт и резов»— простейших счетных знаков в форме черточек и зарубок, родовых и личных знаков, маршрутных схем, календарных заметок... Такое письмо совершенно непригодно для более сложных документов — военных и торговых договоров, богослужебных текстов, исторических хроник. Для этого славяне использовали греческие и латинские буквы по крайней мере в течение двух-трех веков, постепенно приспосабливая их к передаче фонетики своего языка. Вполне возможно, что у разных племен письмо было различным.

Упорядочили славянскую азбуку просветители Кирилл и Мефодий. Год 862-й. В византийский Константинополь прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Моравские племена, жившие в бассейнах рек Лабы, Влтавы и Моравы, в начале IX века объединились, создав Великоморавское княжество со столицей в Велеграде. При Ростиславе княжество, отразив военный поход Людовика Немецкого, добилось полной самостоятельности. Однако немецкие феодалы хотели заручиться поддержкой католической церкви для своих захватнических устремлений. В те времена европейские народы переходили в христианство по греческому или римскому образцу. Германия исповедовала римский канон, при котором богослужение велось на латинском языке. И моравский князь опасался принимать веру своих воинствен-

ных соседей. Вот почему он искал помощи у Византии. Между Византией и Римом шла ожесточенная борьба за сферы влияния. И Моравия из двух зол выбрала меньшее.

Представители моравов в Константинополе на специально созванном совете попросили императора Михаила и патриарха Фотия прислать к ним проповедников, чтобы о христианстве населению рассказывали на славянском языке. В Моравию решено было отправить Кирилла и Мефодия.

Братья родились в македонском городе Солуни, в семье крупного военачальника. Уже с детства Кирилл полюбил науку. В короткий срок он изучил грамматику, диалектику и риторику, арифметику и геометрию, астрономию и музыку, а также, как говорится в его жизнеописании, «Гомера и все прочие эллинские художества». Он хорошо владел славянским, греческим, латинским, еврейским и арабским языками. Такие разносторонние знания он получил благодаря тому, что учителем его был Фотий, превосходивший по уму и образованности едва ли не всех своих современников. Отказавшись от предложенной ему административной должности, Кирилл занял скромное место патриаршего библиотекаря. Потом он преподавал философию, успешно участвовал в диспутах, что принесло ему известность. Начиная с 50-х годов IX века император Михаил, а затем патриарх Фотий посылают его в разные страны с религиозными миссиями. Кирилл побывал в Болгарии, Сирии, совершил поездку к хазарам. Его старший брат рано поступил на военную службу, долго был правителем одной из областей, а потом стал игуменом монастыря, где усердно «прилежал книгам».

Вот на этих-то братьев и пал выбор.

Кирилл спросил: «Имеют ли моравы азбуку своего языка? Ибо просвещение народа без писмен его

языка подобно попыткам писать на воде!» Ответ на заданный вопрос был отрицательным.

Кирилл принялся за дело. Взяв за основу греческое уставное письмо, он изобрел простую и удобную форму для начертаний новых славянских букв. Дополнил азбуку знаками, передающими звуки, свойственные славянской речи и отсутствующие в греческой. Пользуясь этой азбукой, Кирилл с помощью Мефодия очень

Образец кириллицы. Фрагмент из рукописного Евангелия XI в.

быстро перевел основные богослужебные книги — всего за несколько месяцев. Объясняется такая быстрота тем, что создавалась азбука не на пустом месте, и «русьские письмена», которые видел Кирилл в Корсуни, помогли ему, послужили толчком к упорядочению славянской письменности. Но и при наличии исходных материалов такой труд был под силу лишь очень крупному ученому и тонкому филологу.

Только после этого, в 863 году, братья поехали в Моравию (с 863 года ведет свою «родословную»

славянская письменность), где развернули бурную деятельность. В Велеграде и в деревнях на богослужениях они читали привезенные с собой книги, выбирали учеников и обучали их славянской азбуке, продолжали переводить греческие труды. Братья сделали многое для распространения в стране славянской письменности и культуры.

Их миссия вызвала резкое недовольство немецкого

Образец глаголицы. Лист из Реймского Евангелия

духовенства, которое, используя все средства — клевету, доносы, подлоги, — пыталось опорочить Кирилла и Мефодия. Их обвиняли даже в ереси — самый надежный в то время метод сведения счетов с противниками. Чтобы защититься, братья едут в Рим и добиваются успеха — им разрешают продолжать начатое...

Длительное и трудное путешествие в Рим, напряженная борьба с непримиримыми врагами славянской письменности окончательно подорвали слабое здоровье Кирилла. В феврале 869 года он умер. Перед смертью, как сообщает «Житие», подозвал к себе Мефодия и сказал: «Мы тянули с тобой, брат, одну борозду, и вот я падаю на гряде, кончаю жизнь свою. Я знаю, ты очень любишь родной Олимп. Смотри же, не покидай даже ради него наше служение...»

На Мефодия, который продолжал благородное служение и стоически сохранял свои убеждения, обрушились нескончаемые интриги; его преследуют, сажают в тюрьму, подвергают суду. Немецкое католическое духовенство стремилось запретить в Моравии введенное братьями богослужение на славянском языке, уничтожить славянские книги, остановить развитие славянской культуры.

Вскоре после смерти Мефодия папа римский Стефан V запрещает под страхом церковного отлучения славянское богослужение в Моравии. Ближайших учеников Кирилла и Мефодия арестовывают и после истязаний изгоняют. Трое из них — Климент, Наум, Ангеларий — нашли благосклонный прием в Болгарии.

Здесь они по-прежнему переводят с греческого, составляют различные сборники, прививают грамотность. Болгария, достигнув могущества, даже соперничает с Византией. По инициативе царя Симеона, прозванного не без основания Книголюбцем, был переведен «Изборник», дошедший до нас по списку 1073 года, который был изготовлен в киевской книжной мастерской для князя Святослава. При Симеоне появляется и зна-

менитое «Сказание о письменах» черноризца Храбра. В нем говорится о причинах создания Кириллом славянской азбуки, дается ей характеристика и сообщается о существовании докирилловской письменности у славян. В настоящее время известно 73 списка «Сказания», древнейший из них относится к середине XIV века. Любопытно, что «Сказание» публиковалось составителями азбук и букварей — Иваном Федоровым и Василием Бурцовым — в качестве приложений.

Как видим, уничтожить дело прославленных просветителей не удалось. Огонь, зажженный ими, не погас. Их азбука начала свое шествие по странам южных и восточных славян.

Надо сказать, что, помимо кириллицы, в IX веке возникла и другая азбука — глаголица. Вопросы, связанные с ее происхождением, чрезвычайно сложны и пока еще не решены наукой.

Глава вторая

«Тесный круг Ярославовых книжников»

«Страной городов» — называли Древнюю Русь, ведь общее их количество к началу татаро-монгольского нашествия приближалось к 300. О Киевском государстве хорошо знали в Константинополе и в Риме, императоры заключали договоры с киевскими князьями, миссионеры стремились приобщить население к христианству, а купцы — завязать торговые связи. Ученые-географы Средней Азии и Ирана составляли описание Руси, собирали сведения о путях к ней и о ее городах. И глубоко прав был митрополит Иларион, когда утверждал, что земля Русская известна и славится повсюду.

...Уже к концу X века границы древнерусского государства простирались от устья Дуная до дельты Волги, от предгорий Кавказа до Финского залива. Город Тмутаракань стал торговым портом на юге, а Новгород — на севере.

Не уступала Древняя Русь Западной Европе ни в культуре, ни в образовании. В предшествующей главе было кратко рассказано о возникновении и развитии письменности в нашей стране, о древнейших текстах. В этой — расскажем о деятельности Ярослава Мудрого и его сподвижников по развитию книжного дела, о создании первой государственной библиотеки в Киевской Софии.

Вершины своего могущества Киевское государство достигло в X—XI веках во времена Владимира Святославича и его сына Ярослава, прозванного Мудрым. Князь Владимир, при котором, как хорошо известно,

было принято христианство, широко отворил Киевской Руси двери для всех достояний мировой культуры. В период правления Ярослава Мудрого Киевская Русь превратилась в могущественную феодальную державу, возросло величие Киева; здесь расцветают ремесла, торговля, появляются художественные школы, в больших масштабах развертывается строительство. На запад от так называемого Верхнего города Владимира, на «поле вне града», был возведен новый «град Великий» с мощными укреплениями (высота стен и валов 16 м, ширина — 18 м, длина около 4 км), с Золотыми воротами, от которых, к сожалению, остались лишь руины. Слава великолепной столицы идет по всей Европе, свидетельством чему служат широкие династические связи Ярослава: он отдал свою дочь Анну за французского короля Генриха I, Анастасию — за норвежского короля Гаральда; сын Ярослава Всеволод женился на дочери византийского императора Константина IX Мономаха, сын Изяслав взял в жены дочь польского короля, сын Святослав — графиню Оду из германского владетельного рода. Западные послы, купцы, воины были частыми гостями Киева, их поражали размеры столицы, ее роскошные дворцы и храмы. О Руси и ее столице сохранились упоминания в скандинавских сагах, немецких героических поэмах, французских рыцарских романах. Об уровне культуры Руси того времени можно судить и по Киевской Софии — самому величественному храму XI века. Софию Киевскую возвели там, где древнерусские войска во главе с Ярославом окончательно разбили печенегов. Собор не уступает ни одному из самых выдающихся архитектурных памятников мира.

Этот храм — символ могущества и силы первого древнерусского государства. Здесь проходили торжественные церемонии, приемы иностранных послов, здесь велось летописание, здесь возникла и хранилась крупная

библиотека, здесь Иларион произнес свое знаменитое «Слово о законе и благодати».

И сейчас этот памятник, сохранившийся почти целиком, не может оставить нас равнодушными. «Переступив порог Софии,—пишет академик Б. Д. Греков,—вы сразу попадаете во власть ее грандиозности и великолепия. Величественные размеры внутреннего пространства, строгие пропорции, роскошная мозаика и фрески покорят вас своим совершенством, прежде чем вы успеете вглядеться и вдуматься во все детали и понять все то, что хотели сказать творцы этого крупнейшего произведения архитектуры и живописи». Этот храм, как и всякий другой, и был рассчитан на то, чтобы поразить воображение современников, внушить простому народу веру в незыблемость княжеской власти и религии. В его создании участвовали зодчие, живописцы, мастера золотых и серебряных дел. Почетное место в этом ряду занимают писцы и миниатюристы, которые работали над созданием книжного фонда.

На территории Софийского заповедника у входа в собор в честь 930-летия библиотеки установлен мемориальный знак, на нем — портрет Ярослава Мудрого с книгой в руке и текст из «Повести временных лет». Он гласит: «В лето 1037 заложил Ярослав град великий, у этого же града Златые ворота. Заложил и церковь святой Софии... И к книгам прилежал, читая их часто и ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык, и списали они книг множество, ими же поучаются верные люди... Ярослав же, книги многие написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам». Исследователи единодушны в том, что эта запись свидетельствует о создании на Руси библиотеки, указан и ее основатель — Ярослав Мудрый, который вошел в историю культуры нашей страны как просвещенный правитель, как создатель и организатор первой на Руси

государственной библиотеки. С его именем связаны и многие другие «книжные» начинания.

Жизнь и деятельность Ярослава Мудрого издавна привлекала к себе внимание, о нем рассказывали летописи, зарубежные хроники, в наше время написаны научные исследования, популярные работы, созданы художественные произведения и кинофильмы. Летописные известия о Ярославе начинаются с 1014 года — последнего года княжения Владимира. До этого времени — лишь предположения, догадки, косвенные свидетельства. Родился он около 978 года. Хромота не могла не отразиться на его воспитании, на его характере. Он рано соприкоснулся с книжным миром и на всю жизнь полюбил его.

Когда Ярослав вырос, возмужал и окреп, отец отдал ему Ростов, а потом послал на княжение в Новгород — большой торговый город с широкими заморскими связями. Ценя знание, понимая, что для управления княжеством нужны грамотные, образованные люди, молодой князь организовал в Новгороде школу для детей, приказав «учить книгам их». Он не был первопроходцем: заботясь о распространении просвещения, еще Владимир распорядился «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное». По мнению историков, это были школы высшего типа, своего рода университеты. Они давали знания по философии, риторике, грамматике. Надо иметь в виду, что «лучшие люди» — это верхушка феодального общества, но никак не холопы или смерды.

Набрав силу, Ярослав решил не давать своему отцу дани, которую издавна платили новгородцы, чем вызвал гнев Владимира. Киевский великий князь решил смирить непокорство сына, велел мостить мосты, чинить дороги и собирать войско. Со своей стороны, и Ярослав собирался вступить в настоящую войну с отцом, для чего нанял в Швеции отряды варягов

(Ярослав, как известно, был женат на дочери шведского короля Олафа).

До открытой схватки дело не дошло, так как в это время в подгородном княжьем селе Берестове умер старый князь Владимир. Обстановка резко изменилась. Между его сыновьями сразу же разгорелась многолетняя кровавая борьба за «большой стол», т. е. за Киев, который первым захватил бывший прежде в опале Святополк. В битве у Любича на Днепре его разбил Ярослав; но этим дело не кончилось. Снова и снова вспыхивали братоубийственные войны, составлялись заговоры, совершались тайные убийства. В этих усобицах, которые прежде всего истощали силы народа, погибли многие сыновья великого князя. Глеб был убит на корабле под Смоленском, Борис убит под Киевом при возвращении из похода на печенегов. Гибель безвинных, совсем юных Бориса и Глеба оставила глубокий след в памяти народа. Благодаря энергичному настоянию Ярослава Мудрого они стали первыми русскими святыми, которых признала византийская церковь; при Ярославе же была написана летописная хроника о том, как их убил Святополк, позже о их драматической судьбе были написаны житийные произведения, образ князей-мучеников запечатлен на многих иконах...

Но продолжим разговор о других братьях. Святослав пытался бежать из Киевской Руси, но убийцы, посланные Святополком, настигли его в Карпатах; Судислав по ложному доносу был посажен в «поруб», где томился почти четверть века. Святополк, прозванный Окаянным, приводил на Русь в помощь себе то печенегов, то поляков; после поражения в решительной битве на Альте заболел и пропал где-то за рубежом.

Ярославу пришлось биться и со Святополком (и не один раз), и с Мстиславом Удалым, тем самым, что зарезал Редедю перед полками касожскими. Он

одерживал победы и бывал битым. В конце концов Ярославу Мудрому удалось занять великокняжеский стол. Прочно и надолго. Свое сочувствие к князю Ярославу летопись выразила такими словами: «После победы на Альте Ярослав, сев в Киеве с дружиной своей, отер пот».

Тогда-то и развернулась его деятельность по укреплению государства, по расширению Киева, по развитию культуры. Все это в сжатой форме и нашло отражение в летописном рассказе, помещенном под 1037 годом, рассказе, который привлекает внимание многих исследователей на протяжении десятилетий, вызывая непрекращающиеся до сих пор споры. Вдумаемся в строку: «И к книгам прилежал, читая их часто и ночью и днем». Совершенно очевидно, что в конце X—начале XI века на Руси уже были книги — привезенные из Византии, из Болгарии или переписанные в Киеве, Новгороде, в других крупных городах. И великий князь — суровый военачальник, крупный государственный деятель, дипломат и градостроитель — был, говоря современным языком, страстным книголюбом. Пристрастие к книгам возникло у него в раннем детстве. Ведь и отец Ярослава — Владимир «любил словеса книжные», владел библиотекой, эту любовь он передал и сыну. Его мать — гордая полоцкая княжна Рогнеда с четырех лет приставила к сыну учителей греческих, болгарских, варяжских и даже латинских. Ярослав все больше и больше привязывался к чтению, овладевал «книжной премудростью», читал о страданиях, о великомучениках, о подвигах... Приходил к убеждению — это можно предположить с большой долей вероятности, — что в знании заключена большая сила. Так, в книге Иоанна Дамаскина он мог прочитать: «Нет ничего выше разума, ибо разум — свет души, а неразум — тьма. Как лишение света творит тьму, так и лишение разума затемняет смысл. Бессмысленность присуща тварям, человек же без разу-

ма — немыслим. Но разум не развивается сам собою, а требует наставника... Приблизившись же к дверям мудрости, не удовольствуемся этим, но с надеждой на успех будем толкаться в нее».

Сам Ярослав не удовольствовался тем, что уже в ранней юности приблизился к дверям мудрости, а пошел дальше. Всей душой отдавался он любимому делу, эту черту его и выделил летописец, когда не без уважения отметил: «И к книгам прилежал, читая их часто и ночью и днем». Можно лишь предположительно судить о круге чтения Ярослава на протяжении его продолжительной жизни. Сюда входили библейские книги и примыкавшие к ним апокрифические сказания, труды «отцов церкви», сочинения по устройству вселенной, исторические и юридические труды. Любовь к книгам он привил и своим детям.

Как видим, наши далекие предки читали в основном религиозную литературу, светские и полусветские произведения занимали в их чтении куда более скромное место. Но следует иметь в виду, что, как заметил Н. К. Гудзий, «христианская книжность на первых порах не только расширяла умственный горизонт древнерусского писателя и читателя, но и знакомила его с новыми общественными и нравственными понятиями, содействовала усвоению более передовых форм гражданского общежития. Вместе с тем она пополняла тот запас средств словесного выражения, который уже имелся в русском языке».

В летописной записи 1037 года говорится далее, что Ярослав собрал много писцов, которые переводили с греческого на славянский язык. Удивительно, но современные ученые знают о том времени больше летописца. Оказывается, не только переводили, но и копировали, просто переписывали болгарские книги, а переводили не только с греческого, но и с других языков. Более того, из разных зарубежных книг брали

отдельные отрывки и составляли «изборники». В это время возникают и их собственные, оригинальные произведения.

Когда была основана библиотека? Казалось бы, ответ прост — в 1037 году, так как именно тогда, свидетельствует летопись, «Ярослав же, книги многие написав, положил в... Софии». Верно, но смущала первая строка, гласящая, что в это «лето» был только заложен собор, т. е. началось его строительство. И на протяжении длительного времени шли дискуссии по этому вопросу. Не вдаваясь в подробности, скажем лишь, что усилиями советских археологов, архитекторов, историков удалось доказать, что в 1037 году не началось, а завершилось строительство Софии, в этом же году была основана и библиотека. Размещалась она в одной из башен.

Итак, Ярослав Мудрый собрал писцов, и они приступили к делу. А где они работали, в каком месте располагалась книгописная мастерская? Как была устроена? Летопись об этом ничего не сообщает. Вполне возможно, что она находилась в самой Софии, рядом с книгами, но могла быть и вне собора, в специальном помещении на митрополичьей усадьбе. Об устройстве мастерской-скриптория мы ничего достоверно не знаем. Правда, в хорошо иллюстрированной Радзивилловской летописи есть миниатюра, на которой запечатлена сцена подготовки книг для библиотеки Киевской Софии. А в Студийском уставе, введенном в Киево-Печерском монастыре несколько позднее, есть параграф «О калиграфе», определяющий порядок работы мастерских по переписке книг. Основное внимание уделялось точности переписывания, строго запрещалось что-то дописывать; подчеркивалось, что работа должна протекать в обстановке «благостного настроения». В «Житии Феодосия» сохранилось образное описание практической деятельности мастерской в середине XI века. В этой мастерской

трудился монах Иларион, «хитрый писать книги», Никон переплетал их, а в углу его стола обычно по вечерам пристраивался сам Феодосий и прял нити, необходимые для переплета. И здесь звучит тот же мотив о «душевном мире».

Можно предположить, что скрипторий Софии был довольно большой, в нем трудились как писцы духовного звания, так и миряне. Повсеместная потребность в книге породила своеобразное ремесло. Кроме переписчиков и переплетчиков над рукописной книгой трудились переводчики, художники, мастера по выделке пергамента, ювелиры.

Советский историк П. П. Толочко, много сделавший по изучению истории древнего Киева, пишет: «В деле просвещения Руси книгописчая мастерская и библиотека сыграли не меньшую роль, чем сама София в распространении и утверждении христианства. Книги, вышедшие из ее стен, послужили основой для появления новых библиотек, в том числе и огромной библиотеки Печерского монастыря, который уже с конца XI века превращается в крупнейший центр культурной жизни Киевской Руси. «Зерна книжной мудрости», посеянные Ярославом, дали пышные всходы по всей стране. По примеру Софийской библиотеки возникают по всему государству свои книгописчие мастерские, где создаются летописные своды, публицистические и литературные произведения».

Книг в библиотеке, основанной Ярославом Мудрым, было «множество», говорится в летописи, действовала книгописчая мастерская — скрипторий, трудилось много писцов... А сколько? Прежде всего отметим, что, по мнению Н. М. Слуховского, Софийское книгохранилище возникло благодаря книжному дару Ярослава Мудрого. К сожалению, какими-либо данными о книжных сокровищах библиотеки Ярослава мы не располагаем, знаем только, что книг было «множество». А сколько? В раз-

ное время делались попытки хотя бы приблизительно определить количество этого книжного собрания. Некоторые историки прошлого века утверждали, что это собрание «насчитывало великие тысячи книг рукописных и разных драгоценных манускриптов, писанных на разных языках». Историк русской церкви Е. Голубинский определял, правда, бездоказательно, книжный фонд первой библиотеки в 500 томов, а над ее созданием трудились будто бы 20 мастеров в течение двенадцати с половиной лет. Сейчас высказывается мнение (тоже пока ничем не подкрепленное), что нельзя исчислять количество книг в Киевской Софии сотнями.

Думается, что более правильно такое предположение: в первой русской библиотеке имелись основные произведения Древней Руси, как переводные, так и оригинальные, и что ее фонд непрерывно увеличивался. Ведь перевод и переписка книг, начатые Ярославом Мудрым, продолжались и позднее.

Но что переписывалось, переводилось? Нет ли хотя бы какого-нибудь намека? Ведь не только книг (за исключением двух!), но и никаких описей библиотеки — ни ранних, ни более поздних — не сохранилось. Оказывается, такой намек есть. И содержится он в одной из дошедших из Киевской Софии книг...

Через 40 лет после основания библиотеки в Киеве «Иоанн диак» составил «Изборник» — книжечку небольшого формата, содержащую статьи энциклопедического характера. Основное место в нем занимают поучения о том, какими правилами должен руководствоваться человек в жизни. Для нашего повествования особенно важно то, что сборник составлен на основе книжных богатств Киевской Софии, о чем говорится в приписке «грешного Иоанна» — «избрано из многих книг княжьих». Значит, по приведенным отрывкам, ссылкам на источники мы можем судить хотя бы о части фонда первой русской библиотеки. Источники — многочислен-

ны и разнообразны, но все они весьма ограничены по жанрам. Это жития святых, евангельские и апостольские поучения, пророческие беседы. Это, в основном, то же самое, что перечисляется в «Похвале учению книжному», приведенной в Лаврентьевской летописи: «Книгами поучаются верные люди и наслаждаются ученьем божественным. Каждый, кто почитает пророческие беседы, евангельские и апостольские ученья, жития святых отцов, извлекает великую пользу для души».

Анализ содержания «Изборника» 1076 года позволил исследователям определить и характер работы Иоанна, и уровень его профессиональной подготовки. Он не просто копировал отрывки для чтения, а подвергал их обработке — сокращал, переводил,— демонстрируя при этом широкую эрудицию и умение из доступных ему источников составлять содержательные, целенаправленные сочинения. Следовательно, хорошо образованный Иоанн отбирал, обрабатывал, а уж затем записывал тексты. Кроме того, книга содержит и оригинальные произведения. К ним относится, в частности, статья «Слово о почитании книжном» — первое в истории русской культуры сочинение о пользе, методах и цели чтения. Русский филолог А. Х. Востоков, одним из первых обративший внимание на этот памятник, писал, что эта статья «особенно любопытна, как выражение новопросвященного славенина о драгоценной науке книжной». Вот начало статьи: «Добро есть, братие, почитание книжное... Красота воину оружие и кораблю ветрила, так и праведнику почитание книжное». В этой статье дан один из древнейших советов, как читать. Автор требует осмысленного отношения к читаемому и указывает приемы чтения: «Когда читаешь книгу, не старайся торопливо дочитать до другой главы, но уразумей, о чем говорит книга и словеса те, и трижды возвращайся к каждой главе». Важность учения под-

крепляется примерами. «Отцы церкви» Василий Великий и Иоанн Златоуст, а также славянский просветитель Кирилл потому «на добрые дела подвигнулись», что «измлада прилежали к святым книгам».

По мнению академика М. Н.Тихомирова, в подтексте этих рассуждений — мысль о том, что высокие качества личности не «спускаются с неба» в готовом виде, а представляют собой результат постоянных усилий человека.

Ученые установили, что «Изборник» 1076 года оказал заметное влияние на «Поучение» Владимира Мономаха, и делают из этого вывод: книга находилась в княжеской библиотеке до начала XII века. Последующий путь ее проследить трудно.

Еще раз подчеркнем, что этот сборник, а в нем 277 листов, дает некоторое представление о репертуаре библиотеки Киевской Софии.

Летопись говорит об исключительно церковном характере литературы, необходимость которой диктовалась распространением на Руси христианства. Здесь следует сказать, что Ярослав и его советники, помощники решали весьма сложную задачу — из большого количества книг византийской и других литератур выбрать те, которые отвечали бы потребностям древнерусского читателя.

И все же — и это вызывает невольное удивление — киевские книжники нашли возможность привезти из других стран (прежде всего из Болгарии), перевести или переписать наряду с церковными книгами хроники, исторические повести, сборники изречений, естественнонаучные сочинения, философские и юридические трактаты. Эти произведения послужили основой для плодотворной творческой деятельности книжников, которые трудились в Киевской Софии. Именно здесь разработаны законы древнерусского государства — «Русская Правда», а также «Церковный устав», созда-

вались философские трактаты, поучения и «слова». Именно здесь во времена Ярослава Мудрого и по его инициативе началось летописание.

Хотелось бы снова отметить, что все книжные начинания Ярослава Мудрого возникли не на пустом месте, они опирались, базировались на многолетнем опыте. Так было и с летописанием. На несколько

веков вглубь простиралась «историческая память» восточнославянских племен: из поколения в поколение передавались предания и легенды о расселении славянских племен, о столкновении славян с аварами, об основании Киева, о славных делах первых киевских князей, о далеких походах Кия, о мудрости вещего Олега, о хитрой и решительной Ольге, о воинственном и благородном Святославе. Еще во времена Игоря Старого, деда Владимира Красное Солнышко, на Руси владели грамотой.

Академик М. Н. Тихомиров отмечал, что до возникновения летописных сводов существовали исторические сочинения, в частности, сказание о русских князьях X века. Это сказание, вероятнее всего, было написано в Киеве вскоре после крещения Руси и является, по мнению М. Н. Тихомирова, «первым русским историографическим произведением, притом отнюдь не церковного характера». Следующий очень важный шаг по дальнейшему развитию этого начинания сделал Ярослав Мудрый и книжники из его окружения; в свое время Д. С. Лихачев назвал их «тесным кругом Ярославовых книжников». Согласно достаточно обоснованной гипотезе ряда ученых, именно в то время и возникло летописание.

Вероятно, тогда же в Киеве создается и первый русский хронографический свод — «Хронограф по великому изложению» — краткий очерк всемирной истории, составленный на основе византийских хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы. Более того, «Хронику»

Георгия Амартола перевели с греческого на русский язык. Этот перевод был выполнен с большим мастерством, что позволило Н. А. Мещерскому назвать его «подлинным поэтическим переложением». Позже эту «Хронику» переписали тверские книжники.

В «тесный круг Ярославовых книжников» входил один из деятельных помощников Ярослава Мудрого, его любимец Иларион, автор «Слова о законе и благодати», которое современные исследователи образно называют «первым словом русской литературы». В этом труде Иларион проявил себя как человек, овладевший высокой словесной культурой. Он обладал широким кругозором, был мудрым, смелым политическим деятелем и по праву считается одним из основоположников русской литературы.

«Слово» возвеличивает принятую Русью христианскую религию, восхваляет князя Владимира и обращается к Ярославу как преемнику славных дел отца. Созданное в период наивысшего расцвета древнерусского государства, «Слово» проникнуто оптимистическим пафосом, оно устремлено к великому будущему русского народа, утверждает его независимость от идейного влияния Византии, его собственную высокую культуру и мировую заслуженную славу. С патриотической гордостью пишет Иларион о том, что и до Владимира в Русской земле были замечательные князья, которые мужеством и храбростью прославились во многих странах и победами и крепостью поминаются ныне и славятся. Они «не в худой и не в неведомой земле владычествуют, но в Русской, которая ведома и слышема во всех концах земли». Писатель Е. И. Осетров, много сделавший для пропаганды древнерусской культуры, назвал этот отрывок первым гражданским и лирическим монологом, посвященным Родине. Сразу же после создания «Слово о законе и благодати» было прочитано автором перед Ярославом, княжеской семьей и всей

феодальной киевской знатью в Киевской Софии. Очень скоро «Слово» распространилось в других странах, в частности у южных славян. Более того, основные идеи Илариона, образы и сравнения ученые находят в «Слове о полку Игореве», в других произведениях Древней Руси, в том числе у Епифания Премудрого. Бесспорно, Иларион обладал ярким литературным дарованием, немаловажно и то, что он был хорошо образован, начитан. «Слово о законе и благодати» впитало в себя большое количество литературных источников, имевшихся в княжеском собрании (книговеды даже сделали арифметические подсчеты). Автор широко и свободно использует цитаты из житийной и апокрифической литературы, знает книжную поэзию. Об умелом использовании поэтических приемов этим книжником можно судить по такому, например, образцу: «Ты правдою обличен, крепостию препоясан, истиною обут, смыслом венчан, и милостынею, как гривною и утварью золотою, красуешься».

Личность Илариона заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько подробнее, хотя сведения о его жизни и литературной деятельности крайне скудны. В «Повести временных лет» под 1051 годом сообщается, что в этом году Ярослав поставил его в русские митрополиты, а до этого времени Иларион был священником в княжеском селе Берестове. Здесь же дана и его характеристика: «...муж благ, книжен и постник». Дата смерти его неизвестна.

Предполагают, что он составил «Церковный устав», «Исповедование веры», но самым замечательным его произведением было «Слово о законе и благодати», которое Иларион написал еще до возведения его в сан митрополита.

Творчество Илариона до сих пор привлекает внимание ученых разных специальностей — историков, филологов, книговедов, философов. И все они, с разных точек

зрения, высоко оценивают деятельность этого просветителя, отмечают его большой вклад в развитие древнерусской культуры. Так, по мнению Н. К. Гудзия, «Слово о законе и благодати» является «блестящим показателем высокого уровня литературного мастерства, какого достигла Русь в пору раннего расцвета ее культуры при Ярославе Мудром». В своем труде «История русской философии» А. Галактионов и И. Никандров утверждают, что «Иларион стремится теоретически обосновать государственную самостоятельность и международную значимость русской земли». Наконец, у Н. В. Водовозова в «Истории древнерусской литературы» читаем: «Высокая идейность «Слова» Илариона выражена в замечательной художественной форме. Все три части «Слова», каждая по-своему, разрабатывают единую патриотическую тему независимости русского народа, и все три части неразрывно связаны в одно целостное произведение. Ясность, соразмерность частей, благородство выражения мыслей — все делает «Слово о законе и благодати» выдающимся памятником древнерусской литературы XI века».

Существует несколько оригинальных гипотез относительно деятельности Илариона. Предполагают, что именно он, вместе с Ярославом, стал инициатором сооружения Софии Киевской. Можно думать, что он был среди тех «книжных людей», которые создавали первую на Руси библиотеку. Считают, далее, что Иларион причастен к начальному русскому летописанию... А вот еще один из штрихов его биографии: упоминаемый Нестором в «Житии Феодосия Печерского» «черноризец Ларион», «хитрый писать книги», вероятно, и есть Иларион — в прошлом митрополит Киевский. После «разжалования» он, видимо, окончил простым монахом Киево-Печерского монастыря. Возможно, что далеко не все версии справедливы. Важно другое — становление и утверждение в русской литературе

одного из первых писателей немыслимо в отрыве от развития книжного дела, от первой на Руси библиотеки, без связи с «тесным кругом Ярославовых книжников».

По предположению академика Б. Д. Грекова, в окружение Ярослава Мудрого (во всяком случае, в последние годы его княжения) входил замечательный певец-поэт Боян, пользовавшийся в Древней Руси большой славой. Его цитировал Даниил Заточник, а Сафоний, автор «Задонщины», называл «гораздым гудцом в Киеве». Само имя это стало нарицательным.

Он жил в середине XI века, а столетие спустя автор «Слова о полку Игореве» воссоздал образ древнего песнотворца, назвал его «соловьем старого времени». По его словам, «Боян вещий, если кому хотел песнь слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками». А песни он слагал в честь Ярослава Мудрого, храброго Мстислава (брата Ярослава), прекрасного Романа Святославича (внука Ярослава). Свои песни он сопровождал музыкой, играя на гуслях. Личность Бояна в «Слове» окружена ореолом славы, он назван «вещим» и «смысленным», т. е. мудрым и проницательным, и даже внуком древнеславянского Велеса — бога изобилия и богатства, а также покровителя искусств. Мастерство поэта настолько совершенно, что под его перстами струны оживали и «сами славу князьям рокотали».

И рокот струн, и вдохновенные песни слушал Ярослав Мудрый, его семья, его приближенные или в княжеском тереме, или в самой Софии Киевской.

Существует точка зрения, согласно которой Боян творил в традициях норманских поэтов-скальдов, на что указывают образы «древа», «волка» и «орла», с помощью которых автор «Слова» характеризует творчество Бояна. И пел он не один, а вместе с другим поэтом по имени Ходына. Об этом говорится в заключитель-

ных строках «Слова», где они оба названы «песнотворцами старого времени» и приводятся их слова: «Тяжко ведь голове без плеч, горе и телу без головы». Исполнение произведения двумя певцами — прием традиционный. Песни Бояна поражали слушателей свободным полетом фантазии, широким творческим размахом — от одной эпохи он смело переходил к другой, сопоставляя и противопоставляя различные лица, местности, события: «Кони ржут за Сулою — звенит слава в Киеве!»

Раскрывая художественные приемы вещего Бояна, автор «Слова о полку Игореве» показывает существование поэтической школы в Древней Руси, создавшей не одно художественное произведение.

Кажется, что от творчества этого талантливого певца-поэта ничего не осталось, кроме нескольких цитат в «Слове о полку Игореве». Но академик Б. А. Рыбаков сделал предположение, что одна из песен Бояна — о женитьбе Гаральда Смелого на дочери Ярослава Мудрого Елизавете — сохранилась как былина о Соловье Будимировиче. Во многих вариантах былины есть запев, отличающийся большой поэтической силой:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота, океан-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днепровские...

Как известно, эти великолепные, торжественно-величавые строки звучат в опере Н. А. Римского-Корсакова «Садко» (1896). Так происходит перекличка столетий...

В основе былины «Соловей Будимирович» — не вымысел, не легенда, а подлинный факт, подтвержденный и летописными данными, и литературным

произведением того времени, имеющим любопытную судьбу. В тереме Ярослава звучали не только произведения Бояна, но и саги норвежского поэта-скальда Гаральда Смелого (будущего короля Норвегии). Этот северный искатель приключений был покорен красотой Елизаветы, которая будто бы не отвечала ему взаимностью. Зимой этот викинг жил в Киеве, а летом с дружиной отправлялся в другие страны в поисках славы. Он воевал с арабами и с турками. Песнями о своих удивительных военных похождениях он и склонил сердце гордой Елизаветы, которая стала в 1045 году его женой. Одна из них — «Песнь Гаральда Смелого», состоящая из шестнадцати строф, дошла до нашего времени. Через тысячу лет после создания мы читаем «Песнь» и слышим шум битвы, стук щитов, свист стрел. Герой отважно переплывает бушующее море, переходит пустыни и снежные поля, скачет на коне и на верблюде и одерживает одну победу за другой:

Не тщетно за славой летали далеко
От милой отчизны по диким морям;
Не тщетно мы бились мечами жестоко:
И море и суша покорствуют нам!

Текст «Песни Гаральда Смелого» сохранился в сочинении ученого XIII века Снорри Стурлусона «Круг земной», в котором описывалась жизнь норвежских королей. Через несколько столетий «Песнь» стала очень популярной во Франции, оттуда в XVIII столетии снова вернулась в нашу страну. Ее переводили тогда И. Ф. Богданович и Н. А. Львов, а в XIX веке перевел К. Н. Батюшков. В. Г. Белинский назвал «Песнь Гаральда Смелого» в ряду «замечательнейших стихотворений Батюшкова». Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» о «Песни» северного скальда писал, что «Елизавета не презирала его: он следовал единственно обыкновению тогдашних нежных рыцарей, которые всегда жаловались на мнимую жестокость своих любовниц».

С другой дочерью Ярослава — Анной, ставшей в 1049 году женой французского короля Генриха I Капетинга, связан еще один книжный сюжет. Не будем останавливаться на довольно богатой событиями жизни русской княжны, покорившей королевский двор Франции, расскажем только об одной рукописной книге, судьба которой оказалась связанной с судьбой Анны.

На протяжении двух столетий короли этой страны, начиная с Франциска II до Людовика XVI, при короновании присягали на Евангелии, первая часть которого написана кириллицей, вторая — глаголицей. Именно эту книгу, гласит легенда, привезла с собой во Францию Анна. Впоследствии она подарила ее епископу шалонскому Рогеру — тому самому, который возглавил пышное французское посольство в Киев, чтобы сосватать Анну. Рогер, в свою очередь, подарил Евангелие Реймскому собору, где оно, украшенное драгоценными камнями и золотыми застежками, хранилось до Французской революции. Так появилось знаменитое ныне Реймское евангелие, которое показывали в свое время как реликвию Петру I. Этот драгоценный памятник старославянской письменности одно время считался пропавшим, но неожиданно был обнаружен в городской библиотеке Реймса. В связи с этим фактом возникла еще одна не менее интересная легенда, связанная с дочерью Ярослава.

В начале прошлого века известный собиратель древних памятников письменности П. П. Дубровский перевез свою уникальную коллекцию из Парижа, где он служил в русском посольстве, в Петербург. Тогда-то в журнале «Вестник Европы» появилась статья «О музее г-на Дубровского». В ней описывались привезенные сокровища и рассказывалось о библиотеке, будто бы основанной на чужбине княжной Анной. В журнале сообщалось: «Что всего дороже для сердца доброго россиянина, сей достойный общей признательности наш соотечественник Дубровский, несмотря на великие препятствия, купил ма-

ленькую библиотеку княжны российской Анны, дочери великого князя Ярослава, выданной в супружество в одиннадцатом столетии за Генриха I, короля французского. Известно, что сия княжна основала аббатство Санлис, в котором все ее книги до наших времен сохранились. В сем месте найдены они г. собирателем и куплены недешевою ценою. Упомянутая домашняя библиотека, состоящая большею частию из церковных книг, написанных руническими буквами, и других манускриптов от времен Ольги, Владимира и пр., оставшихся и служащих драгоценнейшими памятниками русской древности, составляет отдельную партию, или отделение, в музее г. Дубровского... Сия библиотека бесценна для нас» (Вестник Европы, 1805, март. С. 51—53). Одновременно этот рассказ в несколько измененной редакции был опубликован и в журнале «Северный вестник».

Анна действительно основала в Санлисе, близ Парижа, монастырь. До наших дней здесь сохранилась построенная в те далекие времена часовня. У ее входа впоследствии был установлен скульптурный портрет королевы в полный рост с надписью: «Анна русская, королева французская, основоположница собора в 1060 г.».

Несмотря на фантастичность многих фактов, изложенных в статье (например, Дубровский не покупал домашнюю библиотеку Анны), можно все же с большой долей вероятности предположить, что какое-то собрание рукописных книг в Санлисе Анна имела. Добавим, что на многих французских государственных документах осталась подпись кириллицей — «Анна Ръеина» — «Анна королева».

Некоторое представление об Анне как человеке, несомненно, образованном, начитанном, дает письмо папы Николая II, написанное им королеве в 1059 году. Он хвалит ее добродетель, ум и советует воспитывать своих сыновей в чистых нравах, поддерживать короля в его заботах о государстве.

Легенды и быль, быль и легенды — все переплелось: и человеческая судьба, и судьбы королей Франции, присягавших короне на русской книге...

Здесь уместно сказать, что любителями книг были и сыновья Ярослава Мудрого. Происхождение трех древнейших русских книг связано с именами братьев Ярославичей.

Для Владимира Ярославича, новгородского князя, в 1047 году была переписана «Книга пророков» (дошла до нас в списках XVI века). Ее переписчик «поп Упырь Лихой» — так он сам себя называл — оставил древнейшую из известных русских выходных книжных записей. В ней Упырь Лихой желает здоровья своему заказчику, выражает надежду, что тот его не забудет: «Здоров же, княже, буди, в век живи, но обаче писавшего не забывай». Далее он молит всех прочитать эту книгу, тем самым вносит, по мнению Н. Н. Розова, в свою приписку элемент рекомендательности. Именно при князе Владимире был построен в 1045—1051 годах Софийский собор в Новгороде, где также сложилась крупная библиотека.

Для приближенного, а затем соправителя князя Изяслава Ярославича — Остромира было создано в 1057 году ныне знаменитое Остромирово евангелие — старейшая из сохранившихся точно датированных книг. Дьякон Григорий, написавший этот подлинный шедевр, в послесловии (иначе и не назовешь его пространную приписку) сообщает интереснейшие подробности, которые позволяют сделать вывод, что уже в середине XI века на Руси были люди, «преизлиху насытившиеся учения книжного» (Иларион). И что такие люди были в окружении Изяслава. Послесловие привлекало внимание многих ученых, как в прошлом веке, так и в наше время. Проследим, например, за рассуждениями по этому поводу известного книговеда Б. В. Сапунова. Он отмечает, что дьякон Григорий преподносит свой труд не только самому посаднику новгородскому Остромиру, но и «подружии» (жене) его Фео-

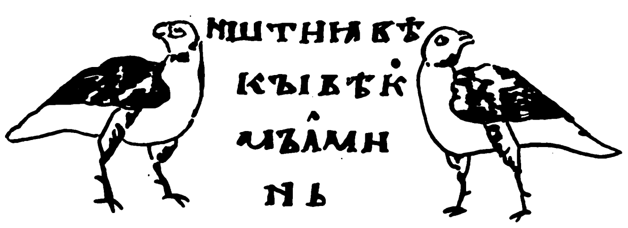
фане, и чадам их, и «подружиям» чад их. Если бы члены семьи посадника были неграмотны, то такой подарок терял всякий смысл.

Далее, Григорий обращается к тем, кто пишет лучше его, а также к тем, кто будет читать его Евангелие, с просьбой не проклинать его грешного, а, исправив, почитать. Следовательно, во времена Григория имелись другие переписчики, превосходившие его мастерством; кроме того, он предвидел, что его книга не будет пылиться в казне посадника, а будет активно читаться. Надо полагать, Григорий знал, что он был далеко не одинок в своем умении хорошо писать. Почти в те же годы на другом конце Русской земли, в далекой Тмутаракани, не известный нам по имени мастер профессиональным, твердым почерком высек на мраморной стеле надпись, прославляющую князя Глеба, который предпринял первые в нашей стране гидрографические измерения.

Имела пристрастие к книгам и жена Изяслава — польская княжна Гертруда, которая привезла с собой, как предполагают исследователи, несколько западноевропейских книг. Одна из них хорошо известна — это «Трирская псалтырь, или Кодекс Гертруды». Она написана на латинском языке по заказу трирского архиепископа Эгберта. Невестка Ярослава Мудрого распорядилась вшить в Кодекс пять новых листов с текстом и миниатюрами. На них есть изображение сына Гертруды Ярополка Изяславича, его жены и самой Гертруды. Миниатюры на вшитых листах отличаются друг от друга стилистическим разнообразием, а это позволяет предположить, что их выполняли три художника. (Сейчас Псалтырь хранится в Чивидале — небольшом городке на севере Италии.)

Всеволод, по воспоминаниям его сына Владимира Мономаха, «дома сидя, изучил пять языков», за что ему воздавали честь в чужих землях. По предположению Н. К. Гудзия, он знал греческий, латинский, немецкий, венгерский и половецкий языки.

Покровителем книжного дела считался и сын Ярослава князь Святослав, который, по свидетельству современника, «много старался для собирания книг». Его величали «новым Филадельфом», приравнивая тем самым к прославленному библиофилу древности египетскому царю Птолемею II. Такая оценка содержится в предисловии к знаменитому «Изборнику» 1073 года. Создан он в книгописной мастерской при Киевской Софии, переписчик — «Иоанн диак». Это вторая по древности точно датирован-

«Изборник» 1073 г. Послесловие

ная рукописная книга, оригиналом для нее послужил сборник, переведенный в свое время с греческого для болгарского царя Симеона. На протяжении длительного времени книга эта пользовалась на Руси огромной популярностью. В ней помещены статьи (а всего их более четырехсот) не только богословские и церковно-канонические, но и по астрономии и философии, математике и физике, зоологии и ботанике, грамматике, истории и этике.

Это — книга большого формата, богато иллюстрированная многокрасочными миниатюрами. В «Изборнике» помещена и миниатюра, изображающая князя Святослава с книгой в руках в окружении семьи,— первый портрет светского содержания, дошедший до наших дней. «Изборник» позволяет судить о прекрасном мастерстве и художника, и писца, позволяет сделать вывод об отработанной технологии изготовления книг на Руси того времени.

Открывается «Изборник» вводной статьей. Заметим, что это не буквальная, а творчески переработанная копия. Книгописец так сформулировал полученное задание: «Великий в князьях князь Святослав — державный владыка, желая объявить скрытый в глубине многотрудных этих книг смысл, повелел мне, несведущему в мудрости, перемену сделать речей, соблюдая тождество смысла». Вместе с тем это, по-существу, указание по практике перевода, которым руководствовались книжники.

Есть в конце книги приписка, из которой мы узнаем, что «Изборник» написал «Иоанн диак». Для нашего повествования важно то, что эта рукопись содержала первые на Руси списки «истинных» и «ложных» произведений. По мнению автора, истинные книги «добры и лепотны». Среди запрещенных перечислялись апокрифические книги, отреченные сочинения, легенды, предания. Списки примечательны тем, что дают возможность познакомиться (не в полном объеме, конечно) с кругом чтения в Древней Руси, представляют собой своего рода

библиографический материал. Добавим, что какую-то часть сведений о книжном репертуаре дают сочинения Илариона, какую-то часть — «Изборник» 1076 года...

Таким образом, Ярослав Мудрый вошел в историю русской книги как организатор перевода и переписки книг, как создатель первой русской библиотеки. А какова судьба книг, созданных в скриптории при Киевской Софии, какова судьба первой на Руси библиотеки?

В свое время известный советский популяризатор М. Ильин сравнивал каждую дошедшую до нас из далекого прошлого книгу с бумажным корабликом, переплывшим бурное море истории. Удивительно точный образ! И поражаться надо не тому, что книги погибали, а тому, что некоторые из них, преодолев толщу времени, преодолев всевозможные невзгоды — сохранились.

Сберечь библиотеку в то время было делом весьма сложным. Можно со всей определенностью говорить о том, что Софийский собор насчитывал ряд библиотек: одни гибли, а на их месте возникали новые. В 1169 году, например, Мстислав, сын Андрея Боголюбского, взял Киев, три дня грабил собор и вывез все книги. В 1203 году Софию грабили половцы в союзе с русскими князьями, и опять пострадал книжный фонд. Дальнейшая судьба библиотеки неизвестна. Следов ее до сих пор не найдено. Но нет и ни одного упоминания о ее гибели.

Значение древних русских библиотек, которые были и просветительными учреждениями, и книжными мастерскими, и «книгохранительницами», огромно: они сберегли, сохранили для нас ценнейшие памятники старины.

Советский историк Б. В. Сапунов считает (на основании сложнейших расчетов), что в древнерусском государстве с X века по 1240 год было в обращении не менее 90 тысяч одних только богослужебных книг. Общее же их количество определяется в 130—140 тысяч томов. Сюда включается и светская литература — изборники, хронографы, летописи, юридические сочинения

(«Русская Правда», например), художественные произведения («Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника» и др.). А через все невзгоды дошло до нашего времени всего-навсего 190 названий. И в каком виде?! Об этом можно судить хотя бы по рукописям, которые находятся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина. Из 68 рукописей, относящихся к XI—XIII векам, только 22 можно считать целыми. От 20 остались лишь отрывки, у 5 рукописей не сохранилось начало, у 9 — конец, 11 — без конца и начала, в одной рукописи отсутствуют листы внутри текста...

Подсчитано и примерное число грамотных людей в домонгольское время. По мнению Сапунова, не менее двух процентов населения страны владело грамотой, а в таком культурном центре, как Новгород, этот процент еще выше — не менее 5. Вспомним, что при правлении Екатерины II один грамотный приходится на восемьсот человек.

Но в Древней Руси не только эти два процента людей были знакомы с произведениями литературы. Надо помнить, что книги не только читались, но и «слушались». Книги вслух читали в теремах, в городских домах, в монастырях. В «Житии Антония Сийского» сказано: «На трапезе бывает утешение братии великое и чтем житие преподобного».

Академик Б. А. Рыбаков заметил, что каждую древнерусскую книгу, да еще зная ее дороговизну, мы должны представлять себе не только как объект поочередного индивидуального пользования, но и как источник общих чтений.

Вторжение орд Батыя нанесло непоправимый ущерб и всему древнему Русскому государству, и его самобытной книжной культуре; в разрушенных и сожженных городах погибли многие и многие библиотеки, сгорели бесценные произведения...

Глава третья

Нестор-летописец

А теперь время рассказать о человеке, чье имя навеки вошло в историю русской культуры. Ему суждено было стать создателем всемирно известной ныне «Повести временных лет» — произведения, интерес к которому не увядает на протяжении веков. Это — Нестор-летописец. Нет, пожалуй, в нашей стране человека, который не слышал этого имени!

Его патриотический труд позволяет нам судить об авторском мировоззрении, политической и художественной позиции, о мастерстве литератора и историка, о его окружении... О круге его чтения, наконец.

«Повесть временных лет», истоки которой уходят в далекое прошлое нашей Родины,— страстное публицистическое произведение по истории начальных веков родной страны, произведение, отличающееся широтой замысла, чрезвычайно богатое, разнообразное по содержанию и необыкновенно яркое, оригинальное по форме. В начале повествования коротко сказано о вавилонской башне, о потопе, о разделе земли между сыновьями Ноя, о расселении славян, о первых князьях полян — Кии, Щеке и Хориве, о войнах с хазарами. В «Повести» сведения о языке, обычаях, религии различных славянских племен; она содержит перечень народов, обитавших на всем пространстве Русской равнины; в ней говорится о размещении городов, о времени их возникновения и размерах. Летописец сообщает, например, о том, как расселялись славянские племена — поляне, древляне, кривичи, северяне: «Славяне сели по Ильменю, Днепру, Десне...» Или: «Были два брата, и сели: Радим

на Соже, и от него название радимичи, а Вятко сел своим родом на Оке, и от него получили название вятичи».

В первой (вводной) части дат нет. А далее изложение событий в Киевской Руси идет в хронологическом порядке. Первая дата 6360 (или 852 по новому летосчислению) — год знаменитого похода русов на Царьград. Оказывается, до этой даты летописец нигде не встречал слова Русь. Читаем пояснение: «Приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим».

Автор «Повести» широко использовал отрывки из не дошедших до нас преданий, легенд и былин. Одну из них поэтически обработал А. С. Пушкин — это знаменитая «Песнь о вещем Олеге». Легенда помещена в летописи под 912 годом и начинается словами: «И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: „От чего мне умереть?" И сказал ему один кудесник: „Князь! Коня любишь и ездишь на нем,— и от него тебе умереть!"».

И подобных легенд немало в «Повести временных лет». Недаром ученый прошлого века К. П. Бестужев-Рюмин определил «Повесть временных лет» как архив, «в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной литературы». Таковы, например, рассказы о возникновении Киева, который был объявлен «матерью городов русских», и о походе Олега на Царьград, и о смерти Игоря, и о борьбе князя Мстислава с Редедею.

С большим вниманием Нестор описывает мирное строительство. Он рассказывает, как Владимир открыл в Киеве школу; как Ярослав Мудрый строил города, возвел знаменитый собор Софии, Золотые ворота, как он любил книги и организовал перевод и переписку книг.

Словом, летопись Нестора давала обобщенную картину жизни и развития государства Русского: о правлении

князей, о народных восстаниях, о борьбе с печенегами и половцами, о походах на Византию. И что важно — русская история связана с историей мировой. Академик Д. С. Лихачев так оценивает гениальный труд летописца: «Нестор связал русскую историю с мировой, придал ей центральное значение в истории европейских стран. Показать Русскую землю в ряду других держав мира, доказать, что русский народ не без роду и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гордиться,— такова замечательная по своему времени цель, которую поставил себе составитель «Повести». «Повесть временных лет» должна была напомнить князьям о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли. Задача эта выполнена летописцем с необыкновенным тактом и художественным чутьем. Широта замысла сообщила спокойствие и неторопливость рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям, художественное единство и монументальность всему произведению в целом».

Уместно напомнить и те строки «Повести временных лет», которые свидетельствуют о начале русской книги. Первая дата — 898 год, где речь идет о создании славянской письменности, о переводе и переписке книг. Вторая дата — 988 год. Здесь сообщается о делах Владимира по организации образования русских людей.

После этих двух свидетельств убедительно воспринимается рассказ под годом 1037 — об основании сыном Владимира Ярославом Мудрым первой на Руси государственной библиотеки. Здесь же помещена первая в истории русской культуры знаменитая «Похвала книге».

Под 1051 годом говорится об основании первого в нашей стране Киево-Печерского монастыря, о том, как складывался там центр книгописания, создавалась библиотека. Именно из этого монастыря вышли первые русские писатели — Иларион, Феодосий, Никон, Нестор... Что же известно о жизни Нестора? Предполагают, что

родился он в зажиточной семье, получил хорошее по тому времени образование, с любовью относился к «книжному учению». Достоверно известно, что семнадцатилетним юношей пришел он в 1073 году в Киево-Печерский монастырь «обретать мудрость из книг». Здесь и прошла вся его жизнь. Здесь сложилась хорошая литературная традиция. Иноки занимались не только перепиской книг, но и составлением житий русских святых, вели летописание. Читать, переписывать и переплетать книги считалось не только полезным, но и богоугодным делом и для простого монаха, и для игумена.

На образованность молодого монаха, на его литературные способности скоро обратили внимание. Ему, отличавшемуся начитанностью и знанием иностранных языков, поручили написать «Чтение о князьях Борисе и Глебе», а затем «Житие Феодосия Печерского», основателя монастыря. Уже этими талантливыми произведениями писатель снискал себе широкую известность. А потом Нестору доверили дело, которому он отдал многие годы своей жизни, все свои знания, опыт, вдохновенье,— составление летописного свода. Прежде чем написать первую строку текста: «Так начнем повесть сию»,— Нестор вывел довольно длинное название, в котором четко определил свою основную задачу. Вот как это было определено самим летописцем: «Вот повести минувших лет Нестора, черноризца Феодосьева монастыря Печерского, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить, как возникла русская земля».

Прекрасную характеристику «Повести» дает академик Д. С. Лихачев в своих комментариях к академическому изданию, вышедшему в 1950 году: «Летописец сравнил книги с реками: „Се бо суть реки, напояющие вселенную!“» («Повесть временных лет» под 1037 г.). Это сравнение летописца как нельзя более подходит к самой летописи. Величавое и логическое изложение летописью русской истории действительно может быть уподоблено тор-

жественному и могущественному течению большой русской реки. В этом течении летописного повествования соединились многочисленные притоки — произведения разнообразных жанров, слившиеся здесь в единое и величественное целое. Тут и предшествующие летописи, и сказания, и устные рассказы, и исторические песни, созданные в различной среде: дружинной, монастырской, княжеской, а порой ремесленной и крестьянской. Из всех этих истоков — «исходя из мудрости» — родилась и «Повесть временных лет» — создание многих авторов, произведение, отразившее в себе и идеологию верхов феодального общества, и народные воззрения на русскую историю, народные о ней думы и народные чаяния, произведение эпическое и лирическое одновременно — своеобразное мужественное раздумье над историческими путями нашей родины».

Летопись создавалась в монастыре под Киевом почти одновременно с «Пространною Русскою Правдою», во времена, когда Киевская Русь достигла своего наивысшего развития, когда просвещение было уже широко разлито по Руси.

Монастыри — своеобразные центры культуры. По средневековой традиции именно в них формировались наиболее образованные люди. За крепкими стенами, в тишине келий можно было без помех читать, писать и собирать книги; первые писательские имена на Руси — имена монахов.

Еще во времена Игоря Старого, деда Владимира Красное Солнышко, на Руси владели грамотой. Непрерывная письменная традиция восходит к глубокой древности, к языческим временам, ею пользовались в бытовом обиходе. Издавна велось в Киеве и летописание, возникшее, как уже отмечалось, еще во времена Ярослава Мудрого.

Монах Киево-Печерского монастыря Никон, названный в Патерике «великим», составил летописный свод 1073 года.

Около 1093 года в том же монастыре создается новый летописный свод, который А. А. Шахматов назвал «Начальным». Составитель «Начального свода» продолжал летописное изложение описанием событий 1073—1093 годов, придав своему труду публицистический характер. (Памятник, как установлено благодаря кропотливым разысканиям историков, сохранился в Новгородской Первой летописи.)

В начале XII века Нестор-летописец, «книжник широкого исторического кругозора и большого литературного дарования», завершает новый свод — «Повесть временных лет»...

Сейчас известно, и мы об этом просто говорим: Нестор начал писать летопись тогда-то, работал над ней столько-то лет, завершил тогда-то. Но ведь ничего об этом в явной форме в самой «Повести» не говорится, рукопись автора не сохранилась, она утрачена, сама «Повесть» вошла в состав других летописей с различными изменениями, сокращениями, дополнениями. Сколько же труда, упорного, кропотливого, надо было затратить, чтобы только уточнить время работы Нестора над своим произведением. Проследим, пользуясь доводами советского исследователя М. Х. Алешковского, как были выяснены хронологические рамки работы летописца.

Вначале проверялась дата завершения Нестором «Повести временных лет». В статье 1051 года о возникновении Печерского монастыря летописец говорит о себе в первом лице. Рассказав о его основании, об игумене Феодосии, о закладке Успенского собора, Нестор вспоминает, как он, 17-летним юношей, пришел в монастырь, был пострижен Феодосием. Произошло это, судя по рассказу, не раньше 1073 года, когда закладывалась Успенская церковь, но не позже 1074 года (смерть Феодосия). А когда Нестор написал эту статью? С особым вниманием читает М. Х. Алешковский рассказ во всех дошедших до нас списках «Повести временных лет» и вот в Никоновской

летописи XVI века находит фразу, выпавшую из других списков, о том, что Нестор пробыл в монастыре 40 лет после своего прихода. Отсюда следует, что рассказ он записал через 40 лет после поступления в монастырь. 1074 плюс 40 дают 1114 год — дату окончательного создания «Повести временных лет».

А когда она была начата? Известно, что с 1091 года в «Повести временных лет» идут сплошным потоком даты с точностью до дня недели и часа дня. И вот как раз в статье этого года Нестор опять говорит о себе в первом лице. Ему была поручена игуменом Иоанном раскопка мощей Феодосия для его канонизации — причисления к лику святых. Нестор, рассказывая об этих раскопках, отмечает, что он в то время уже вел «се летописание». Фраза о «сем летописании» выпала из всех многочисленных списков «Повести временных лет» и уцелела только в Воскресенской летописи XVI века. Поэтому можно сделать вывод, что Нестор начал писать летопись около 1090 года. Предварительно он должен был дать к ней историческое введение и довести его до начала своих погодных записей.

В 1115 году Нестор переработал текст «Повести временных лет», включив в него рассказ о возникновении Печерского монастыря (в этом рассказе он говорит о 40-летнем своем пребывании в монастыре), рассказ о жизни и смерти игумена Феодосия.

В своей литературной работе Нестор использовал библиотеку монастыря, в которой были греческие, болгарские, русские и западнославянские книги. Полезно несколько подробнее рассказать о ней.

Первые книги принесли с собой и оставили мастерá, расписывавшие соборную церковь. Книги находились на полатях, на хорах церкви, активно «тиражировались». Братия должна была являться в определенные часы для чтения книг. Часть братии занималась переписыванием книг. Некоторые из монахов имели собственные библиоте-

ки. Ученик Феодосия Григорий не имел ничего своего, но не мог удержаться от приобретения книг. У него они стали пропадать. Чтобы не вводить похитителей в искушение, он часть своих книг подарил «властелину града», а другую продал. Но тяга к книгам не прошла, он снова стал собирать их.

Сам Феодосий поощрял «почитание книжное»... Знаменитый печерский Патерик повествует о том, что «бла-

Первый лист «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку

женный и благоверный князь Святоша, именем Николай, сын Давидов, внук Святославль» в 1106 году постригся в монахи и поселился в одной из деревянных келий Киево-Печерского монастыря, куда перевез из своих княжеских хором обширную книжную коллекцию. Нестор в эти годы напряженно работал над своей «Повестью», и можно представить себе, с каким вниманием рассматривал книги Николая Святоши, отбирал необходимые ему для работы, подолгу беседовал с ученым монахом. А его коллекция, видимо, и вправду была внушительной, если еще в 20-е годы XIII столетия Патерик отмечал, что многие его книги хранятся «и до ныне».

Игумен Феодосий ввел у себя устав греческого Студийского монастыря. Отдельный параграф «повелевал» иметь в обители библиотеку, выделять специального монаха, который в соответствии с монастырскими правилами выдавал бы книги для чтения: «Должно знать, что в те дни, в которые мы свободны от телесных дел, ударяет книгохранитель в дерево (било, подвешенная доска.— *А.Г.*) однажды и собирается у него братия в книгохранительную палату и берет каждый книгу и читает до вечера. Перед клепанием же к светильничному ударяет опять однажды книжный приставник и все приходят и возвращают книги по записи».

Вот в такой обстановке протекала многолетняя творческая деятельность летописца.

Нестор переработал, как мы уже говорили, труды своих предшественников-летописцев, отдельные литературные произведения, документы, устные исторические предания и легенды, а также использовал собственные наблюдения и рассказы очевидцев. Все это потребовалось для создания единого свода русской истории. Ученые установили, что при составлении «Повести временных лет» были использованы, в частности, такие произведения, как русские летописные своды, летопись «галичанина» Василия, «Изборник Святослава» 1073 года, договоры

Руси с Византией, «Сказание о грамоте славянской», Псалтырь, притчи Соломона, апостольские послания, ряд поучений... И конечно, подверглась изучению «Хроника» Георгия Амартола. В ней изложена история до середины IX века, включая не только библейские сказания, но и рассказы о царях Востока (Навуходоносоре, Кире, Дарии), об Александре Македонском, римских и византийских императорах.

Были, разумеется, и другие источники, откуда Нестор почерпнул сведения. Он был, например, прочно связан с киевским князем Всеволодом — сыном Ярослава Мудрого, широко образованным человеком, который знал пять языков. Князь хорошо осознавал значение летописи в острой политической борьбе. Как выяснили? Только сам Всеволод мог рассказать летописцу о словах Ярослава, обращенных к нему на смертном одре. Это целая речь, бережно сохраненная для потомства его сыном. В летописи говорится и об основании им монастыря в Выдубицах, всячески подчеркиваются добрые дела князя, вначале переяславского, а затем киевского. Использовал автор «Повести временных лет» и «Летописец» Всеволода, в котором время от времени отмечались события, имеющие к нему отношение.

В летопись вошли также рассказы друга Нестора Яна Вышатича, новгородца, переехавшего в Киев и умершего в Киево-Печерском монастыре в 1106 году. (Под этим годом Нестор записал: «В се же лето преставился Янь... От него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь, от него же слышах».)

Знал и помнил Ян Вышатич много, он бывал в свое время в Тмутаракани и в Белоозере, служил в Чернигове, воевал у Полоцка, был, наконец, воеводой в Киеве.

В большой дружбе Киево-Печерский монастырь был с киевским князем Святополком, который княжил до 1113 года. Историки объясняют, что именно благодаря этой дружбе Нестор смог получить из княжеского архива текс-

ты договоров Олега и Игоря с Византией и другие документы. Естественно, что в летописи этот князь показан в самом доброжелательном свете. А местные неурядицы, непорядки, не говоря уже об ослеплении князя Василька,— не нашли отражения в летописи... И все же, внимательно всматриваясь в текст Нестора, как бы прислушиваясь к его голосу, можно узнать о современной автору жизни, о ее политических изменениях. Даже на древнем материале Нестор мог обсуждать волновавшую его действительность.

Нестор, судя по его труду, был, говоря современным языком, передовой интеллигент, глубоко заинтересованный в судьбе своей Родины, искренне сочувствующий бедам народа и гордящийся его историей.

Со страниц летописи звучит протест против непомерных поборов княжеских дружинников, напоминание о постоянной половецкой опасности. Эта связь с реальной политической действительностью своего времени придала авторскому слову взволнованность и выразительность, сделала его рассказы о далекой истории понятней и доходчивей, привлекла к его произведению внимание и современников, и потомков.

Читателей — современников «Повести временных лет» интересовало не только то, что сказал автор, но и то, как он это сказал. Ведь «Повесть временных лет» — и замечательный исторический источник, и выдающийся памятник, стоящий у истоков художественной литературы. Громадный талант автора проявился в умелом применении им самых разнообразных приемов современной ему художественной словесности, в гибком и порой неожиданном сочетании устной народной речи и языка политических документов, библейских цитат и христианской молитвы. Как справедливо заметил М. Х. Алешковский, «живописные, полные свежих подробностей рассказы сменяются строго выдержанными в церковно-каноническом духе картинами. За взволнованной авторской речью

от первого лица идут бесконечные выписки из Библии. Устные легенды перемежаются немногословными хроникальными заметками. Обширные описания, раскрывающие смысл и мотивы тех или иных событий или поступков, соседствуют с точными упоминаниями о других фактах, рассчитанных на хорошо осведомленных читателей, которые следили за повествованием с огромным вниманием».

Всегда интересно узнать, как в разное время воспринималась читателями та или иная книга — тем более такая знаменитая. Об одном читателе подробно рассказывает академик Д. С. Лихачев. Оказывается, «Повестью временных лет» своеобразно воспользовался для своей исторической концепции автор «Слова о полку Игореве». В этой поэме найден ряд выражений, ряд мыслей, почти буквально совпадающих с выражениями и мыслями «Повести». Лихачев пишет: «Нельзя не видеть, какие жемчужины поэзии отобраны автором «Слова» в «Повести временных лет»: поединок Мстислава Владимировича с касожским князем Редедею, трагическая смерть Бориса Вячеславовича, безвременная кончина «уноши» Ростислава и оплакивание его матерью. Даже вне зависимости от умелого использования этих эпизодов в «Слове», от поэтичной их доработки, самый выбор этих мест, в «Повести временных лет» малозаметных и эпизодических, но привлекательных по своему глубокому человеческому содержанию, говорит о том, что в лице автора «Слова о полку Игореве» «Повесть временных лет» нашла внимательного и чуткого к ее жизненной красоте читателя».

Были, разумеется, и другие читатели. Прямые ссылки на труд Нестора имеются в Киево-Печерском Патерике, имеются заимствования из «Повести» в лучших произведениях XII и XIII веков. Особенно возросло ее значение в тяжкие годы татаро-монгольского ига. Призывы «Повести» к борьбе с половцами воспринимались как призывы к борьбе с татарами.

Пользовалась огромным успехом «Повесть» и в последующие столетия.

С XVIII века и по сегодняшнее время «Повесть» — настольная книга ученых-историков. Имена ученых, работавших над «Повестью временных лет», широко известны: В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, А. А. Шахматов, А. К. Никольский, Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев... Эти

читатели вникают в каждую фразу, анализируют каждое слово, каждую мысль и каждый факт, изучают текстуальные особенности каждого из дошедших до нас списков. Ученые обнаружили в «Повести» следы работы целой плеяды книжников, использовавших тексты своих предшественников при составлении собственных летописей. Идя по этим следам, они воссоздали первоначальный состав «Повести».

Нестор довел описание событий до 1110 года. Далее рассказ как бы обрывается, а летописец неожиданно называет себя не печерским монахом, а игуменом другого монастыря. Вот эти строки, над которыми пришлось немало поработать последующим исследователям: «Я, игумен Сильвестр монастыря святого Михаила, написал книги эти, летопись, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире, когда он княжил в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила в лето 6624» (т. е. в 1116 году). Сильвестр был игуменом в Выдубицком монастыре, что под Киевом, князь Владимир — это Владимир Мономах. Так кто же автор летописи: Нестор или Сильвестр? Кропотливое исследование множества летописей, длительные дискуссии, упорный поиск ученых дали такой ответ. До 1113 года в Киеве княжил Святополк, с которым Киево-Печерский монастырь был в большой дружбе. Преемник Святополка — Владимир Мономах поручил исправить летопись в нужном для себя свете. «Повесть временных лет» отобрали у Нестора и передали в Выдубицкий монастырь для переработки. Сильвестр переработал последнюю часть летописи — усилил роль

Владимира Мономаха в борьбе с кочевниками, вставил несколько новых статей. Кроме того, он немного «подправил» заглавие — выкинул имя автора и название монастыря, написав: «Се повесть временных лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля». Так появилась вторая редакция «Повести временных лет». Но и этой переработкой Владимир Мономах не был удовлетворен. Он поручил наблюдать за новой переделкой летописи своему сыну Мстиславу. Третья редакция так и называется — Мстиславовой. Здесь сделаны сокращения и переделки, многое выкинуто, а взамен включена неумело скомпонованная тенденциозная легенда о призвании в Новгород князей-варягов.

...Летопись Нестора пошла странствовать по свету. И где бы ни создавалась новая летопись, начиналась она словами «Се повесть временных лет...», за которыми следовал текст Нестора (или в редакции Сильвестра, или Мстислава). Здесь стоит упомянуть о том, что в одном из списков имя Нестора сохранилось. Жил в Коломне купец П. К. Хлебников — большой любитель древних рукописей. После его смерти Н. М. Карамзин записал: «В 1809 году, осматривая древние рукописи Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я два сокровища в одной книге: летопись Киевскую, известную единственно Татищеву, и Волынскую, прежде никому не известную». В Хлебниковской летописи заголовок звучит так: «Се повесть временных лет Нестора...» «Повесть» служит как бы введением к городским, боярским, княжеским, митрополичьим, монастырским летописям.

«Повесть временных лет» дошла до нас в составе более поздних летописных сводов XII—XIV веков, она незаметно для читателя переходит в текст последующей летописи, продолжающей «Повесть временных лет». Лучшие списки ее находятся в составе Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивилловской летописей.

Проследим кратко путь одной из них. Из Выдубицкого монастыря Сильвестр переходит епископом в Переяславль, экземпляр «Повести» берет с собой. Какой-то безымянный монах в Переяславле добавляет к старому тексту новые статьи. В конце XII века летопись эту продолжают во Владимире, затем — в Ростове и Твери, где последняя запись сделана в 1284 году. Идет время... Тверской или костромской монах еще раз переписывает и дополняет труд Нестора в 1305 году. С этого текста за три года до Куликовской битвы снимает копию хорошо известный «мних Лаврентий». По его имени названа старейшая из дошедших до нас летописей — Лаврентьевская. Знаменит Лаврентий и той припиской, которую он сделал, окончив «труд, завещанный от бога»: «Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед, тако же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, тако же и я, худый, недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних. Начал писать книги сии, называемые летописец великому Дмитрию Константиновичу, месяца генваря в 14-й и кончил месяца марта в 20-й в лето 6885 (т. е. в 1377 году.— *А.Г.*) при благоверном и христолюбивом священном Дионисии Суздальском и Новгородском. И ныне господа отцы и братья, где описал или переписал или не дописал, чтите, исправляйте, а не кляните, ибо книги ветшаны, а ум молод, не дошел...» Эта запись сделана киноварью.

«Открыл» же для нас Лаврентьевскую летопись в 1792 году А. И. Мусин-Пушкин, тот самый, что обнаружил в древних книгах и «Русскую правду», и «Слово о полку Игореве».

Произошло «открытие» знаменитого памятника, как отмечалось впоследствии в «Вестнике Европы», так: «Нечаянно узнал он (т. е. Мусин-Пушкин.—*А.Г.)*, что привезено на рынок в книжную лавку на нескольких телегах премножество старинных книг и бумаг, принадлежавших

комиссару Крекшину, которых великая куча лежит в лавке у книгопродавца, что в числе их есть такие, коих прочесть не можно. Не медля того же часа поехал он в лавку и, не допуская до разбора книг, ни бумаг, без остатку все купил,— и не вышел из лавки, доколе всего, при себя положен на телеги, не отправил в свой дом.

В сей великой куче между многими достопамятностями найдены две весьма редкие летописи: перевод Несторова, писанная на пергаменте...»

Перед учеными предстала из глубины веков уникальная, довольно большого формата (20×24 см) в старинном кожаном переплете рукопись. Текст «Повести» начинался в ней на обороте первого листа; лицевая же сторона, до крайности загрязненная, содержала единственную запись (XVI или начала XVII века), прочитáть которую удалось с большим трудом: «Книга Рождественского монастыря Володимерьского». В рукописи — 173 листа, из них первые 40 написаны уставом в один столбец. С 41-го листа в рукописи уже два столбца, а вместо устава — скоропись. По различиям в почерках удалось установить, что переписку вел не только монах Лаврентий, но и другие мастера. Довольно большая книга была создана очень быстро — всего за 65 дней.

Лаврентьевская летопись не лежала мертвым грузом, ее много читали, о чем свидетельствуют и обветшалые листы, и стертые строчки в начале книги, и следы восковых капель от свечей.

Судьбу памятника попытался восстановить последователь А. А. Шахматова — М. Д. Приселков в своей «Истории рукописи Лаврентьевской летописи и ее издания», написанной в 1939 году. Приселков считал, что Лаврентьевская летопись хранилась в библиотеке Владимирского монастыря до тех времен, когда последовали указы Петра I о высылке в синод и сенат из монастырских и церковных библиотек старых летописей.

Лаврентьевская летопись, оказавшаяся в начале XVIII

века в Петербурге, по мнению Приселкова, была «зачитана» известным комиссаром петровских времен П. Н. Крекшиным из фонда собранных правительством летописей. У его наследников и приобрел летопись Мусин-Пушкин.

«Повесть временных лет» чуть было не затерялась в многочисленных летописях, а имя ее автора — предано забвению. Однако ученым удалось возродить ее, очистить от позднейших наслоений, исправлений и искажений. Было определено и имя истинного создателя — Нестора.

Изучение летописи начато более двухсот лет назад замечательным русским ученым-историком В. Н. Татищевым. В своем труде «История Российская» он отвел ей специальную главу — «О Несторе и его летописи». Именно Татищев был первым исследователем, который собрал и систематизировал сведения о Несторе. Видел Татищев у одного раскольника на Урале летопись — «список на пергаменте весьма древнего издания», так называемый Раскольнический летописец, в котором также было обозначено имя автора: «Повесть временных лет Нестора черноризца Феодосиева Печерского монастыря». И эта, и ряд других летописей, которые держал в руках Татищев, были позже утрачены.

Лаврентьевскую летопись использовал при работе над своей «Историей государства Российского» Н. М. Карамзин (для него была снята копия с редкого манускрипта).

На основе трудов своих предшественников А. А. Шахматов составил схему создания древнейших летописных сводов, пользуясь «Повестью временных лет» и Новгородской Первой летописью. Он отнес возникновение древнейшего летописного свода ко времени Ярослава Мудрого. Наблюдения Шахматова уточнил и развил М. Д. Приселков, впервые написавший «Историю русского летописания» (Л., 1940). Позже итоги исследования русских летописей обобщил Д. С. Лихачев в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М.; Л., 1947).

Все перебивки, вставки, которые нарушали первоначальный несторовский текст ради проведения концепции последующих летописцев, исполнявших волю своих князей, показывает Б. А. Рыбаков в «Анализе вводной части „Повести временных лет“», вошедшем в его книгу «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи» (М., 1986). Он определил состав первоначального несторовского текста и предложил проект его реконструкции. В основу лег текст Лаврентьевской летописи, выправленной А. А. Шахматовым. Только таким путем, считает Б. А. Рыбаков, можно было приблизиться к решению исключительно важной задачи — к восстановлению исторической концепции крупнейшего русского историка начала XII века — Нестора-летописца.

Академик Рыбаков восстанавливает эту концепцию. По его мнению, Нестор безошибочно выбирает основные, узловые моменты в жизни славянства: VI век — время славянских походов на Византию, формирования мощных племенных союзов («княжений»), путешествия Кия в Царьград и основания Киева как столицы племенного княжения славян. Вторая выделенная Нестором эпоха IX век. Это время образования таких славянских феодальных государств, как Киевская Русь, Великоморавское государство, Болгарское царство, появления славянской письменности, христианизации славян. (Такие же периоды в истории славян выделяет и современная историческая наука.)

Ко времени Нестора уже существовал спор между Киевом и Новгородом относительно приоритета государственности. Уже игумен Иван, предшественник Нестора, старался притушить этот «неприличный» спор Нового города с древним Киевом, но в конце XI— начале XII века спор, вероятно, возник снова, и Нестору пришлось собирать письменные и устные сказания об основателе Киева и внести на свои страницы новые данные о Кие — полководце, госте византийского кесаря, федерате империи.

Пользуясь термином *Киевская Русь*, мы понимаем под этим совокупность восточнославянских земель на протяжении трех столетий. Современная наука опять на стороне Нестора.

«Повесть временных лет» должна была, по мнению Б. А. Рыбакова, подвести читателя к условно принятой дате — времени первого упоминания русов в мировой литературе (греческое летописание). «Повесть», отмечал академик,— это обширное введение в историю народа и государства, «написанное с небывалой широтой и изумляющей нас научной глубиной и достоверностью».

Здесь показана природа нашей страны, те ее элементы, которые влияли на историческое развитие народа. На этой «ландкарте» историк нарисовал картину жизни всех славянских народов, сопоставляя их быт с бытом и нравами других народов Европы.

Внимание ко всему славянству на разных этапах его развития должно было получить у Нестора логическое завершение в описании трех крупнейших государственных образований IX века: Великоморавской державы, Киевской Руси и Болгарского царства. Отрывки этого описания сохранились, они, естественно, разрознены и крайне неполны.

Летописец Нестор переносит читателя во времена Святополка Моравского, знакомит с созданием славянской грамоты Кириллом и Мефодием; местом действия оказываются Великоморавская держава, Византия, Боспорское царство, но мы не можем в полной мере судить об этой части труда Нестора, так как от нее остались «только отдельные фрагменты, позволяющие нам представить великолепие исчезнувшей картины», как пишет Б. А. Рыбаков в книге «Древняя Русь».

Начало важнейших событий осталось за рамками текста: как и когда сложилось то или иное государство, когда и как появились там христианство и письменность,— на эти вопросы ответа нет. Чья-то рука изъяла

из «Повести временных лет» эти страницы и заменила их новгородской легендой о призвании князей-варягов.

Широко задуманное изложение русской истории как части общеславянской истории теряло смысл, если начало государственности объяснялось при помощи североевропейской легенды о призвании варягов. Читатели были подготовлены к тому, чтобы признать Киев городом, предназначенным для объединения восточных славян. И вдруг центр исторической жизни перенесен из Киева в Новгород, а в качестве организующей силы выступают варяги. Ясно, что в этом месте «Повести временных лет» столкнулись две концепции русской древней истории.

Стройность и логичность Несторова текста были нарушены, хронология спутана, самые важные страницы первоначальной истории государства Руси в IX веке в угоду князю Мстиславу выброшены.

Но даже и такая редакция «Повести временных лет» Нестора производила на потомков неизгладимое впечатление.

«Ее повествование было настолько властным, настолько захватывающим,— пишет Д. С. Лихачев,— что втянутые в его движение летописцы в течение многих последующих веков — вплоть до XVI столетия — продолжали его в своих местных, областных, а затем и общерусских летописях. «Повесть временных лет» сама стала «исходящем мудрости» для последующих летописцев. С нее они начинали свое изложение, ее идеи продолжали, в ее содержании видели в пору феодальной раздробленности и «злой татарщины» живое свидетельство единства Русской земли».

«Повесть» Нестора надолго определила основные особенности русского летописания: патриотический пафос, публицистичность, образность, лаконизм и выразительность изложения. Творение печерского черноризца пользовалось у русских книжников последующих веков незыблемым авторитетом. «Повестью» открывали историю

Новгорода, Твери, Пскова, Суздаля, а затем и Москвы. И завершим этот очерк высказыванием академика Б. Д. Грекова: «Есть имена, успевшие стать символами. Таково и имя Нестора. Даже те, кто сомневается в наличии конкретного Нестора-летописца, должны признать, что тень великого старца не только жила и живет, но и популярна, как имя Гомера».

Добавим, что в Киево-Печерском Патерике (где имя Нестора как автора летописи упоминается пять раз) сохранилось описание внешнего облика Нестора-летописца: «Подобием сед, брада же раздвоилась, на плечах клобук, в правой руке перо, а в левой книга и четки». Облик «великого старца» запечатлел в 1889 г. М. М. Антокольский, сумевший передать в своем «Несторе-летописце» душевное состояние историка, его углубленность в свою работу. Монах склонился над книгой; проста его одежда, сурова обстановка — дощатый стол, на полу — кувшин с водой. Все внимание зрителя привлекает полное глубокой думы лицо, автор «Повести временных лет» поглощен мыслями, воспоминаниями, работой.

Образ, созданный мастером, воспринимается как подлинный портрет нашего первого летописца, в котором «светится содержание души».

Глава четвертая

Владимир Мономах и его «Поучение»

Конец апреля 1113 года. Погода одаривала киевлян то теплым дождиком, то ярким солнечным лучом. У днепровских вод, под Замковой Горой, собралась внушительная толпа киевлян — ремесленников, смердов, закупов, дружинников не у дел. А впереди всех, близ причала, киевская знать — те, кого летописец называл «смысленными».

Внезапно с кручи радостно заорали смерды и дружинники:

— Едя-а Ма-на-ма-а-хх! Едя-а-а!..

Спустя полчаса подошли княжеские суда, ловко причалили. Дружинники князя положили широкие сходни. И переяславский владетель Мономах, внук Ярослава Мудрого, ведя в поводу любимого коня, сошел на берег. Был он невысок ростом, крепок, плечист — будто силой весь налитой. Ему было шестьдесят лет, но по-прежнему серо-голубые, почти синие, глаза Владимира излучали несокрушимую волю. Как писал В. Н. Татищев, Мономах «лицом был красен, очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широка, ростом не вельми велик, но крепкий телом и силен». Предполагают, что это описание восходит к записям современников Мономаха: известно, что Татищев использовал в своей работе летописи, которые до нас не дошли.

Вняв трехкратным просьбам киевских «смысленных» и митрополита, Владимир согласился быть великим князем. Его вокняжение в Киеве — итог почти двадцатилетних распрей и усобиц «Ярославлих внуков».

...В 1093 году, в пору яростных половецких атак на

Русь, умер последний из сыновей Ярослава Мудрого — больной, одряхлевший Всеволод, который довел Киевскую землю до оскудения «от рати и продаж», то есть от неправосудия и незаконных поборов. И снова разгорелась борьба за великокняжеский престол. Каждый из внуков Ярослава считал себя законным претендентом на киевское княжение. Ближе всех к «престолу» находился в момент кончины Всеволода его любимый сын Мономах: он как раз приехал в Киев к больному великому князю. Согласно летописи, Владимир будто бы добровольно, не желая усобиц, отказался от великого княжения и ушел в свой Чернигов. Академик Б. А. Рыбаков считает: дело обстояло далеко не так, как обрисовал спустя 20 лет придворный летописец Мономаха. Истина — в другом. Киевские бояре, недовольные политикой Всеволода, не захотели посадить в Киеве его сына Владимира, отдав предпочтение его двоюродному брату Святополку Изяславичу (надеясь, вероятно, что тот будет послушен их воле).

Святополк Изяславич — лицемерный и жестокий — довольно печальная фигура русской истории рубежа XI—XII веков. По свидетельству В. Н. Татищева, он «был ростом высок, сух, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрение острое. Читатель книг и вельми памятен. К войне не был охотник... Притом был сребролюбив и скуп».

Святополк оказался неумелым политиком, плохим полководцем, заносчивым, подозрительным человеком, жадным до денег. Вопреки ожиданиям киевских бояр, он не сумел оградить Русь от половцев. В год его вокняжения в Киеве половцы разбили русские войска под Треполем и стали хозяйничать по всей Южной Руси. Вот что писал о разорении страны современник: «Все города и села опустели. Пройдем по полям, где раньше паслись стада коней, овец и волов,— и мы увидим все бесплодным; нивы поросли бурьяном, и только дикие звери живут там». Половцы

«ведут в свои юрты к родичам множество народа христианского, людей страдающих, печальных, подвергаемых мучениям, оцепеневших от холода, мучимых голодом и жаждой, с распухшими лицами, почерневшими телами, воспаленным языком, бредущих по чужой стране без одежд, босиком, обдирая ноги о колючие травы».

Тяжелое положение Киевской Руси усугублялось беспрерывными усобицами.

17 апреля 1113 года Киев разделился надвое. «Смысленные» собрались в Софийском соборе для решения вопроса о новом князе. И выбор пал на Мономаха, завоевавшего к тому времени «мировую славу» прежде всего успешной борьбой с половцами. Пока бояре судили-рядили, киевляне подняли восстание; истомленный финансовым разбоем Святополка народ взял с бою дворец тысяцкого Путяты Вышатича и разгромил дома ростовщиков. В разгар смуты «смысленные» вдругорядь послали гонцов к Мономаху: «Князь! Приезжай в Киев! Если не приедешь, то знай — произойдут большие несчастья: не только Путятин двор или дворы сотских и дворы ростовщиков будут разгромлены народом, но и пойдут на твою невестку и на всех бояр, и на монастыри». И пригрозили, что он будет за все в ответе. На этот раз Мономах согласился. Грозное восстание бушевало четыре дня, пока в Киев не прибыл Мономах с сильной дружиной. Однако новый князь понимал, что без ряда уступок не обойтись, и пошел на эти уступки. Теперь мздоимцам не разрешалось кабалить людей, как прежде, запрещалось брать слишком большие проценты за долги, несколько улучшилось экономическое и юридическое положение городских ремесленников, смягчилась безотрадная доля сельских зависимых людей, попавших в долговую кабалу. Это было большим завоеванием восставшего народа. Выразительным памятником деятельности Мономаха в этот период стал новый закон — так называемый «Устав Владимира Всеволодича», созданный им буквально в несколько дней

с помощью нового киевского тысяцкого, киевских и переяславских бояр, а также знатоков русских и греческих законов. В этом «Уставе» и были закреплены меры по некоторому облегчению положения угнетенных горожан и селян.

Кто же был этот переяславский удельный князь, если заносчивым киевским боярам пришлось упрашивать его занять киевский стол? Исследователь его сочинений академик А. С. Орлов сорок лет назад писал: «Редко можно встретить в истории столь величественный и в то же время столь человечный образ, как Владимир Мономах. Эти свойства непосредственно вытекают из прямых о нем данных в средневековой книжности и поражают своей вековой стойкостью в ней. Свойства эти слагаются в образ еще до научной их обработки и вызывают бережное к себе отношение и доверие».

Правда, за истекшие — с момента публикации «Очерков» А. С. Орлова в 1946 году — десятилетия упорными изысканиями многих специалистов-историков Киевской Руси к «каноническому образу» Мономаха были добавлены новые мазки, в том числе — не слишком «яркие». Но всесторонне изучая биографию Мономаха, историки все больше убеждаются: в целом академик Орлов был прав.

Владимир Мономах (сын Всеволода Ярославича и внук Ярослава Мудрого) родился в 1053 году, вероятно, в Киеве. Его мать, принцесса Мария, была дочерью византийского императора Константина IX Мономаха, почему Владимира и прозвали Мономахом. Крестил его сам Ярослав, и, как было принято в те времена, новорожденный при крещении получил два имени — христианское Василий и княжеское Владимир.

Отец его Всеволод из среды князей не выделялся особыми талантами, но был человеком образованным, любил книги, собрал библиотеку, где имелись произведения на многих языках, переводные хроники, Псалтырь, жития святых, «Девгенево деяние»... Владимир с гордостью

писал позже в своем «Поучении»: «Мой отец, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран». Правда, Мономах не упомянул, какие именно языки знал Всеволод Ярославич,— мнения ученых тут расходятся. Однако знание пяти языков было в XI веке незаурядным даже для Западной Европы явлением.

Как мог воспитываться молодой княжич? Можно предположить, что, по древнему обычаю, Владимира в три года посадили на коня, в семь лет начали учить грамоте, а когда исполнилось ему двенадцать лет, отец должен был взять его в поход. Большое влияние оказала на княжича мать — высокообразованная гречанка: в ее хоромах хранились книги из Византии, звучала греческая речь.

С детских лет княжич окунулся в удивительный и разнообразный мир книг, полюбил его и пронес эту любовь через всю жизнь. Наставники не только учили читать и писать, но знакомили с русскими сказаниями про Илью Муромца и других богатырей, которые верно служили общенародному делу, защите государства.

Книжная премудрость дала добрые всходы. И с полным основанием академик Б. А. Рыбаков сделал такой вывод: «Владимир получил хорошее образование, которое позволило ему в своей политической борьбе использовать не только меч рыцаря, но и перо писателя. Он прекрасно ориентировался во всей тогдашней литературе, владел хорошим слогом и обладал незаурядным писательским талантом». А «тогдашняя литература» была весьма разнообразна и поучительна.

Но знал он и другую школу, суровую школу жизни. Детские годы Мономаха прошли в пограничном Переяславле (ныне Переяслав-Хмельницкий), где начинались знаменитые Змиевы валы — древние укрепления, много веков защищавшие земли пахарей от Степи, раскинувшейся на сотни верст между Волгой и Дунаем. В общей сложности Владимиру Мономаху пришлось провести в Переяславле свыше тридцати лет — на самых рубежах

Киевской Руси. Город постоянно подвергался нападениям степняков, и Мономах воочию видел губительность вражеских вторжений. Это не могло не оставить в его сознании убеждения, что лишь прочное единение русских князей надежно оградит Русскую землю от постоянной половецкой угрозы.

Самыми тяжелыми были впечатления Мономаха от нашествия половцев во главе с ханом Шаруканом (1068), когда Владимиру было пятнадцать лет. На реке Альте в жестокой сече Шарукан разбил ополчения Всеволода и его братьев Святослава и Изяслава.

Вторжение 1068 года хана Шарукана (Шарк-великана) ярко запечатлено в былинах:

Да числа-сметы нет!
А закрыло луну до солнышка красного,
А не видно ведь злата-светла месяца,
А от того же от духа да от татарского,
От того же от пару лошадиного...
Ко святой Руси Шарк-великан
Широку дорожку прокладывает,
Жгучим огнем уравнивает,
Людом христианским речки-озера запруживает.

Отец Мономаха, опасаясь жить в Переяславле, нашел убежище в Курске. Пятнадцатилетнего сына он послал на север — в Ростов, куда Владимиру пришлось ехать прямиком «сквозь Вятиче», через глухие леса, где залегал, согласно былинам, Соловей Разбойник, где не было «дороги прямоезжей».

Со времени «первого пути» до вокняжения в Чернигове Владимир переменил пять удельных городов, совершил двадцать «великих путей», воевал в самых разных местах. Он проскакал на коне «от города до города» не меньше 10 тысяч километров, не говоря уж о его бесчисленных разъездах вокруг городов. Трижды ездил Мономах в Ростово-Суздальскую землю. В 1108 году во время одной из поездок на северо-восток он заложил город на круче

над Клязьмой и дал ему свое имя. С этого года и начинается история славного Владимира-на-Клязьме, будущей столицы северо-восточной Руси.

Энергичный, деятельный, умный Мономах познал жизнь Руси от Новгорода до Черного моря, от Волыни до Ростова. Он знал ее лучше всех своих современников. Шестнадцать лет (1078—1094) княжил Владимир Мономах в Чернигове. Он прибыл туда не один, а с молодой женой Гитой и двухлетним первенцем Мстиславом — впоследствии крупным деятелем Руси. Гита (Эдгита) была дочерью Гарольда, последнего саксонского короля Англии, павшего в знаменитой битве с Вильгельмом Завоевателем при Гастингсе (1066). Она привезла на Русь различные книги, с которыми мог ознакомиться и Мономах. Гита прекрасно читала по-гречески и латыни, знала содержание древних (и не только древних) философских трактатов, ориентировалась в художественной литературе. Привезла она с собой и всю жизнь хранила «Отцовское поучение» и «Слово некоего отца к сыну своему». Эти книги могли послужить примером для создателя «Поучения». Биография Гиты ярко, со множеством бытовых деталей, показана в романе Валентина Иванова «Русь великая».

А писатель А. Ладинский в романе «Последний путь Владимира Мономаха» попытался воссоздать внешний облик молодого князя: «Когда Гита впервые увидела своего жениха, русского княжича Владимира Мономаха, у нее сжалось сердце. С этим человеком ей предстояло делить до гроба радости и горе. Перед нею стоял в парчовой шапке, опушенной бобровым мехом, молодой воин, не очень высокого роста, однако хорошего телосложения и с сильными, широкими плечами. На юноше был красный плащ, застегнутый на правом плече жемчужной пряжкой, а под плащом виднелась длинная голубая рубаха. Он носил штаны из черного бархата, на ногах поблескивали золотыми узорами зеленые сапоги из мягкой кожи. По знаку отца княжич снял шапку, и когда Гита снова взгля-

нула на жениха, то увидела его спокойные светлые глаза, высокий лоб, круглую рыжеватую бородку и такие же волнистые волосы, разделенные посредине аккуратным пробором. Нос у молодого княжича был красивой формы, с горбинкой, а на щеках играл легкий румянец».

О благополучном периоде жизни в Чернигове Владимир Мономах часто вспоминал на склоне дней. Именно в связи с Черниговом рассказывает Мономах в «Поучении» о своей страсти к охоте: «Коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, один олень меня бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня с бедра меч сорвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мной опрокинул... И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей».

В эти же годы Мономах, по всей вероятности, построил каменный терем в центре детинца Чернигова, а также возвел неприступный замок в Любече.

Любеческий дворец был трехъярусным зданием с тремя высокими теремами. Парадным, княжеским, был второй этаж. Здесь находились сени, место летних пиров, и большая княжеская палата. Вполне возможно, что съезд князей 1097 года проходил в этой палате, украшенной майоликовыми плитами, рогами оленей и туров.

Характерно, что Мономах, по его собственным словам, строго следил за порядком, сам все проверял: «На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме, и у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах, и о ястребах заботился». Да, строго он следил за порядком.

Такой же совет давал он в «Поучении» и детям своим: «В дому своем не ленитесь, не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим».

Здесь ясно дан прообраз будущих домостроев, получивших позже широкое распространение на Руси.

...Из Чернигова Мономаха выгнал Олег Святославич, приведший снова на Русь половцев,— тот самый Олег, которого метко прозвали Гореславичем. Тот самый Олег, о котором в «Слове о полку Игореве» говорится, что он «мечом крамолу ковал».

Во имя мира Владимир Мономах отдал Олегу город Чернигов и вернулся в старый родовой удел — в Переяславль... Мономах ехал сквозь полки половецких «союзников» Олега. Не смея нарушить договор о беспрепятственном выезде Мономаха, его семьи и челяди, половцы «с алчностью» провожали небольшой отряд. Владимир Мономах образно пишет: «И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах».

Началось двадцатилетнее княжение его в Переяславле (1094—1113). Это княжение было, в сущности, непрекращающейся войной с «погаными», которая вскоре была перенесена Мономахом далеко в глубь Степи. Еще при жизни Всеволода он выдержал 12 успешных битв с половцами, а позже ему — авторитетному и влиятельному удельному князю — удалось организовать большие общерусские походы в 1103, 1109, 1110, 1111 годах. Тогда русские дружины и ополчения, умело ведомые Владимиром, отвоевывали половецкие города на Северском Донце, доходили до Азовского моря, нагоняли на «кыпчаков» такой страх, что они панически откочевывали за Дон, Волгу, на Южный Урал, в степи Северного Кавказа. В некоторых битвах Мономах брал в плен по два десятка половецких ханов! Именно о нем сложил народ былину как о победителе грозного хана половецкого Тугоркана (в былине — Тугарин Змеевич). В летописи сохранился рас-

сказ о том, как Мономах уговаривал Святополка и его приближенных начать поход весною. Те возражали, ссылаясь на то, что такой поход приостановит полевые работы. Вот часть ответной речи Владимира: «Странно мне, друзья, что вы жалеете лошадей, которыми пашут, но не подумаете о том, что начнет смерд пахать и прискачет половчанин, застрелит смерда, возьмет его коня, а затем в селе заберет в полон его жену и детей и все его имущество. Так как же вы, жалея коней, не подумаете о самих смердах?»

Слава о победах Мономаха над половцами прошла через века. Его подвиги запечатлены в былинах, в «Повести временных лет», в половецком эпосе, в художественных произведениях. Он остался в памяти народа как национальный герой, неукротимый, энергичный полководец, отстоявший Русь от посягательств Итларя, Тугоркана, Шарукана, Боняка (а всего их — «лепших князей инех 100»). В боях и походах Владимир Мономах «много поту утер за землю Русскую».

Владимира Мономаха воспел автор «Слова о полку Игореве» как главного положительного персонажа русской истории. Он говорит о том, что его следовало бы навсегда оставить на Киевских горах. Есть еще в «Слове о полку Игореве» строки о Владимире Мономахе. Вот они: когда Олег «вступал в златое стремя в городе Тмутаракани», «Владимир Мономах каждое утро уши закладывал в Чернигове». До недавнего времени это место толковалось так, будто бы трусливый князь уши зажимал от страха. В действительности же князь по утрам не открывал ворота крепостных укреплений, как это делалось в мирное время, а укреплял их, готовился к обороне. А как же уши? Оказалось, что это — проушины, скобы, в которые с внутренней стороны ворот закладываются бревна, засовы. В одном из последних изданий «Слова о полку Игореве» (Большая серия «Библиотеки поэта») перевод этого места в реконструированном тексте дан такой: «...а Владимир

(Мономах) каждое утро закладывал уши — запирал ворота в Чернигове» (Л., 1985. С. 39).

Высокая оценка дана Мономаху и в другом выдающемся литературном памятнике — «Слове о погибели Русской земли». В начале этого произведения, проникнутого чувством глубокого патриотизма, перечисляются богатства, которыми прославлена «светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская». Это — озера многочисленные, реки и источники месточтимые, горы, крутые холмы, высокие дубравы, чистые поля, дивные звери, разнообразные птицы, бесчисленные города великие, селения славные, сады монастырские...

Далее очерчены в «Слове» необъятные пространства страны — от Венгрии, Польши и Литвы до Дышущего моря (Ледовитого океана) и Волги. И все это было подвластно Мономаху, именем которого половцы пугали малых детей; венгры и византийцы опасались его войска, литовцы не смели нападать на русские земли; финно-угорские народы северо-востока платили дань Киевскому князю. Академик Б. А. Рыбаков предполагает, что похвала Владимиру в «Слове о погибели Русской земли» — цитата из поэмы «Слово о полку Игореве», но строки, посвященные Мономаху, в дошедшем до нас списке не сохранились; по логике изложения они должны быть сразу же после осуждения Олега Гореславича, который «мечом крамолу ковал».

При анализе оказалось, что по языку, стилю и ритму вставленный кусок в «Слове о погибели Русской земли» чрезвычайно близок ко всему «Слову о полку Игореве» и органически с ним сливается. Однако, повторяем, это только гипотеза: прямых доказательств нет.

Знал о Мономахе и Иван III, любивший, по его собственным словам, читать летописи. Именно во время его правления возникло представление о «шапке Мономаха». Отзывы о нем имеются и в «Сказании о нашествии Едыгея», и в «Сказании о князьях Владимирских.

Для нашего повествования важно подчеркнуть, что при дворе Владимира велась летопись, которая обрисовывала его как неутомимого воителя, хранителя Руси. Он как бы стремился полнее, красочнее, убедительнее показать свою деятельность организатора и полководца, подчеркивая прежде всего свой личный вклад, который должны были по достоинству оценить и его современники, и потомки.

«Слово о погибели Русской земли». Начальный лист рукописи

Княжеские распри и усобицы наносили непоправимый урон стране, тяжким бременем ложились на плечи трудового люда. Перечень «деяний» князей-феодалов можно длить бесконечно: заговоры, тайные союзы с целью отторгнуть у соперника часть его удела, а то и все владения, сожженные города и села, кровавые расправы с побежденными врагами либо с друзьями, обманутыми ложными клятвами. В усобицы втягивались десятки русских князей и городов. И больше половины жизни Мономах потратил, чтобы утишить Русь. Используя и военную силу, и дипломатию, и перо писателя-полемиста, он добивался немалых успехов в своей миротворческой деятельности. Обратим внимание на один факт. Печально знаменитый Олег Святославич трижды приводил половцев на Русь, уклонялся от общерусских походов в Степь, укрывал у себя в Чернигове половецких ханов. Пока Мономах в союзе с другими князьями отражал натиск Тугоркана и Боняка, Олег со своей дружиной бесчинствовал в северо-восточной Руси. В одном из сражений с Олегом был убит сын Владимира Мономаха — Изяслав...

Как поступил опечаленный Мономах, какие предпринял шаги? Поддался естественному влечению мести? Нет, верный своим принципам справедливости и «братолюбия», он пишет Олегу примирительное письмо, проникнутое великодушием и государственной мудростью князя. Правда, решился на это не без внутренних сомнений и колебаний, после мучительной борьбы с самим собой. В «грамотице» есть такие слова: «Не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле», и «я тебе ни враг, ни мститель». Это послание — великолепный образец русской публицистики конца XI века, свидетельство литературного таланта Мономаха. Письмо проникнуто удивительной искренностью, задушевностью и большим достоинством. Автор умеет сочетать личные мотивы с общественными, философские размышления с чувствами. Сколько искренности и лирических переживаний Мономаха в строках о

смерти Изяслава! «Следовало бы тебе,— пишет он Олегу,— увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей, сказать: увы мне, что я сделал!»

Владимир прощает Олегу его злодеяние. Он сам воин и понимает: «Разве удивительно, что муж пал на войне?», но призывает пожалеть и отпустить молодую вдову убитого: «Пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя...» В немногих словах создан трогательный образ безутешной женщины, тоскующей подобно горлице. Он навеян устной народной поэзией.

Но письмо — не только частное дело Мономаха. Характерно, что в личном, казалось бы, послании Мономах призывал к примирению всех других русских князей, показывая им пример уступчивости во имя общенародных интересов. Мы знаем, что в следующем году Олег Гореславич явился на съезд князей в Любиче, созванный Мономахом для «устроения мира» в Русской земле. К этому съезду, по мнению академика Б. А. Рыбакова, «Мономах подготовился не только как полководец и стратег, но и как юрист и как писатель-полемист». Одним из его произведений было послание к Олегу, которое получило довольно широкую известность в княжеско-боярском кругу. Другим — часть личной летописи Мономаха, а также летопись киево-печерского игумена Ивана. Игумен обличал Святополка «ненасытства ради, богатства и насилия ради»; те же мотивы обличения — разорение людей и отсутствие крепкого отпора Степи — встречаются и в рассказах Киево-Печерского Патерика.

Военные и литературные усилия в какой-то мере завершились успешно. После любического съезда Олег приутих, крамолы больше не ковал, усобиц не поднимал. Но поднимали другие! Приведем один пример. Князь Давыд Игоревич убедил Святополка в том, что будто бы

Василько Теребовльский вошел в заговор с Мономахом против Святополка. Василько был схвачен и злодейски ослеплен; началась многолетняя, полная драматических эпизодов усобица. Распря завершилась новым съездом князей в Ветечеве, где судили Давыда, «ввергшего нож» в среду князей, и косвенно обвинялся Святополк. Обвинителем — во всеоружии летописных записей — выступил Владимир Мономах. Каких же? В те годы один из приближенных Святополка Василий — он поддерживал Мономаха — вел почти протокольную запись злодеяний своего князя, особенно — ареста и ослепления Василька. Монастырские писатели создали два рассказа о скупости и жадности Святополка, сам же Мономах написал к тому времени основную часть своего «Поучения». Все это делалось, чтобы убедить киевское боярство, что именно он, Владимир Мономах, мог бы стать идеальным князем. Но надежды его тогда не сбылись. Великим князем он стал, как уже говорилось, в 1113 году.

Во время правления Мономаха были достигнуты большие успехи, обеспечившие на целое десятилетие процветание Руси. Присоединив в 1113 году к своим наследственным владениям земли умершего Святополка, Владимир сосредоточил в своих руках не менее трех четвертей территории тогдашнего Русского государства.

...Умер Владимир Мономах в 1125 году, семидесяти двух лет от роду. В Ипатьевской летописи об этом есть проникновенные строки: «В лето 1125 преставился благоверный князь Владимир Мономах, братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю. Он просветил ее, как солнце, испускающее лучи. Слух о нем прошел по всем странам, и все боялись его, более же всего был он страшен поганым. Тело его положили в святой Софии возле отца его Всеволода и пели над ним обычные песнопения. Весь народ и все люди плакали по нему, как дети по отцу или по матери. Плакали и сыновья его Мстислав, Ярополк, Вячеслав, Юрий и внуки его. И разошлись все

люди с жалостью великой...» Запись о смерти Мономаха в летописи — нечто большее, чем просто официальный панегирик. Обычно летописи скупы на эмоции.

Подчеркнем, что этот государственный деятель, твердо стоявший на страже интересов Русской земли, человек большого ума и литературного таланта, один из самых образованных людей своего времени, покровительствовал летописанию, поддерживал Киево-Печерский монастырь с его литературными традициями. И сам был талантливым писателем. Его «Поучение» — одно из выдающихся произведений древнерусской литературы, в нем отразился тот высокий культурный уровень, который был достигнут в Киевской Руси. «Поучение» и письмо к Олегу ярко показывают и ту огромную роль, которую играла литература в жизни того времени.

«Поучение» неоднократно публиковалось, оно многократно цитировалось. Последний раз оно напечатано в «Изборнике», вышедшем в хорошо известной серии «Библиотека всемирной литературы»; текст параллельно дан на древнерусском языке и в переводе на современный русский язык.

О памятнике — его содержании, литературном уровне, источниках — имеется огромная литература. Отметим, что в своем «Поучении» Владимир Мономах охватывает широкий круг жизненных явлений, дает ответы на вопросы политической, социальной и нравственной жизни своего времени. Автор предстает перед читателем политиком, философом, воином, государственным деятелем. Через все его произведение проходит призыв «печаловаться» о Русской земле. Немалое место занимает мысль о сочувствии и помощи слабым и угнетенным, о снисхождении к ним. Он пишет: «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его. Если и будет по-

винен смерти, то не губите никакой христианской души». Этот призыв он подкрепляет собственным жизненным правилом: «Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным».

Старых надо почитать как отца, а молодых как братьев. Просящего следует накормить и напоить, заезжих купцов, знатных и простых, а также послов нужно одаривать, потому что и те, и другие, проходя по разным странам, прославят человека или добрым, или злым. И еще: «Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите».

Мономах призывает своих читателей быть деятельными, самостоятельными, рачительными хозяевами, убеждает в необходимости постоянного труда. Опять же он ссылается на свой опыт: «Что надлежало отроку моему делать, то сам делал — на войне и на охоте, ночью и днем, в жару и в стужу, не давая себе покоя».

Любопытные штрихи поведения и образа жизни этого князя содержатся в «Послании митрополита Никифора»: «Что говорить такому князю, который больше на сырой земле спит, чем в мягкой постели, дому бегает, платье светлое отвергает, по лесам ходя, сиротинскую носит одежду?» И далее: «Ты, князь, довольствуешься малой пищею и водой. Никогда не прятал ты сокровищ, не считал ты золота и серебра, но все раздавал, черпая обеими руками, так и до сих пор».

Основным пороком Владимир Мономах считает лень: «...леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится». И снова наставляет: в дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; на войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ложитесь спать поздно, а вставайте рано: пусть не застанет вас солнце в постели.

Владимир Мономах выступает ревностным поборником просвещения: «Чего знаете, того не забывайте, чего

не знаете, тому поучитесь»,— пишет он и приводит в качестве примера своего отца, который овладел пятью языками.

С большой выразительной силой проявилось в «Поучении» лирическое, поэтическое начало, в частности — восприятие Мономахом красоты природы, вызывающей у него мысли о совершенстве мироздания, о вселенной и месте человека в ней. Восторженно пишет он, как дивно устроен мир, «как небо устроено или как солнце, или как луна, или как звезды, тьма и свет, и земля на водах положена... звери различные и птицы и рыбы». Как философ рассуждает Мономах о том, что такое человек, поражается разнообразию человеческих лиц: «Если и всех людей собрать, не один у всех облик, но каждый имеет свой облик лица». Этот суровый и закаленный в боях воин испытывает нежность к птицам, поющим в дубравах... Завершается «Поучение» призывом не страшиться смерти ни в бою, ни на охоте, доблестно исполнять «мужское дело».

«Поучение» Владимира Мономаха позволяет судить не только о делах этого крупного государственного деятеля, но и о его образованности, круге книжных интересов, любимых авторах. Исключительная начитанность его видна с первых строк «Поучения». Он хорошо ориентируется в произведениях тогдашней оригинальной и переводной литературы: приводит выписки из покаянных псалмов, из трудов Григория Богослова, из пророчеств Исайи, апостольских посланий, из Пролога и Триоди. В книгах далекого прошлого Владимир Мономах находил подкрепление своим мыслям. С удовлетворением выписал он слова Василия Великого, обращенные к отрокам: «Еде и питью быти без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свирепствовать словом, не хулить в беседе; не многое смеяться, стыдиться старших, с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их, глаза держа

книзу, а душу ввысь, не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет».

Были известны писателю-князю всевозможные поучения отца к сыну — распространенный жанр того времени. Одно из них — «Поучение Ксенофонта» — вошло в «Изборник» 1076 года, который был составлен, как известно, на основе фонда княжеской библиотеки Святослава. Кстати, и отрывок из Василия Великого Мономах мог взять из того же «Изборника» 1076 года.

Вполне возможно, что «Слово некоего отца к сыну своему» Ксенофонта, так же как и другие поучения, послужило образцом для Мономаха. Но его «Поучение» гораздо конкретнее статьи «Изборника» 1076 года. Бытовые подробности, биографические данные, обильно представленные в этом произведении, настолько характерны, что если бы автор даже не назвал себя в предисловии, читатели все равно угадали бы его имя — по перечню оригинальных событий. Ведь Владимир Мономах включил в свое произведение и «автобиографию». Заметим, что тем самым он на много веков опередил свое время: как литературный жанр автобиография появилась на Руси лишь в творениях Епифания и Аввакума.

Сильное влияние на характер «Поучения» оказал любимый Мономахом «Шестоднев» — рассказ о мире, природе, растениях и человеке — своего рода комментарий к библейскому сюжету «о сотворении мира» в шесть дней. Эта энциклопедического характера книга сообщала сведения по мирозданию, естественным и историческим наукам на уровне того времени, а в критике «еллинских мудрецов» — и сведения по античной философии.

Создавали и обрабатывали шестодневы, как правило, крупные церковные писатели. На Руси в то время был распространен «Шестоднев» болгарского писателя и переводчика конца IX — начала X века Иоанна, экзарха Болгарского. Этот перевод — компиляция из шестодневов Василия Великого, других «отцов церкви», произведений

Иоанна Златоуста, Аристотеля — с собственными дополнениями.

Владимира Мономаха привлекал, видимо, основной пафос произведения Иоанна — интерес к природе и человеку. По мнению Д. С. Лихачева, «это одна из самых поэтических книг в мировой литературе». С характером творчества Иоанна, экзарха Болгарского, можно познакомиться, прочитав его предисловие к «Шестодневу» в книге «Памятники литературы древней Руси. XII век». Мы имеем возможность читать тот же текст, что читал девять столетий назад Мономах.

Обратим внимание на то, что в XVII веке название «Шестоднев» было неправильно перенесено на сборники церковных песнопений.

Оказали весьма сильное влияние на «Поучение» и лирические псалмы, приписываемые Давиду, царю и поэту, жившему в I веке до нашей эры. Сборник псалмов — Псалтырь Мономах так любил, что брал его с собой в походы.

Давид (по библейской легенде он победил в единоборстве великана Голиафа) был искусным музыкантом, поэтом и певцом. Псалтырь представляет собой сто пятьдесят псалмов, исполнявшихся под аккомпанемент струнного музыкального инструмента — псалтыри (отсюда и название сборника). Здесь — размышления Давида о боге и его власти над земными народами; жалобы на врагов и молитвы о помощи; описание внутреннего состояния автора в различные моменты его жизни; призывы к праведной жизни. Псалмы отличались отточенной литературной формой; переживания размышляющей личности выражены ярко, поэтически образно. Советский исследователь Г. И. Вздорнов заметил, что, листая Псалтырь, «средневековый человек словно переворачивал страницы собственной биографии. В форме литературного произведения здесь были воплощены его радости, огорчения, надежды, вопросы. Псалтырь была первой книгой для

обучения грамоте. Она служила прекрасным воспитательным средством, так как содержала правила нравственного поведения. Псалтырь брали как необходимое чтение в дорогу, по ней гадали в трудные минуты жизни. Ее стихи повторяли в конце жизненного пути как предсмертное утешение; ими сопровождался обряд погребения. Агиографические произведения и средневековые хроники полны указаний на использование Псалтыри в домашнем быту: она была спутником человека с младенческих лет до гробовой доски».

На Руси она получила широчайшее распространение, стала популярной книгой во всех слоях общества. Вспомним, что Ломоносов назвал Псалтырь, «рифмотворно преложную» С. Полоцким, наряду с «Грамматикой» М. Смотрицкого и «Арифметикой» Л. Магницкого, «вратами своей учености». Существовали особые гадательные псалтыри, под основным текстом которых помещались примечания, поясняющие «пророческое» значение текста.

Гадал на Псалтыри и Владимир Мономах, о чем говорится в самом начале его «Поучения». Произошло это, возможно, зимой 1099 года. Именно чтение Псалтыри натолкнуло Владимира Мономаха на мысль написать «Поучение» своим детям.

Мономах не завершил тогда свой труд. Это он сделал много позже, после вокняжения в Киеве. Почему? Большинство ученых считает, что причина в тенденциозности «Повести временных лет», где его деятельность была показана не слишком ярко. Чтобы поправить это, Владимир Мономах сам принялся писать как бы «конспект» собственной летописи. Он записал много эпизодов о том, как брал в плен половецких ханов; о внезапных встречах в Степи с огромными силами кипчаков, удачных преследованиях и битвах на Перепетовом поле — огромной поляне между реками Рось и Стугна. Но это лишь один из стимулов творчества Мономаха. Более важными были для русского общества эпохи Киевской Руси вопро-

сы повседневной этики. Они-то и занимают видное место у Мономаха, отражены в самой структуре «Поучения». Есть там и собственно поучение, и морально-философская «грамотица» к князю Олегу Гореславичу, и «моление к богу».

А. И. Мусин-Пушкин, издавший в 1793 году «Поучение», назвал его «Духовной», то есть завещанием Мономаха своим детям. Что ж, произведение, действительно, больше похоже на завещание, чем на поучение, и притом не только детям своим.

Полагают, что «Поучение» завершено в 1117 году, когда Владимиру было уже 64 года, и он мог подвести итог своей жизни. Некоторые историки относили время создания «Поучения» чуть ли не к 1125 году. Основой для такого вывода служили строки «Поучения», где говорится о том, что свой труд Мономах писал «седя в санях» (т. е. как бы готовый, по древнему обычаю, к отходу в мир иной). Более поздние исследования доказали: Владимир Мономах просто ехал к Чернигову, была зима 1117—1118 годов, и он писал, не теряя времени, сидя в крытых санях.

Какова судьба «Поучения», изданного одним из выдающихся исследователей Древней Руси? Теперь, после целеустремленной, напряженной работы многих ученых, мы знаем, что русская литература XI—XII веков исключительно богата образцами художественного слова. Почти каждый литературный памятник того времени воспринимается как «небольшое чудо» (выражение академика Д. С. Лихачева). Таким чудом является и «Поучение» Владимира Мономаха. Редкой случайностью назвал академик А. С. Орлов «сохранение до текущих дней личных, интимных произведений одного из основоположников русской государственности — Владимира Всеволодича Мономаха. Заключающийся здесь автобиографический материал не имеет себе подобия для домосковского времени».

«Поучение» до нас дошло в единственном списке XIV века — в составе Лаврентьевской летописи. Причем самый текст «Поучения» оказался без некоторых частей.

«Можно представить себе, как дико кричали бы некоторые критики о подложности «Поучения» Владимира Мономаха, если бы оно тоже погибло в пожаре 1812 года»,— писал академик М. Н. Тихомиров. Действительно, Лаврентьевская летопись сохранилась по чистой случайности: она могла сгореть в московском пожаре, но не сгорела только потому, что была взята для работы над «Историей государства Российского» Н. М. Карамзиным.

Вот в этой-то Лаврентьевской летописи и было обнаружено «Поучение» Владимира Мономаха вместе с письмом его к Олегу. Сочинения Мономаха оказались на листах 78-а — 85-а «Повести временных лет» без связи с предыдущей и последующей частями летописи: после рассказа о набеге хана Боняка на Киев (1096) и перед сообщением (в пересказе) Гюраты Роговича Новгородца о югре на севере. После первых строк «Поучения» оставлен пробел в четыре с половиной строки. О чем там говорилось, навсегда останется неизвестным.

Где оно было в первоначальном виде? Мнения исследователей расходятся. Одни из них утверждают, что Мстислав (осуществивший третью редакцию «Повести временных лет») поставил «Поучение» в самое начало летописи, другие предполагают, что оно завершало летопись.

По всей вероятности, конец (или начало?) подлинника Мстиславовой рукописи оторвался, и для сохранности его вложили между теми листами книги, где уже было «Письмо Олегу Святославичу» (под 1096 годом). Не проверяя хронологии, переписчики нарушили естественную последовательность текста летописи Мстислава 1118 года, переписали все эти листы подряд.

Добавим, что «Поучение» — пока единственный в древнерусской литературе пример наставления, созданного не духовным лицом, а государственным деятелем.

Глава пятая

Кирик-Новгородец — знаток счетной мудрости

108 К числу замечательных русских книжников следует отнести и первого известного нам по имени русского математика Кирика из Новгорода — создателя научного трактата «Учение им же ведати человеку числа всех лет» («Наставление, как человеку познать числа всех лет»). Современники называли этого выдающегося человека «числолюбцем». Кирик — знаток арифметики, историк, тонкий и внимательный исследователь неба, философ-мыслитель; обладал он и литературными способностями.

Рос, набирался сил и творил он в очень благоприятных условиях, ведь господин Великий Новгород был крупнейшим экономическим, торговым и культурным центром средневековой Руси. Достаточно сказать, что более половины дошедших до нас древнерусских книг XI—XIV веков приходится на его долю. Именно здесь сохранилась первая датированная (1056—1057) рукопись — знаменитое «Остромирово евангелие» в 294 листа большого формата, написанное по заказу новгородского посадника Остромира диаконом Григорием на пергаменте крупным уставом, с высокохудожественными миниатюрами и заставками. Заметим, что сравнительно недавно вышел альбом факсимильно воспроизведенных автографов знаменитых деятелей русской культуры — «Страницы великой культуры от древнейшей русской рукописной книги до первой записи, сделанной советским человеком в космосе». Так вот, открывается этот альбом автографом Григория: «Аз Григорий диакон написал Евангелие се». Новгород сохранил для нас и вторую датированную рукопись — «Изборник» 1073 года князя Святослава.

Древнейший частный акт — вкладная Варлаама Хутынского — тоже новгородского происхождения.

Новгород сберег для потомков так называемый Начальный летописный свод, а также — древнейший список пространной редакции «Русской Правды». В составе новгородской летописи — и две уникальные краткие редакции «Русской Правды», о которой мы упомянули в очерке о Ярославе Мудром. Академик М. Н. Тихомиров считает, что «с большим вероятием можно предполагать, что и шедевр русской древней поэзии — «Слово о полку Игореве» — дошел до нас при посредстве новгородского или псковского списка».

Новгородцы оставили нам и замечательные географические описания. Среди них «Хождение в Царьград» Добрыни Ядрейковича, «От странника Стефанова Новгородца», автор которого Стефан побывал в Константинополе и поведал о его достопримечательностях.

Слава о книжных сокровищах новгородского Софийского собора шла «по всей Руси великой». Недаром сюда приезжали книжники-монахи из самых отдаленных монастырей. Немало книг хранилось в монастырских библиотеках, например, в том же Антониевом монастыре, где регентом хора служил Кирик.

Почва для развития таланта Кирика была чрезвычайно благоприятной. Уровень письменности, естественнонаучных знаний домонгольской Руси, как установили сейчас историки, был достаточно высоким. Письменность, книжная культура довольно широко распространились в русском обществе XI—XIII веков.

Кирик, несомненно, с детства вращался в кругу довольно грамотных новгородцев — и детей, и взрослых. О широкой грамотности простого люда Новгорода убедительно говорят знаменитые «берестяные грамоты» («северный папирус»). Их открытие советскими археологами в 1951 году заставило совсем по-иному взглянуть на уровень образованности «волховских» горожан. До этого в

исторической науке господствовало убеждение: письменность, знания, образованность в Древней Руси были уделом князей, духовенства, а ремесленники, торговцы, не говоря уже о крестьянах, прозябали в беспросветном невежестве. Грамотность им вроде бы и ни к чему, да и пергамент баснословно дорог. Кроме того, правящим классам не выгодно обучать простой народ. На первый взгляд, все верно. Казалось лишь удивительным, как дикий, темный,

Новгородская берестяная грамота. Письмо Якова о присылке книг

неотесанный предок наш возводил великолепные здания, создавал чудесные изделия из железа, обрабатывал золото и серебро, совершал далекие путешествия в заморские страны, строил корабли и умело защищался от многочисленных врагов. Но реальных, весомых доказательств более широкого распространения грамотности — не было.

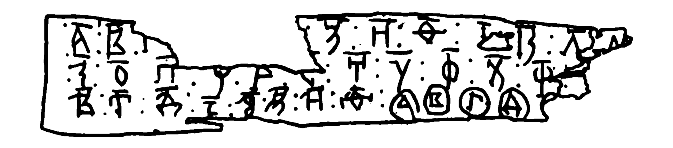
Новгородские «грамоты» доказали, что письмом владели не только бояре, князья, монахи, но и простолюдины, и даже — женщины. Вот, например, письмо на бересте — от Микиты к Ульянице — древнейшая русская любовная записка. Микита не стал бы писать свое послание неграмотной Ульянице. Она наверняка могла прочитать записку и ответить на нее. Или возьмем «грамоту» № 65, в которой имеется самое древнее упоминание денежной единицы — рубля: «Ать водя 3 рубля, прода. Али не водя, нь продай». Среди новгородских «грамот» — их обнаружено

к концу 1984 года 632 — встречаются хозяйственные указания, жалобы на семейные неурядицы, отчет о судебном заседании, списки повинностей, литературный текст, упражнения по арифметике, загадки и ребусы. И можно с большой вероятностью говорить о том, что Кирик очень рано научился читать «грамоты»; особенно интересовали его записи числового, календарного характера. Много лет спустя в своем сочинении «Вопрошание Нифонту» он задает Новгородскому епископу вопрос: «Нет ли в том греха — ходить по грамотам ногами?» Вероятно, он имел в виду, что новгородцы нимало не заботились о сохранности «берестяных текстов» личного, бытового характера. Их просто выбрасывали на мостовые, затаптывали в землю ногами в прямом смысле слова. Кирик, очевидно, понимал их ценность, сокрушался по поводу небрежного обращения с «берестой». Впрочем, если исходить из записок Сигизмунда Герберштейна, посла Священной Римской империи, то полный вопрос Кирика епископу Нифонту звучит иначе: «Если случайно будет брошена на землю разорванная бумага, которая содержала что-нибудь из священного писания, то можно ли ходить по этому месту?». Истинный смысл «вопрошания» Кирика вряд ли возможно установить. Ясно лишь, что Кирик обладал умом разносторонним и живым, умел поставить хитроумный вопрос.

Интересны новгородские находки, проливающие свет на методику обучения грамоте в Древней Руси,— «бересты», где приведены аналогичные буквенным, но отличные от них «цифровые алфавиты». Последние характеризуют процесс обучения «школяров» нумерации. Такова, например, «грамота» № 342. В ней содержится «цифровой алфавит» — перечень цифр от 1 до 40 000. Значение находки в том, что она свидетельствует о единстве древнерусской методики обучения письму и счету. Говорит она и о том, что в Новгороде при счете оперировали числами порядка десятков тысяч. Один из первых исследователей «север-

ного папируса» А. В. Арциховский полагает, что эта «грамота» написана «в связи с изучением арифметики» и служила своего рода «учебным пособием» при обучении нумерации или справочно-цифровым «эталоном»: по нему сверяли правильность начертания цифровых знаков, их состав.

«Письма из прошлого» — «берестяные грамоты» приносят нам сюрприз за сюрпризом. Один из них прямо

Берестяная грамота с изображением цифр от 1 до 40 000

относится к периоду жизни Кирика и чрезвычайно любопытен. Вот уже несколько лет в одном из раскопов археологи изучают обширную усадьбу, принадлежавшую Олисею Петровичу Гречину — священнику и крупному политику. Этот знатный новгородец дважды домогался должности архиепископа. Большинство найденных на территории усадьбы «берестяных грамот» — в основном поминания прихожан. Но вот в руках исследователей оказалась «береста» (ей присвоили № 549), где какой-то поп Мина просит Гречина написать иконку. Послание начиналось словами: «Поклоняние от попа ко Гречину...» Другая, более поздняя «грамота» «от попа от Мины ко Гречину» содержит просьбу прислать готовые иконки к Петрову дню. Были найдены эскизы будущей иконы на обороте «грамоты», деревянные заготовки, остатки окладов, горшочки со следами красок. Это позволило ученым сделать важный вывод о том, что на территории усадьбы находилась художественная мастерская, а Олисей Гречин был

чуть ли не первым русским живописцем. Он творил за 200 лет до Андрея Рублева. И вполне возможно, что Кирик-числолюбец неоднократно встречался с Олисеем или на улице, или в мастерской, или у «владыки».

Вернемся к общей характеристике эпохи Кирика-числолюбца.

Знания в области точных наук на Руси XI—XIII веков были растворены во всевозможных сообщениях, которые относились к технике, ремеслам, математике, механике.
Например, в одной главе труда известного философа, поэта, богослова Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры», в форме для нас непривычной, излагается «Физика» Аристотеля. Дамаскин рассматривает основные понятия физической науки античности: движение, рост, перемена. Обратим внимание на весьма многозначительные названия некоторых глав: «Диалектика», «Философские главы».

В «Хронике» Георгия Амартола наши предки находили строки об атомной структуре вещества: «Они (атомы.— *А.Г.*) есть непресекома и неразделна телеса», «иже пресекование и разделение прияти не могут». Из популярного в то время сборника «Пчела» можно было получить в концентрированном виде классическую мудрость древних мыслителей — Аристотеля, Сократа, Фукидида, Платона; ранние русские энциклопедии — «Изборники», «Физиологи», «Шестодневы» — давали сведения по истории, географии, астрономии, физике, метрологии, механике (все это, разумеется, носило религиозную окраску).

Как установил Б. А. Рыбаков, каждая постройка того времени была подчинена математической системе, которая определяла формат кирпичей, толщину стен, радиусы арок и, разумеется, общие габариты зданий. Древнерусские зодчие хорошо знали пропорции («золотое сечение» и др.), им было известно в архимедовой формуле знаменитое число «пи». Для облегчения расчетов была изобретена система из четырех видов саженей; расчетам помогали

своеобразные графики-«вавилоны», содержащие сложную систему математических отношений.

Советский историк науки В. П. Зубов установил: с XI века в древнерусских текстах зафиксировано понимание основ математики в аристотелевом духе (т. е. в духе «Метафизики» Аристотеля). В «Метафизике», как подчеркнул В. И. Ленин, «превосходно, отчетливо, ясно, *материалистически*» разрешаются трудности философии математики (математика абстрагирует одну из сторон тела, явления жизни), «хотя (Аристотель) не *выдерживает* последовательно этой точки зрения».

Математические знания на Руси домонгольского периода советский историк Р. А. Симонов представляет в виде своеобразной пирамиды из трех уровней: нижний — овладение нумерацией, средний — практика вычислений, высший — обучение арифметике, умение разбираться в хронологии и вести календарные расчеты. Основной труд Кирика-числолюбца «Учение им же ведати человеку числа всех лет» принадлежит к третьему, наиболее «высокому», творческому уровню древнерусской математической культуры, хотя представляет не меньший интерес и для истории самого нижнего, нумерационного уровня.

Древнерусские люди начинали изучение математических представлений с арифметики. Как сказано выше, новгородские «грамоты» открыли неизвестные ранее атрибуты обучения грамоте — аналогичные буквенным, но от них отличные, «цифровые алфавиты». Заметим, что в труде Кирика имеется одна примечательная сентенция — «Ведь понемногу создается город и делается большим, так и знание понемногу растет»,— свидетельствующая о понимании последовательности, постепенности обучения.

Во многом «Учение» Кирика посвящено технике вычислительных операций и церковной хронологии. Как производил Кирик свои изумительные по мастерству вычисления, он не объясняет. Да в этом и не было нуж-

ды: подсчеты, где фигурируют цифры порядка десятков миллионов (!), Кирик делал на привычном в его время древнерусском абаке. Это наглядновычислительное приспособление было разновидностью древнегреческого абака. Существовал абак и в Древнем Египте, возможно — и в Вавилонии. Его основные «счетные элементы»: вычислительное поле (поверхность стола, скамей, пола, даже ровный участок земли); собственно «элементы» счета (сливовые или вишневые косточки, бобы и другие мелкие предметы). Таким образом, перед нами такое наглядномеханическое приспособление, в котором вычислительное поле и счетные элементы отделены друг от друга, а не соединены вместе, как в конторских счетах.

При работе на абаке наши предки перекладывали по определенным правилам плодовые косточки на разграфленном поле, оперировали громадными числами порядка десятков миллионов. Заметим, что слово «миллион» тогда еще не знали ни в Древней Руси, ни в Западной Европе. Его изобрел, придумал знаменитый путешественник Марко Поло. «Милле» по-итальянски — тысяча. А как передать одним словом несметные богатства Востока? И Марко Поло говорит — «мильоне» — большая тысяча, великая тысяча. За путешественником, который ознакомил Европу с Азией задолго до эпохи географических открытий, закрепилось прозвище «Господин Мильон», а в некоторых списках и его произведение называлось так: «Книга Мильоне о чудесах мира», а само это слово стало обозначать «тысячу тысяч». Наши предки для обозначения больших чисел употребляли такие термины: тьма — десять тысяч; легион — сто тысяч; леодор — 1 миллион; ворон — 10 миллионов; колода — 100 миллионов.

Вычислительная практика отражена и в «Русской Правде». В дополнительных статьях к ней, с 49-й по 65-ю, содержится набор своеобразных арифметических упражнений на абаке — с пересчетом натуры на деньги. Видимо, эти задачи предназначались для обучения сборщиков

налогов. Речь в упражнениях идет о приплоде скота, увеличении количества пчел за определенный период с подсчетами стоимости в древнерусской денежной системе.

Но что, собственно, известно нам о личности талантливого «числолюбца» по имени Кирик? К сожалению, очень немногое. Родился он в 1110 году, так как в год написания «Учения» (1136) ему было 26 лет — как сам о себе сообщил Кирик. Где родился он — в самом Новгороде или в его окрестностях, кто были его родители, как он воспитывался, в какой «школе» учился? Сведений об этом нет. Но мы знаем, что был он монахом-«калугером», имел духовный сан диакона, а должность его — доместик (регент, руководитель хора) Антониева монастыря в Новгороде. Кстати, Антониев монастырь был всего на несколько лет старше самого Кирика: основателем монастыря, по преданию, считался Антоний Римлянин.

В начале нашего века попытку дать литературный портрет Кирика предпринял исследователь Н. В. Степанов, используя отрывочные сведения о нашем просвещенном предке, об исторической обстановке в Новгороде. Его рассказ о Кирике-числолюбце приурочен к событиям 19 июля 1136 года, когда новгородцы, прогнав прежнего князя, ждали приезда нового. «В тот день утром,— писал Н. В. Степанов,— к приезду князя, на восточной стороне горизонта было солнце, а на западной стороне неба виднелась белесоватая луна 19-ночного возраста. День, вероятно, был ясный. Настроение жителей было приподнятое. Они выгоняли Всеволода и дожидались приезда нового князя Святослава. Вероятно, приготовлялась торжественная встреча с крестным ходом, на встречу вышли монахи Антониева монастыря, этой только что построенной святыни Новгорода. Во главе монастырского хора стоял доместик Кирик, худой, строгого и болезненного вида монах. «Худ бо есмь и болен»,— говорит он про себя в «Вопрошании Нифонту». Несмотря на свои 26 лет он много занимался, читал и писал... Голова его непрерывно занята.

Он полон мыслями. Стоять праздно в ожидании князя он не может. Кирик наблюдает, думает, фантазирует. Видит ясное небо, на нем солнце и убывающую 19-ночную луну. Картина была замечательная! Оба светила присутствовали на торжестве встречи; еще замечательнее, что 19-е число книжного месяца приходилось в 19-й день небесного месяца.

Как отказать себе в удовольствии и, возвратясь к себе в келью, под влиянием пережитого не написать всего им наблюденного: описать положение солнца над горизонтом, выразив его по личным его, Кирика, соображениям в часах, отметить число ночей, прожитых луной, а, кстати, чтобы вылить наружу полноту своих ощущений, как не пристегнуть сюда и «августовских каланд» (календ.— *А.Г.*), которые он тоже знал! Он это и сделал...»

Историк культуры М. Ф. Мурьянов нашел еще один штрих для характеристики Кирика как мыслителя. В «Учении» содержится, например, непонятный, на первый взгляд, материал о «поновлениях» неба, земли, моря и воды. Некоторые дореволюционные авторы трактовали его как астрологическое увлечение Кирика. Однако М. Ф. Мурьянов считает, что сведения «числолюбца» о «поновлениях» восходят к античным мировоззренческим взглядам пифагорейской школы. Как известно, пифагорейцы отстаивали и проповедовали учение «о круговой модели движения времени», ибо она соответствует видимому перемещению звезд и планет на земном небе.

Каким образом космологические концепции древнегреческих философов, последователей Пифагора, дошли до северных болот и озер, за которыми лежал господин Великий Новгород? В форме каких сочинений? М. Ф. Мурьянов вполне логично допускает: Кирик познакомился с этими концепциями через славянские переводы трудов эллинских гностиков.

Свой главный труд по математике и хронологии Кирик написал будучи иеродиаконом Антониева монастыря. Вто-

рое сочинение — так называемое «Вопрошание Нифонту» — он создал несколько позже, став иеромонахом, приближенным новгородского епископа Нифонта. Возможно, к этому времени Кирик покинул Антониев монастырь. Твердо известно лишь, что закончил он «Вопрошание» около 1156 года. Значит, в тот момент Кирику было 46 лет. Более точной даты написания труда определить невозможно. Полагают, что Кирик умер в возрасте 46—48 лет.

Следует добавить, что Кирик был не только высокообразованным по тем временам человеком, но и передовым мыслителем. Об этом, в частности, свидетельствует предположение, что именно «числолюбцу» поручил Нифонт переработать местную летопись в «республиканском» духе. Впервые гипотезу об участии Кирика в летописании высказал крупнейший русский историк академик А. А. Шахматов. Он обратил внимание на то, что в древнейших погодных записях ясно обнаруживается «личность одного из летописцев», что «личность эта — известный Кирик». Свой вывод Шахматов сделал на основе анализа летописной статьи 1136 года, где «указаны счет календами, приведен лунный день; такая запись свидетельствует об основательном знании счета времени».

Еще дальше в своих предположениях пошел другой исследователь — Е. Ю. Перфецкий, считавший, что автор «Учения» писал и обрабатывал Новгородскую летопись в течение 30-летнего периода. Он же охарактеризовал и качества Кирика как летописца: «Это личность, имевшая навык к литературной обработке подобного труда, обладавшая способностями и практикой самостоятельного литературного творчества, что в данном случае и проявлялось в самостоятельном создании отдельных статей нашей летописи,— и, может быть, вообще ведения летописания».

Что еще? Предполагается также, что автор «Учения» перевел сочинение константинопольского патриарха Ни-

кифора «Летописец вскоре», более того — даже переделывал и продолжал этот «Летописец». Выдвинута была и гипотеза о том, что Кирик переписывал или переводил «Пятикнижие Моисеево» будто бы специально для князя Святослава Ольговича.

Однако все это — не более чем предположения. Кирику, безусловно, принадлежат два произведения — «Учение» и «Вопрошание». И это — немало! Если учесть, что трактат «Учение» не имеет себе равных.

Интересен и такой вопрос: насколько широким был круг чтения Кирика? Об этом можно судить лишь по косвенным данным, вернее — исходя из того наследия, которое он оставил потомкам. Оно красноречиво свидетельствует о его начитанности и широте интересов. Напоминаем, что Кирик был отменным вычислителем. Отсюда можно сделать вывод, что он владел знаниями в объеме учебного курса квадривиума (арифметика, геометрия, музыка, астрономия с астрологией). Возможно, науки квадривиума он мог постичь самообразованием. В любом случае он должен был знакомиться со средневековыми научными произведениями по этому курсу. Квадривиум является второй (высшей) стадией обучения общеобразовательного цикла. А первой был тривиум, в который входили грамматика, риторика и диалектика (логика).

Средневековое образование проходило в контексте богословия и своей целью имело приобщение к теологии. Кирик был хорошо знаком с литературой по различным вопросам церковной службы и монастырской жизни, а также церковного права. Литература такого рода разделялась на каноническую, одобряемую церковью, и апокрифическую, запрещаемую церковью. Кирик читал и ту, и другую. Об этом есть данные в «Вопрошании». Конкретно он был знаком с «худыми новокануннцами» (отреченной литературой по церковному праву), с «Правилом» жившего в VIII веке англосакса Бонифатия. Считается, что Кирик был более начитан в византийских бого-

словских трудах, чем новгородский архиепископ Нифонт, известный своей просвещенностью.

Кирик был знаком не только с трудами ученых монахов Киевской Руси. Бесспорно, мимо Кирика не могли пройти «Изборник» Святослава 1073 года и «Изборник» 1076 года, «Повесть временных лет» Нестора-летописца, «Поучение» Владимира Мономаха, «Хожение» Даниила, труды философов Жидяты и Климента Смолятича, «Сказание о Борисе и Глебе».

Из ранних исторических хроник византийцев и болгар, из русских энциклопедических сборников он мог почерпнуть также сведения о древней истории Средиземноморья, Западной Азии, о персидских царях Кире и Дарии, Навуходоносоре Вавилонском, о походах Александра Македонского, взлете и падении Древнего Рима. Не исключено также, что Кирик читал труды средневековых авторов Центральной Европы, хотя православная церковь XI—XII веков запрещала читать и переводить «иноверцев-западников».

Историки церковного права считают, что Кирик проявлял интерес к отреченной литературе, которая, как известно, не одобрялась официальной церковью, вносилась в список запрещенных книг. Среди них «Стих о книге голубиной» (народная энциклопедия мироздания), «Шестокрыл» (таблицы для вычисления точных дат солнечных и лунных затмений, фаз луны), «Астрономия», «Землемерие», «Книга громник», «Молнияник», «Аристотелевы врата», «О часах добрых и злых», «Лунники».

Советский ученый В. К. Кузаков справедливо заметил, что «в византийской традиции, которую унаследовала русская церковь, не в моде было разыскивать причины естественных вещей — величину Солнца и размеры Земли, движение звезд». А ведь труд Кирика «Учение» — одно из немногих произведений домонгольского периода, конкретное содержание которого не вмещалось в богословско-символический текст.

Где брал Кирик интересующие его сочинения? Вероятно, в библиотеке Софии Новгородской. Пользовался он и книгами, имеющимися в Антониевом монастыре, либо принадлежащими его покровителю Нифонту. Возможно, что Кирик сам был библиотекарем, нес «книгохранительную службу». Некоторые исследователи считают, что Кирик был «монастырским библиотекарем и регентом хора», «уставщиком», «руководителем хора и библиотекарем». Конечно, принадлежность того или иного человека к библиотечному делу, безусловно,— показатель высокой культуры, образованности, учености. Но более убедительно об учености Кирика Новгородца, о его вкладе в культуру нашей страны свидетельствуют созданные им произведения. Это математическо-хронологические труды и более позднее сочинение «Вопрошание Нифонту» (1130—1156). «Размытая» дата написания последнего объясняется тем, что Кирик создавал «Вопрошание» частями, с большими перерывами, отвлекаясь на другие дела и вновь возвращаясь к нему.

Математические произведения дошли до нас в нескольких довольно поздних списках, называемых по именам их прежних владельцев: Погодинский (XVI в.), Мазуринский (XVIII в.), Румянцевский (XIX в.). Все они различны по объему и составу.

Первооткрывателем Кирика-математика был неутомимый охотник за древними рукописями К. Ф. Калайдович. Напомним, что он разыскал ряд уникальных памятников: сочинения Кирилла Туровского, «Моление Даниила Заточника», «Изборник Святослава» 1073 года и др. В 1823 году он воспроизвел в печати заключительную часть «Учения». После этого математическое наследие Кирика Новгородца неоднократно печаталось, привлекало внимание многих ученых, среди которых — А. Х. Востоков, Б. В. Гнеденко, В. К. Кузаков, Д. С. Лихачев, В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков, Д. О. Святский, И. И. Срезневский, А. А. Шахматов, А. П. Юшкевич, В. Л. Янин.

В последнее время наследие Кирика Новгородца привлекло внимание историка Р. А. Симонова. Тщательное изучение всех сохранившихся списков труда Кирика по математике, анализ их языковых особенностей, сравнение списков между собой дали ему возможность сделать важные выводы.

Он установил, что математический труд Кирика состоит из трех произведений. Он включает хронологическую

«Учение» Кирика по Погодинскому списку. Окончание

таблицу библейских и исторических событий, «Учение им же ведати человеку числа всех лет», сочинение о дробном делении часа. К этому комплексу примыкает своеобразная автобиографическая приписка Кирика. Компактной группой все три текста содержатся только в Погодинском списке. В Мазуринском списке — хронологический перечень и начало «Учения», а в Румянцевском — только одно «Учение». Именно этот, очень поздний список, по всей вероятности, ближе всего к тому варианту, который выполнил сам Кирик в 1136 году. К сожалению, до самого последнего времени было неизвестно, как выглядел текст, вышедший из-под пера древнерусского математика. Р. А. Симонов сделал удачную попытку реконструировать первоначальный вид памятника и всесторонне проанализировал его.

Текст «Учения» состоит из нескольких частей. В первой из них говорится о том, сколько прошло времени в различных единицах от «сотворения мира» к моменту написания работы: в годах, месяцах, неделях, днях и часах. Каждый пункт этой части, а их всего пять, содержит цифровой материал, связанный с числом 6644 — количество лет, прошедших за указанный период. Это число точно датирует написание текста — 1136 год.

Далее Кирик излагает теоретические основы календаря, необходимые для точных вычислений. Здесь он демонстрирует хорошее знание таких понятий, как индикт (пятнадцатилетний цикл), «лунный круг» (цикл в 19 лет), «солнечный круг» (двадцативосьмилетний цикл), «великий индиктион» (цикл с периодом в 552 года).

В заключительной части говорится, что трактат написан в 1136 году, сообщается, сколько лет осталось до седьмого тысячелетия, указывается год индикта, солнечного и лунного «кругов», отмечается, что 1136 год — високосный, затем приводятся сведения из церковной хронологии. Далее — в весьма любопытной форме — излагаются сведения об авторе. Так, его возраст пятикратно

варьируется — отдельно в годах, месяцах, неделях, днях и часах. Указывается также, что сочинение писалось в Новгороде, что византийский правитель в то время был царь Иоанн, русский — Святослав Ольгович, что архиепископом был Нифонт. Таким образом, полнота хронологических примет трактата доведена до предела. Вся заключительная часть как бы вбирает в сжатом виде сведения первых двух частей.

Пытаясь показать, как производил свои вычисления Кирик, Р. А. Симонов пришел к выводу, что «Учение» содержит уникальные данные о древнерусской вычислительной и календарной практике.

Третья математическая работа Кирика названа «О дробных делениях часа». Скорее всего, она является дополнением к основному тексту трактата. Ее можно рассматривать и независимо от «Учения», как вполне самостоятельное произведение.

Текст «О дробных делениях часа» в математическом отношении особенно привлекал внимание ученых. Он содержится в Погодинском списке. «Если из Погодинского списка его (этот раздел.—*А.Г.*) мысленно удалить,— остроумно доказывает Р. А. Симонов,— то оставшийся текст будет соответствовать Румянцевскому», а это подтверждает вывод о том, что первоначальному тексту «Учения» по составу в наибольшей степени отвечает именно Румянцевский список.

Н. В. Степанов считал приведенные здесь Кириком вычисления плодом его «числолюбия», а Т. И. Райнов — своего рода оторванной от действительности игрой для числолюбцев. Однако последующее изчение текста говорило о другом: фрагмент «Учения» о делении часа мог иметь практическую ценность для календарных расчетов. Недавно М. Ф. Мурьянов высказал новую гипотезу: единицы дробления времени у Кирика имели акустический смысл музыкальных интервалов и поэтому интересовали Кирика как руководителя церковного хора.

Ученые разных специальностей на основе многолетнего исследования математического наследия Кирика пришли к удивительным, на первый взгляд, выводам. Оказалось, что «Учение» — наиболее древнее русское математическое произведение, что математические познания Кирика соответствовали уровню лучших византийских и западноевропейских вычислителей и что Кирик первый известный по имени русский математик. Более того, историки астрономии считают «Учение» первой русской оригинальной работой о календаре, замечательным памятником календарной мудрости, а Кирика — основоположником русской научной хронологии. По словам В. К. Кузакова, «знала Русь и своих астрономов, в первую очередь, это Кирик».

Труд Кирика-числолюбца «Учение им же ведати человеку числа всех лет» — ценнейший источник по истории древнерусской математики и календаря. Этот источник отражает уровень математики на Руси XI—XIII веков. «Учение» содержит уникальные данные о древнерусской вычислительной и календарной практике. Сочинение Кирика еще долго будет оставаться одним из важнейших источников по истории точного знания Древней Руси, постепенно выдавая нам еще неразгаданные тайны славянской математики — по мере обнаружения и привлечения новых источников.

Итак, в свои 26 лет, исполняя обязанности — весьма хлопотные — регента хора Антониева монастыря, Кирик-числолюбец пишет сочинение, в котором показал свои блестящие математические способности и глубокие специальные знания.

Анализируя реконструированный текст «Учения», Р. А. Симонов убедительно доказал, что это произведение мыслилось не как простой перечень сведений по хронологии, полученных на основе математических вычислений, а как упорядоченное изложение материала в соответствии с определенными литературными приемами.

Построение «Учения» напоминает, по словам Р. А. Симонова, композицию инструментальных или симфонических произведений, в которых каждая часть отличается законченностью, а в заключительной части подчеркивается общее единство произведения посредством повторения музыкальных тем всех частей.

По жанру «Учение» — это средневековый научный трактат. Первоначальный вариант трактата так, как он реконструирован Р. А. Симоновым, «может рассматриваться в качестве образца древнейшего, точно датированного оригинального произведения со светской основой содержания, свидетельствующего о существовании определенных литературных норм и требований к композиционному построению «научных трудов» в Древней Руси». В самом деле, у Кирика выпукло представлены систематичность и полнота, упорядоченность и единство логики изложения отдельных частей и трактата в целом.

Зададимся вопросом: для кого предназначался средневековый трактат Кирика? Из текста «Учения» и «О дробных делениях часа» следует, что автор писал свои труды для «числолюбцев и риторов», для неких «промузгов», «для любителей мудрости». Употребление этих терминов дает возможность думать, что Кирик адресовал свои труды профессиональным математикам. Не следует забывать, что на Руси в ту пору Кирик был не одинок, а являлся представителем группы ученых (имена их неизвестны). Есть и другое мнение, свидетельствующее о более широком читательском адресе, ведь слово «числолюбец» Кирик мог употреблять в значении «образованный человек, понимающий ценность математики», а не в значении «специалист по числам». Именно к ним обращался автор, освоивший и пропагандирующий сложные и мало применяемые в его время арифметические расчеты с большими числами. В то же время не исключено обращение Кирика и к церковным иерархам: ведь «числолюбец» имел невысокий сан дьякона и попытался, вероятно, изменить свое

положение в лучшую сторону. В данном случае он был озабочен стремлением показать свой уровень математических и календарно-хронологических знаний, способность к всестороннему и логическому изложению. Судя по второму сочинению Кирика — «Вопрошанию», он рассчитывал получить более высокую церковную должность.

Сочинение Кирика — «Вопрошание Нифонту», в отличие от научного трактата «Учение», имеет важное значение для понимания житейской, практической философии Руси XI—XIII веков (как и поучение, например, новгородского епископа XII века Ильи). «Вопрошание» открывает нам почти неизвестную страницу из повседневной жизни как самого «числолюбца», так и его покровителей — Нифонта, Климента Смолятича, Аркадия. Оно рисует, пусть и не совсем четкий, но характерный образ правдоискателя и мыслителя — самого автора.

Возникает вопрос: что заставило его написать труд, весьма далекий от математики? От его научных интересов? Ответ может быть таким. Спустя некоторое время после написания «Учения» Кирику присваивается сан священника, он становится приближенным Нифонта. Как священник Кирик часто исповедует и мирян, и монахов. При этом он сталкивается с различными житейскими казусами, а при чтении церковной литературы — с противоречиями, расхождениями с повседневной практикой. Тогда Кирик приходит к архиепископу Нифонту, своему покровителю, просит разъяснений. Об одном вопросе, связанном с «берестяными грамотами», которые горожане выбрасывали на мостовые, втаптывали ногами в грязь, уже говорилось выше. Добавим, что это — первое упоминание «берестяных грамот» в нашей литературе.

Вопросы Кирика порой были столь щекотливого свойства, что Нифонт мог ответить на них лишь «с глазу на глаз», без свидетелей. Иногда в беседах принимали участие духовные чины епископской свиты. Видимо, Кирик записывал содержание устных ответов Нифонта и

церковных иерархов в форме дневника. Еще первые исследователи «Вопрошания» обратили внимание на то, что некая часть его напоминает что-то вроде дневниковых записей. Заметим в связи с этим: жанр «вопрошания» был распространен в церковной литературе Византии.

Итак, недолгая жизнь Кирика из Новгорода — пример неустанных трудов, беззаветной, поистине подвижнической деятельности. Он был человеком отнюдь не из бояр и церковной знати. Широкое значение творчества Кирика из Новгорода свидетельствует о том, что в среде древнерусской «плебейской части духовенства», как назвал Фридрих Энгельс рядовых священнослужителей, вызревали мысли о том, что не только догматы церкви и библейские тексты, а сама природа, ее закономерности могут служить объектом научного изучения.

Хотелось бы завершить главу верным замечанием Р. А. Симонова: «Кирик был не только выдающимся математиком, календареведом, но и ученым, который стремился применить свои знания точных наук в исторической хронологии, при этом, быть может, пытаясь как-то осмыслить понятие «время» с позиций определенных космологических представлений о природных циклах. «Учение» должно восприниматься в целом как образец средневекового научного трактата, где тесно переплетены математические, календарные, хронологические и, возможно, философские идеи и представления».

Таким образом, в ряду замечательных людей первых веков истории нашей страны, таких, как государственный деятель и писатель Иларион, летописец Нестор, нужно назвать математика Кирика.

И, наконец, открытие творчества Кирика из Новгорода имеет такое же значение для пересмотра представлений о культуре Руси XI—XIII веков, как открытие произведений великого Андрея Рублева.

Глава шестая

Трудами старца Ефросина

Ефросин... Имя этого человека, жившего более пятисот лет назад, мало что говорит современному читателю. Лишь сравнительно недавно — в начале нашего века — оно стало известно ученым, исследователям древнерусской книжности. Но нет в нашей стране человека, который не слышал бы о «Задонщине», поэтическом произведении, прославившем победу русских войск на поле Куликовом. А ведь один из древнейших списков «Задонщины» написан рукою «грешного Ефросина».

Жил и творил этот замечательный в своем роде переписчик в Кирилло-Белозерском монастыре. Напомним кратко, как возник монастырь, как создавалась в нем книгохранительная палата.

...На далеком севере, в Белозерском краю, вдали от городов, а главное, в безопасности от татарских набегов, возникло несколько монастырей и скитов «заволжских старцев». Редкое чувство красоты было свойственно нашим предкам, позволявшее им возводить обители в удивительном единении с природой.

Неповторимо хорош на вологодском просторе и Кирилло-Белозерский монастырь. С вершины горы Мауры, что неподалеку от Сиверского озера, открываются необозримые дали. В сизоватой дымке — суровые густые леса, уходящие к горизонту. Кое-где проглядывают синие глади озер; изумрудно просвечивают низинные луга. И словно в сказке поднимаются над тихими прозрачными водами граненые башни, мощные крепостные стены, купола церквей. Этот величавый ансамбль возник не вдруг, он создавался на протяжении столетий трудом и талантом древне-

русских строителей. И вот уже почти шестьсот лет стоит этот богатырь, этот некогда могущественный северный форпост Руси. Любуясь им, невольно вспоминаешь чеканные строки Александра Блока:

Ты различишь домов тяжелый ряд,
И башни, и зубцы бойниц его суровых,
И темные сады за камнями оград,
И стены гордые твердынь многовековых.

В самом конце XIV века — в 1397 году сюда, в лесную глухомань, пришли два инока московского Симонова монастыря — Кирилл и Ферапонт. Они решили, как говорится в одном из жизнеописаний, «далече от мира уединиться».

Кирилл, в миру боярин Кузьма, выбрал место на берегу озера на холме и вырыл себе землянку-келью. Биограф Кирилла, известный средневековый писатель Пахомий Логофет, повествует об этом так: «Место же оно, идеже святый Кирилл вселился, бор бяше велии и чаща и никому же от человек тоу живоущоу. Место оубо мало и кроугло, но зело красно всюду, яко стеною окружено водами».

Ферапонт, который искал место более удобное — «гладкое и просторное», разлучился с другом...

Страна была дикая, малонаселенная. Но «безмолвствовать», как выразился сам Кирилл, пришлось ему недолго, вскоре сюда стали стекаться богомольцы и единомышленники. Известно, что еще с домонгольских времен лучшая часть русского иночества искала подвига, а не благополучной, безмятежной жизни. А на первых порах в Кирилловой обители, как, впрочем, и в других, необходимо было налаживать обширное и разнообразное хозяйство. Для монахов физический труд не противопоставлялся духовному «деланию». С давних пор существовало такое правило: «Делай всегда какую-нибудь работу. Пусть вскапывается земля, пусть разделяются ровной межой гряды, в которые будут посажены растения или брошены

семена овощей. Пусть бесплодные деревья прививаются почками или ветками. Устраивай ульи для пчел и научись монастырскому порядку и у малых тварей. Пусть плетутся сети для ловли рыб, пусть пишутся книги, чтобы и руки добывали пищу, и душа насыщалась чтением».

Движение за создание монастырей в XIV и XV веках приобрело в России особые черты, связанные с национальным подъемом, который охватил русский народ нака-

Начальный лист «Задонщины»

нуне освобождения от ордынского ига. Русские монастыри того времени, пишет академик Д. С. Лихачев, «очень часто подчиняли свою деятельность государственным интересам. Само продвижение монастырей на Север было связано с культурным и хозяйственным переустройством заселяемой страны».

В то время из среды монашества вышли крупные государственные деятели, писатели, художники: Сергий Радонежский, Кирилл Белозерский, митрополит Алексей, Стефан Пермский, Епифаний Премудрый, Андрей Рублев.

Огромное значение для Московского княжества имел и Кирилло-Белозерский монастырь: и потому, что здесь пересекались важнейшие торговые пути, и потому, что белозерские земли вклинивались в новгородские владения, а это давало возможность Московскому княжеству получить удобную позицию для наступления на Новгород. Кроме того, монастырь — надежная крепость, прикрывающая Русь от посягательств Швеции и других государств.

Понимая все это, Кирилл стал активно собирать земли, присоединять их к монастырю. Пользуясь поддержкой московских князей и бояр, жертвовавших ему земли, делавших крупные денежные и другие вклады, жаловавших соляные копи, монастырь рос, укреплялся. Со своей стороны, он оставался верным союзником московских князей. Не остался монастырь в стороне и от бурных идеологических схваток в различных слоях общества. Был и местом ссылки...

Постепенно Кириллов монастырь набирал силу; вскоре началось широкое строительство. Уже через сто лет после прихода Кирилла возникает величественный Успенский собор — крупнейший монумент своей эпохи. Он был сооружен двадцатью вызванными из Ростова Великого «стенщиками» и каменщиками во главе с Прохором Ростовским всего за пять месяцев — за один летний сезон. Летописец назвал его «церковью великой». На дивное строение приходили люди отовсюду — Север в то время

почти не знал каменных построек. Вполне вероятно, что и герой этой главы — Ефросин любовался величественным и торжественным обликом Успенского собора.

Здесь работали прославленные мастера фресковой живописи — Любим Агеев, старец Александр и его ученики; талантливые зодчие возводили храмы, башни, крепостные стены. Работал в монастыре и художник Дионисий Глушицкий — человек чрезвычайно широких интересов. Был он резчиком по дереву и книгописцем, плотником и кузнецом, плел корзины. Он-то и создал прижизненный портрет Кирилла Белозерского — один из первых портретов в древнерусской иконописи.

Перед нами — кряжистый, будто вросший в землю сутуловатый человек с окладистой бородой, с добрым, приветливым и умным лицом. По справедливости считается, что в образе Кирилла воплощен идеал нравственного и деятельного человека. Икона находилась в Успенском соборе и, естественно, Ефросин мог каждый день всматриваться в образ Кирилла, книги которого он переписывал. Здесь из года в год накапливались книжные богатства, процветала книгописная палата, велось летописание, создавались литературные произведения, работали переводчики. Рано стала складываться и библиотека, сохранившая до наших дней редчайшие древние рукописи.

За крепкими стенами, в тишине келий трудились многие писатели. В этом нет ничего удивительного — именно монастыри выдвигали в то время наиболее образованных людей. Конечно, никакой стеной отгородиться от бушующей жизни было невозможно. Испытывал на себе монастырь и недовольство великих князей, и народный гнев, и удары иноземцев (к чести защитников Кирилло-Белозерского монастыря, он с успехом отразил натиск польских отрядов в «смутное» время). И все же заниматься науками, искусством, литературой было спокойнее в тиши монастырской кельи. Жизнь воина, крестьянина, ремесленника была куда более тревожной.

Основание книжному собранию в Белозерском монастыре положил сам Кирилл, который еще до переселения в «пустыню» занимался списыванием книг. Несколько рукописей он принес с собой. Более того, Кирилл продолжал работу переписчика в основанном им монастыре. До нашего времени сохранились четыре томика — скромно оформленные, в кожаных переплетах с сыромятными застежками,— принадлежавшие Кириллу (это были книги не богослужебные, а для чтения).

Порой можно еще встретить утверждение, что монастырские книжные собрания содержали, как правило, церковную, богослужебную литературу. М. И. Слуховский, например, называет их «набором богослужебных пособий, имеющих прикладное значение, подобно свечам, иконам, лампадам». Это далеко не так. В Московской Руси отдавалось предпочтение книгам светского содержания. По описям XV—XVII веков книги церковно-богослужебные составляли лишь третью часть от общего числа книжных собраний. В монастырях находились летописи, хронографы, различные хожения, повести... Уместно вспомнить слова советского ученого В. Лазарева, который заметил, что «культура русского монастыря XV века была не такой примитивной, как это казалось старым исследователям. Творения Василия Великого, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, Дионисия Ареопагита внимательно читались и тщательно комментировались. Отсюда в русскую церковную литературу проникали элементы античной философии...».

В этом можно убедиться, ознакомившись с составом четырех томиков, которые принадлежали основателю Белозерского монастыря. Здесь — «Лествица» писателя анахорета Иоанна, сочинения египетских и синайских отшельников, труды римского врача и ученого Галена, выписки из астрономических и математических произведений, «Чтение о князьях Борисе и Глебе» летописца Нестора...

По повелению Кирилла книгописанием обязаны были заниматься монахи. Одна из книг имеет приписку, что создана она была писцом Феогностом «повелением господина старца Кирилла игумена». Рукой безвестных мастеров переписан (в 1445 году) в книгописной мастерской монастыря «Изборник» 1073 года, который, как мы уже писали, был «первой русской энциклопедией». Создаются в монастыре и оригинальные литературные произведения, проникнутые идеями централизации Руси. К ним относятся, прежде всего, послания самого Кирилла к московскому князю. В них он излагает свое представление о высшей власти: «Князь должен беречь своих людей, суды бы судили правдой, посулы бы судьи не брали».

Библиотека неуклонно увеличивала свой фонд. Создание книгохранилища связывают с деятельностью старца Ефросина, одного из книжников XV века, человека исключительной начитанности. Уже отмечалось, что он был переписчиком книг, что само по себе представляется делом важным. «Писание книг» в Древней Руси академик Д. С. Лихачев очень метко сравнил с возделыванием земли: «И подобно труду земледельца переписка книг была на Руси извечно «святым» делом. И тут, и там бросались в землю ростки жизни, зерна, которые предстояло пожинать будущим поколениям».

Ефросин с большим усердием бросал «в землю ростки жизни». Он неутомимо переписывал различные произведения, редактировал их, делал на полях всевозможные приписки и пометки, составлял совершенно неповторимые сборники (и они дошли до нас!). Эти замечания, своего рода комментарии, а также составленные им сборники и дают возможность судить о его знаниях, его осведомленности в литературных источниках, о его интересах и литературных вкусах. Тут и обнаруживается любопытная неожиданность, если исходить из недавних представлений о письменности XV века. Оказывается, кирилло-белозерский монах специально интересовался

светской, занимательной литературой, записывал памятники устного народного творчества, притчи и шуточные загадки, подбирал сказания фольклорно-апокрифического характера. У него явно выражен интерес к описанию природы и животного мира, его внимание привлекает исторический и летописный материал, интересовался он и географическими сведениями.

Анализируя составленные кирилло-белозерским старцем сборники, дошедшие до нас, Я. С. Лурье подчеркнул, что для Ефросина «библейская, апокрифическая, античная и современная литература были прежде всего источником знаний. Вот почему он извлекал из доступных ему ничтожных обрывков античной литературы то же самое, что извлекали из них его западные современники-гуманисты,— естественнонаучные и исторические сведения. Мы не знаем, к каким выводам приводило Ефросина изучение этого материала, и вообще ничего не знаем о его мировоззрении, мы знаем только, какие книги собирал и переписывал этот писец. Но уже интерес к таким книгам, независимо от воли Ефросина, приводил его в противоречие с господствующей церковной традицией». В рукописях этого книжника дошли до нас и наиболее древние тексты некоторых важнейших памятников литературы...

Но что мы знаем об этом человеке? Когда и где родился? Где учился? Кто родители и чем они занимались? Даже мирское его имя нам неизвестно; не установлено, когда и где вошел он в особый мир — мир книжного слова. Предполагают, что он не был исключительной фигурой по своему мировоззрению, не играл заметной роли в политической жизни того времени, не был ни еретиком, ни вольнодумцем. Старец... Имел сан священника. Вот и все, что известно. Как же быть? Помочь здесь должна... реставрация. Это хорошо знакомое всем слово несколько неожиданно применил биограф Рублева В. Сергеев. В своей книге он предлагает при «обрывочности доку-

ментов» пользоваться методом, который можно было бы назвать «научной реставрацией», и поясняет: «Подобно тому, как архитектор-реставратор восстанавливает утраченную часть здания на основании аналогии с сохранившимися целиком подобными строениями более ранней, или, наоборот, более поздней эпохи, биограф Рублева подчас должен использовать культурно-исторические или бытовые реалии и факты, общие для всего русского средневековья, но точно известные по памятникам или документам иного, чем рублевская эпоха, времени». Попробуем и мы прибегнуть к этому методу.

Известна самая ранняя дата, которую поставил Ефросин на одном из своих сборников,— 1463 год; известна и самая поздняя — 1493 год. Они дают сравнительно четкий временной ориентир. Между ними — 30 лет напряженного творчества. Старец Ефросин трудился во второй половине XV века, в то время, когда (после победы на поле Куликовом) начинался новый подъем русской экономики, культуры и искусства, своего рода возрождение после 150 лет неслыханного по своей жестокости иноземного ига. Восстанавливаются и развиваются города, усиливается их экономическая роль, возрождаются ремесла, совершенствуется сельское хозяйство, его орудия труда, что приводит к увеличению сельскохозяйственного производства.

Возрождение наблюдается в литературе, в живописи, в зодчестве. Ефросин был не просто свидетелем этого процесса, но и его непосредственным участником. На его глазах произошло знаменательное событие в жизни страны — окончательное освобождение в 1480 году от ордынского владычества. Это событие Ефросин и отметил тем, что переписал «Задонщину», специально выделив на полях, что со времени победы за Доном прошло сто лет.

В это время возникает интерес к истории, к культуре времен независимости Руси, предшествующей ордынско-

му нашествию. Ефросин наверняка встречался с первым нашим писателем-профессионалом Пахомием Логофетом — сербом по национальности, который прибыл на Русь в 30-е годы XV века и прожил здесь до конца своей жизни (1484). И уж определенно знал главный труд Пахомия Логофета — «Хронограф» (1442) — книгу по всемирной истории и отечественной. Рождение «Хронографа», как определил А. А. Шахматов, было вызвано подъемом общерусской исторической мысли, связанным с формированием русского централизованного государства и его новой международной ролью. В этом труде Русь показана как равноправная участница мирового исторического процесса, а Великое княжество Московское выступает как Великое княжество Русское. Есть в «Хронографе» и такие прекрасные строки: «Наша же Российская земля растет и младеет и возвышается».

Ефросин был современником и таких выдающихся деятелей средневековой Руси, как Нил Сорский и Гурий Тушин; оба они связали свою деятельность с Кирилло-Белозерским монастырем.

Мимо знаменитого книжника, каким был Ефросин, внимательно следившего за новинками, не могло пройти такое важное событие, как перевод полного текста Библии. До того времени на Руси в обращении находились лишь ее отдельные части и даже фрагменты.

Перевод Библии — всех книг Ветхого и Нового заветов — решил выполнить новгородский архиепископ Геннадий в конце 80-х годов XV века. У него, конечно, было личное книжное собрание, но явно недостаточное для выполнения столь грандиозного замысла. Архиепископ разослал грамоты монастырям и церквам, спрашивая, есть ли у них нужные ему книги, и просил, если есть, прислать их в Новгород. По мнению советского специалиста М. И. Слуховского, «это — первый в истории русского культурного строительства случай обдуманного подхода к выявлению книжной наличности». Книги, которые

обнаружить не удалось, были вновь переведены, притом некоторые не с греческого, а с латинского, древнееврейского, немецкого. В результате упорного труда Геннадия и его помощников в 1499 году работа над переводом была завершена. Ефросин должен был знать о том, что в Новгороде осуществляется перевод Библии, хотя бы из запроса, который поступил в монастырь от Геннадия. Заметим, что геннадиевская Библия стала своего рода образцом, каноном. В 1573 году по просьбе князя Константина Острожского и с разрешения Ивана Грозного она была выдана во временное пользование в город Острог. Текст ее являлся основой для первой печатной славянской Библии, изданной в 1581 году Иваном Федоровым.

Ефросин, как установили исследователи, работал не только в Кирилло-Белозерском, но и в соседнем Ферапонтовом и подмосковном Троице-Сергиевом монастырях. Нетрудно предположить, что доводилось бывать ему и в Москве, которая год от года становилась краше, величественнее. Здесь работали мастера из Пскова и Новгорода, из Владимира и Суздаля, а также зодчие из Италии. Под руководством прославленного архитектора Аристотеля Фиораванти был воздвигнут (1487) на территории Кремля Успенский собор, который отличался строгой простотой, ясностью пропорций; в том же году построена Грановитая палата, предназначенная для торжественных приемов. На месте обветшавших укреплений времен Дмитрия Донского велась постройка новых стен и башен Кремля, который превращался в сильнейшую крепость того времени.

Все это должно было подчеркивать мощь Москвы, столицы земли Русской.

Подходя к Кремлю с его стенами, башнями, соборами и дворцами, книжный человек, каким был и Ефросин, вполне мог вспомнить слова Иоанна, экзарха Болгарского, из «Шестоднева», где описывалось впечатление, кото-

рое должен испытывать человек от архитектуры княжеского дворца: «Простолюдин и бедный человек, и странник, пришедший издалека... смотрит и удивляется, но когда приступает к вратам, все ему кажется чудным, и он задает себе разные вопросы. Вошедши во двор и увидев палаты высокие и церкви высокие, украшенные камнем, древом и красками, изнутри же мрамором и медью, серебром и золотом, он не знает с чем сравнить их, ибо не видел ничего подобного на земле своей...»

Древняя Русь, ее талантливые книжники создали немало прекрасных произведений, о которых хорошо сказал писатель Евгений Осетров: «Драгоценным камнем, ограненным великим мастером — Временем, можно назвать древнерусскую литературу, богатства которой мы еще только начинаем в полной мере осознавать. Год от года глубже мы проникаем в смысл словесности, складывавшейся столетиями, перечитываем забытые или полузабытые литературные памятники и все более убеждаемся в их художественной силе».

С большой художественной силой написано и знаменитое «Хожение» игумена Даниила в Палестину, созданное еще в самом начале XII века. Значит, и для Ефросина записки этого паломника были уже очень древними; три с половиной века — срок немалый!

«Хожение» Даниила, которое имелось в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, постоянно привлекало внимание Ефросина, он читал и перечитывал его, а затем, подправив, переписал (и не один раз, а дважды).

Что ценил Ефросин в «Хожении» Даниила, что особенно нравилось ему, когда в тиши монастырской кельи, при скупом свете лампады вчитывался он в текст древнего списка? Этого мы, конечно, никогда не узнаем. И все же... Видимо, ему симпатичен сам автор — личность весьма примечательная по складу мыслей; это настоящий русский характер: выносливый, терпеливо переносящий все лишения нелегкого тогда путешествия, чуткий к культуре

других народов, скромный и вместе с тем обладающий чувством собственного достоинства.

Даниил написал свое «Хожение» по личным впечатлениям: «И яко видех очима своима грешныма, по истине тако и написах». Этот наблюдательный и способный человек запечатлел не только «святые места», которые он посетил. Он четко и выпукло показал быт жителей, хозяйство страны, отметил плодородие земель, где «жито добро рождается», размышлял о скотоводстве и рыболовстве, не проходил мимо поразившей его природы.

Это великое творение древнерусской литературы отличается многогранным содержанием, изумительными по точности и яркости зарисовками, простотой описаний. На протяжении всего повествования автор выдерживает собственную установку «писать не хитро, но просто».

Даниил занес в свое повествование немало всевозможных легенд и апокрифических сказаний. С жадным любопытством читал белозерский старец географическое описание природы далекого Востока. В ярких красках, например, представлено Содомское (Мертвое) море, которое «не имеет в себе никакая животна: ни рыбы, ни рака нискольки; но обаче внесеть быстриность Иорданьская рыбу в море, то не может жить ни мала часа, но вскоре умирает...» И описание внешнего вида Иерусалима («град велик и тверд стенами»), и башни Давида — главной цитадели города («великим камением сделан вельми»), и описание животного мира («зверь мног ту и свинии дикии бещисла много, и пардуси мнози, ту суть львов же»), и заметки о хозяйственной жизни — все это живо интересовало Ефросина.

Бесспорно, его привлекало и лаконичное описание пути Даниила с перечнем названий пройденных мест и указаний расстояний между ними: «От Петалы острова до Калиполя 100 верст, а от Калиполя до Авида града 80 верст, а оттуда до Крита 20 верст». Путь этот Даниил совершил, хотя порой он был «тяжек вельми» и «страшен

зело». Но как человек закаленный, он «борзо» преодолевал крутые подъемы и спуски с гор: «По каменю лезти на ню руками держася», плавал в горной реке и нырял на глубину 8 метров: «В глубле же есть 4 сажень среди самое купели, яко же измерих и искусих сам собою».

Читал Ефросин «Хожение» внимательно и критически. Об эрудиции неутомимого белозерского книжника можно судить по таким фактам. В одном месте на полях
он сделал приписку, исправляющую указанные в тексте расстояния от Москвы и Белгорода до Киева, в другой приписке он сообщает путь до Афона, в третьей — сведения о «веси лоплян» (область северной Карелии)... И еще. К главе о Ченасаритском озере добавил выписку об этом озере из «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Переписку выдающегося литературного труда Ефросин, судя по всему, проводил не механически, а творчески. Уже издатель Кирилло-Белозерского списка «Хожения» Даниила М. А. Веневитинов обратил внимание, что тот сократил текст, исключив отдельные фрагменты, где отразились личные впечатления древнерусского паломника, и рассказы о библейских и евангельских событиях. Советские исследователи пришли к выводу, что «сокращения проведены одной рукой, сознательно, при внимательном отношении редактора к фактам переписываемого произведения». В одних случаях Ефросин просто исключал часть текста. В других — при сокращении делал небольшие вставки от себя, с тем, чтобы не нарушать логику изложения. Применял он и еще один прием: обрывал текст и давал «библиографические ссылки» на источники. Например: «и прочее в Житии ея», «и прочая писано в Паремии», «и прочая в Деяниях»...

«Хожение» игумена Даниила, по единодушному мнению ученых,— значительное произведение. «Всем известно, — писал еще Н. Г. Чернышевский,— что хождение Даниила один из замечательнейших памятников древней русской литературы».

Книга Даниила положила начало жанру хожений, она послужила образцом для многих путешественников, в том числе и для создателя «Хожения за три моря» — тверского купца Афанасия Никитина, который был современником Ефросина.

Как бы хотелось верить, что это превосходное сочинение о путешествии русского купца в Индию читал старец Ефросин. Как известно, Карамзин нашел записки Никитина в книгохранительнице Троице-Сергиевого монастыря, а фонды этой библиотеки были хорошо известны Ефросину, в своих записях он отмечал количество книг в этом монастыре. Но прямых доказательств нет никаких — ни штриха, ни намека.

Ефросин начал «работать» в Кирилло-Белозерском монастыре в то время, когда была еще свежа память о его основателе, живы были и служители, монахи, которые помнили Кирилла, чья личность и труды не могли не привлечь внимание Ефросина. В библиотеке сохранялись произведения первого игумена обители. И нет ничего удивительного в том, что Ефросин переписал в свои сборники чрезвычайно поучительные и необыкновенные работы Кирилла об устройстве мира. Это: «О стадиях и поприщах», «О широте и долготе земли», «О земном устроении», «О расстоянии между небом и землею» — работы, которые деловито сообщают фактические сведения о величине астрономических объектов и расстояниях между ними.

Бесспорно, Ефросину были близки взгляды Кирилла Белозерского, который отвергал мысль о том, что Земля стоит на семи столпах. Она, по мысли автора, висит в воздухе «посредством небесной праздности». По форме же наша планета, продолжает размышлять Кирилл, напоминает яичный желток, т. е. имеет шарообразную форму. Как все это резко отличается от предположений Козьмы Индикоплова! И как это сближается с мыслями античных ученых, того же Аристотеля или Птолемея, считавших

Землю шаром... И если раньше, переписывая «Хожение» Даниила, Ефросин отмечал расстояния от одного географического пункта до другого, то тут «измерялся» земной шар! Он записывал: «Земли расстояние есть от Востока даже до Запада стадие 25 тем». Значит, по представлениям Кирилла, протяженность Земли по экватору равна 240 000 стадий. Древнегреческий географ, математик и хранитель Александрийской библиотеки Эратосфен, измеривший в свое время земной шар, считал, что длина экватора составляет 252 000 стадий.

Определяются Кириллом и размеры вселенной, в частности, расстояние «от земли до неба». Это расстояние составляет, по расчетам автора, «365 тем поприщ», что соствляет около 5 миллионов километров. Вспомним, что до этого господствовали взгляды о досягаемости и «края земли», и «края неба». Чтобы читатели могли представить себе такую огромную величину, автор прибегает к земному сравнению: «Небо отстоит от Земли на такое расстояние, что человеку, делающему в день по 20 поприщ, пришлось бы идти 500 лет!» В заключение автор отметил, что указанные сведения он взял у «звездоблюстителей и землемерителей» античного мира.

Определяя значение этих статей, академик Б. А. Рыбаков заметил: «Заволжский мудрец, современник Андрея Рублева, сумел пренебречь обилием христианской литературы, освещенной авторитетом имен и традиций, литературы, издевавшейся над Аристотелем, глумившейся над антиподами и отвергавшей всякий опыт. Он сумел стать выше этой „святоотеческой" литературы и дал новую, смелую постановку вопроса о форме земли, о ее месте во Вселенной, величественно определяя ее размеры. Составитель статей сборника 1412 года имел смелость противопоставить богословской традиции то новое, что сообщили „звездоблюстители и землемерители"».

Уже один этот сборник, сохранившийся в библиотеке монастыря, во многом определяет ее значение как храни-

тельницы мудрости. Не будь этого сборника с этими короткими статьями о мироздании, наши представления о кругозоре людей эпохи Рублева были менее полными.

В сборнике находится еще одно произведение, переписанное и отредактированное Ефросином,— «Писание Софония старца рязанца», прославляющее победу объединенных русских войск на поле Куликовом. Уже в заголовке редактор-переписчик добавляет, что это — «Задонщина». И такое точное определение событий «за Доном» 1380 года, введенное в литературу Ефросином, навсегда осталось в истории культуры как название произведения старца Софония.

Переписана «Задонщина» к столетию Куликовской битвы; юбилейную дату этого события Ефросин отметил на полях: «В лето 6888 сентября 8 в среду был бой за Доном. В лето 6988 сентября 8 ино тому лет 100».

С первых строк «Задонщины» не трудно понять, что Софоний взял себе за образец великую поэму — «Слово о полку Игореве». Это свидетельствует о популярности лучших образцов культуры Киевской Руси в период страшного опустошения Русских земель Золотой Ордой. И «Слово», и «Задонщину» роднит общая идея. Но если в «Слове» призыв автора к объединению князей остается без ответа, то в «Задонщине» подчеркнуто, что победа достигнута благодаря объединению русских князей. В «Задонщине» даже говорится о стремлении новгородцев участвовать в битве: «Звонят колокола вечевые в Великом Новгороде, стоят мужи новгородские у святой Софии...» — писал Ефросин, которому было дорого создание общерусского единства и непрерывность развития русского государства от времен Владимира киевского до Дмитрия московского.

Как и «Слово о полку Игореве», «Задонщина» проникнута любовью к родине. В поэме Софония читаем: «Для нас земля Русская подобна милому младенцу у матери своей».

Автор «Задонщины» не ставил своей целью последовательно изложить события, связанные с Мамаевым побоищем. Сам он характеризует произведение как «жалость и похвалу». Это жалость, плач по погибшим, и похвала, слава мужеству и воинской доблести русских.

Довольно точно установлено, что «Задонщина» писалась по свежим следам событий; она отвечала настроениям читателей, ее много переписывали. Это говорит о том огромном национально-историческом значении, какое придавали современники победе «за Доном». Нет сомнения, что поэму читали и сам Дмитрий Донской, и Сергий Радонежский, и Андрей Рублев, читали в княжеском дворе и в монастырях. Сергий Радонежский был активным сторонником объединения русских земель вокруг Москвы, идейным вдохновителем победы над ордынцами. Кирилл — один из учеников Сергия — несомненно поддерживал своего учителя и разделял его взгляды. И как знать, может быть, одной из первых книг в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря было «Писание Софония старца рязанца». Трудно сказать, с какого текста переписывал Ефросин свой экземпляр (высказывается даже мнение, что он вообще не имел под руками оригинала, а записал «Задонщину» по памяти), но известно, что список не имел окончания. Поэтому к тексту поэмы переписчик добавил некоторые летописные записи событий, последовавших за Куликовской битвой. Для этого он воспользовался кратким летописцем Кирилло-Белозерского монастыря. (Любопытно, что этот летописец несколько раньше также переписал Ефросин!) Вписал он и часть текста из поэмы «Слово о погибели Русской земли». Значит, и это замечательное произведение, в котором не только оплакивалась гибель Руси, но и прославлялись ее красота, былая слава и величие, имелось в библиотеке монастыря, во всяком случае, оно было хорошо известно старцу Ефросину.

Круг его интересов чрезвычайно широк. На полях пе-

реписанных им рукописей встречаются, как мы знаем, заметки астрономического, географического, исторического характера. В одном месте он говорит о затмении Солнца, в другом — разъясняет метеорологические термины. Он любит хронологические таблицы, пишет, например, что «Иерусалим старей Рима лет 500 без 30 лет, а Рим старей Византии лет 30», с удовольствием делает выборку необычных мер и денежных единиц. Привлекают его иностранные слова, он приводит название месяцев по «римьски, египетски, еврейски, еллиньски» и прибавляет, что «язык человеческых 72», при случае поясняет, что «бомбак» — бумага «по-грецки», и т. д.

Сборники Ефросина заполнены в основном светскими произведениями. Одно из них — «Сказание о Дракуле-воеводе» — имеет пометку: «В год 6994 (т. е. в 1486 году. — *А.Г.*) февраля в 13 день списал я это впервые, а в году 6998 (в 1490 году.— *А.Г.*) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин». Считают, что автором «Сказания» был русский посол в Венгрии и Молдавии еретик Федор Курицын. В основу произведения он положил цепь эпизодов-анекдотов о воеводе Мунтьянской земли— Владе, прозванном Дракулой, т. е. драконом. Автор рассказывал о многочисленных жестокостях Дракулы, сравнивал его с дьяволом. Но одновременно сообщал и о справедливом характере своего героя, беспощадно каравшего всякое преступление, кто бы его ни совершал. Этим «Сказание» отличается от немецкого варианта произведения, где описывались только жестокости «великого изверга».

Стоит отметить, что это — древнейший известный нам памятник художественной прозы, известный на Руси.

Надо думать, что Ефросин не без удовольствия переписывал остроумные анекдоты о Владе.

Переписал Ефросин и «Сказание о Соломоне и Китоврасе», принадлежащее к числу апокрифических сочинений. Здесь уже наш книжник проявил явное вольнодумство. Ведь еще в XIV веке «О Соломоне

царе басни и кощюны и о Китоврасе» включались в списки запрещенных книг. Эти «басни и кощюны» относились к народной «смеховой» литературе, не разделявшей своих героев на положительных или отрицательных... В двух словах о содержании «Сказания». Мудрому царю Соломону служит Китоврас — полузверь, получеловек — кентавр. Этот «дивий зверь», проницательный и остроумный, дает царю всевозможные полезные наставления, но он же, чтобы показать свою силу, забрасывает Соломона на край земли обетованной. Мудрецам и книжникам приходится долго его разыскивать (по другим рукописям этот вариант сказания неизвестен).

Важнейшим источником «коллекционирования» апокрифов была для Ефросина «Толковая палея». Прежде всего, он переписал, причем весьма своеобразно, этот памятник, исключив из него богословско-теологические выводы, но сохранив космографические и «физиологические» статьи. Более того, переписчик внес дополнения, заимствованные из других книг. В частности, он добавил сведения о грифе, пеликане, дятле и драгоценных камнях. Ряд фактов Ефросин взял из «Шестоднева» (в переработке Иоанна, экзарха Болгарского) — сочинения поэтического, проникнутого восхищением красотой мира и его гармонией.

Понимал ли Ефросин, что подобного рода произведения не одобряются церковным, монастырским начальством, или же переписчик «не ведал, что творил»? Нет, понимал, о чем есть прямое свидетельство Ефросина: «Сего во зборе не чти, ни многим являй» (т. е.— текст не читать вслух всем монахам и не распространять среди братии).

Из книжной мастерской монастыря вышло переписанное этим же старцем и «Сказание об Индийском царстве».

Сказания (о Дракуле-воеводе, о Китоврасе, об Индийском царстве) вошли в один сборник, датируется он 1490—1491 годами. В нем 502 листа небольшого

формата, почти половину занимает роман об Александре Македонском, так называемая сербская редакция «Александрии». В древнерусской рукописи он имеет название: «Сказание известное о жизни Александра, царя македонского и самодержца великого, храбрым витязям поучение». Это типичный средневековый роман.

Текст, переписанный Ефросином,— древнейший из сохранившихся. Вторая часть, приключенческая, разбита Ефросином подзаголовками, которые характеризуют содержание произведения: «Сказание о скотах диких, и о зверях человекообразных, и о диких женщинах, и о муравьях, и о людях, которые ростом всего в локоть и называются птицами», «Сказание об озере, в котором рыбы ожили, о людях — до пояса конь, а выше — человек...», «Сказание об Индийском царстве и о том, как Александр львов и слонов обманом устрашил и так победил великого царя Пора». Роман этот пользовался в Древней Руси огромной популярностью. Вместе с Александром читатель переживал его приключения, беспокоился за исход его отчаянных предприятий, радовался успехам героя и вместе с ним задумывался над бренностью и непрочностью этих успехов. Заканчивается роман припиской самого Ефросина с хронологическими расчетами, характерными для этого книгописца.

Вот этот сравнительно небольшой текст: «Александр Македонский умер в Вавилоне, царствовал двенадцать лет, а всех лет его царства тридцать пять, воевать же начал с двенадцати лет. Жил же тридцать два года. Покорил двадцать два варварских народа и четырнадцать эллинских племен, создал одиннадцать городов... От Адама до смерти его прошло лет 5167, а до рождения Христа он был за 300 лет и 33 года... От Александра до Диоклетиана прошло 600 лет, от Александра до Ликиния царя, зятя Константина Великого, прошло 707 лет. Птолемей, любимец Александров, называемый

братолюбивым, был после Александра царем в Египте и Александрии, царствовал же 38 лет. Этот Птолемей собрал священные книги отовсюду и от Иерусалима, и истолковал их, и положил в столице Сераписа в Египте... Писано в Маргарите в первом слове...»

Эти даты правления и жизни Александра Македонского Ефросин взял из разнообразных источников, которые у него были под рукой, а некоторые даже переписал. Правда, эти даты противоречат основному тексту, а Птолемей Братолюбивый (Филадельф) спутан здесь с его отцом Птолемеем Сотером.

О собирании книг Птолемеем Ефросин, как он сам сообщает, узнал из «Маргарита» — сборника сочинений крупнейшего византийского церковного писателя Иоанна Златоуста.

Александр был любимым героем Ефросина, кроме романа он включил в свои сборники множество других материалов об этом легендарном полководце. На одном из текстов он оставил заметку о нагомудрецах-рахманах, которые также привлекали внимание Ефросина. Он, в частности, сделал выписку о рахманах из произведения Амартола. Черты рахманов, перечисленные Амартолом, Ефросин дополнил указанием на то, что у этих людей нет ни царей, ни вельмож, ни храмов, ни риз, нет купли, продажи, кражи и разбоя. В рассказе о царе Соломоне Китоврас на вопрос: «Что есть прекраснее всего на свете?»— отвечает, что «всего есть лучше своя воля». И на основании этого сопоставления советский ученый Я. С. Лурье делает такой любопытный вывод: «Как мы видим, в России конца XV в. существовали люди, которые больше всего мечтали о «своей воле»... (к ним, может быть, принадлежал и Ефросин, переписавший, если не создавший, эти рискованные сочинения). Идеалом для таких людей оказывались нагомудрецы-рахманы из сербской Александрии».

«Александрия» — единственное произведение, из пе-

реписанных Ефросином, которое имеет иллюстрации. Их две, обе создал художник Ефрем, что засвидетельствовал «заказчик» — Ефросин. На одном рисунке изображен Александр Македонский, на другом — кентавр. Под ним вензель («экслибрис») Ефросина. На титуле «Александрии», изданной в серии «Литературные памятники», воспроизведен этот вензель — ведь в основу издания романа положен список Ефросина.

Роспись содержания книги «Сборник Ефросиновский большой»

Нам осталось рассказать немногое — о том, что при Ефросине, уже в конце XV века, в монастыре составляется описание рукописей библиотеки. Оно считается прекрасным библиографическим документом. Видимо, знакомство с деятельностью книжников глубокой древности — Соломоном, Исидором, Дмитрием Фалерским не прошло для Ефросина и книгописной палаты (скриптория) даром. Еще в Александрийской библиотеке были удачные попытки составления каталогов. Поэт и ученый Каллимах, оставивший после себя свыше 800 произведений по истории, грамматике, поэтике, создавший новое, так называемое александрийское направление в поэзии, прославился прежде всего тем, что составил «Каталог писателей, просиявших во всех областях образованности, и трудов, которые они сочинили». Каталог состоял из 120 отдельных томов. Каллимах рассказывал и о книге, и о ее авторе; если автор был неизвестен, он пытался установить его. Правда, этот основательный труд не сохранился, но во многих работах есть ссылки на него. Вполне возможно, что Ефросин где-то слышал или прочитал о каталоге. Во всяком случае, первый на Руси подобный опыт принадлежит книжникам Кирилло-Белозерского монастыря. Здесь необходимо сказать, что нам ничего не известно об авторе описания рукописей. Но невозможно даже на миг вообразить себе, чтобы Ефросин, который был далеко не рядовым переписчиком рукописей, ничего о нем не знал, стоял в стороне от такого важного начинания. Вполне вероятно другое предположение: Ефросин был и вдохновителем, и организатором этого уникального описания.

Сам Ефросин хорошо знал книголюбов Древнего мира. Так, царя Соломона — книгописца и собирателя — он сравнивал с «Исидором-книголюбцем» и с «Оригеном-еретиком». Исидор — это, по-видимому, архиепископ севильский, представитель позднеантичной культуры, ко-

торый был настоящим книговедом. Ориген — александрийский богослов и философ, стремившийся соединить христианское учение с античным идеализмом.

Оставил Ефросин на полях одной из рукописей и такую запись: «Некто Дмитрей книгохранитель, яко суть книг собрано пол шесты тмы (5500) и еще посла в Иерусалим о книгах». Трудно сказать, кого имел в виду в данном случае Ефросин. Предполагают, что это — Дмитрий Фалерский, хранитель Александрийской библиотеки. Именно ему поручал Птолемей II наладить перевод древнееврейского пятикнижия на греческий язык. Александрийцы тогда же обратились в Иерусалим с просьбой прислать оригиналы и переводчиков.

...Легко представить себе, как книгохранитель бережно брал в руки каждую рукопись и тщательно просматривал ее. Что она собой представляет? Как называется? Кем написана или кому принадлежит? На чем написана — на бумаге или пергаменте? Каков формат? И только после этого неторопливо заносил самые важные сведения. Строка за строкой идут перечисления: Устав, Евангелие, Минея, Пролог, Апостол, Патерик, Хожение, Толковая палея, Шестоднев. А вот и особые приметы: Новый Богослов — «горелый»; Псалтырь — «ветха, на хартии»; псалмы — «ветхи, на бумаге».

И так — книга за книгой. В результате появилось «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря». Но оно было забыто, о нем никто ничего не знал до тех пор, пока его не открыл — в 1880 году — профессор М. Н. Тихомиров. «Описание» входило в состав сборника самого невзрачного вида: переплет деревянный, доски от времени разбились, кожаный корешок пришел в негодность, 264 листа небольшого формата (10×16 см) перепутаны, несколько листов вырезано.

Более трети сборника занимает «Описание». Оно

состоит из двух разделов (и в первом, и во втором — последние листы утрачены). В первом отражено 212 книг библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, по своему характеру он напоминает обычный инвентарный список. Подобные списки-описи не были редкостью в монастырских книгохранилищах. В описи дано название книги, указан ее формат, материал, иногда — имя владельца. Сообщались и «особые приметы».

Исключительный интерес представляет второй раздел, и он сразу привлек внимание исследователей — в нем дано аналитическое описание 957 статей из 24 сборников. Составитель перечисляет все входящие в каждый сборник статьи и все главы каждой статьи. При этом отмечаются: название статьи и ее начальные слова, затем начальные слова всех глав, число листов каждой главы. Для удобства пользования «Описанием» применяются довольно удачные приемы оформления. Заглавие и первые слова статей начинаются с новых строк, заголовок и буквица выделены киноварью. Нумерация глав (киноварью) и число листов (чернилами) даны на полях. Этим достигается исключительная наглядность и обозримость описания.

Вскоре после открытия труд был издан академиком Н. К. Никольским, который писал о мастерстве составителя так: «Употребленные здесь приемы в своей совокупности и доселе удерживаются при научном описании старинных рукописей и показывают, что мы имеем дело не с обычным каталогизатором монастырских библиотек, а с выполнителем выдающегося для своего времени библиографического труда». Этот прекрасный библиографический памятник, по всей вероятности, тесно связан с деятельностью старца Ефросина.

Удивительное дело! Менее ста лет назад о Ефросине, его неутомимой деятельности ученые ничего не знали. В этом смысле у его сборников была более счастливая судьба. Впервые имя Ефросина упомянул Н. В. Руз-

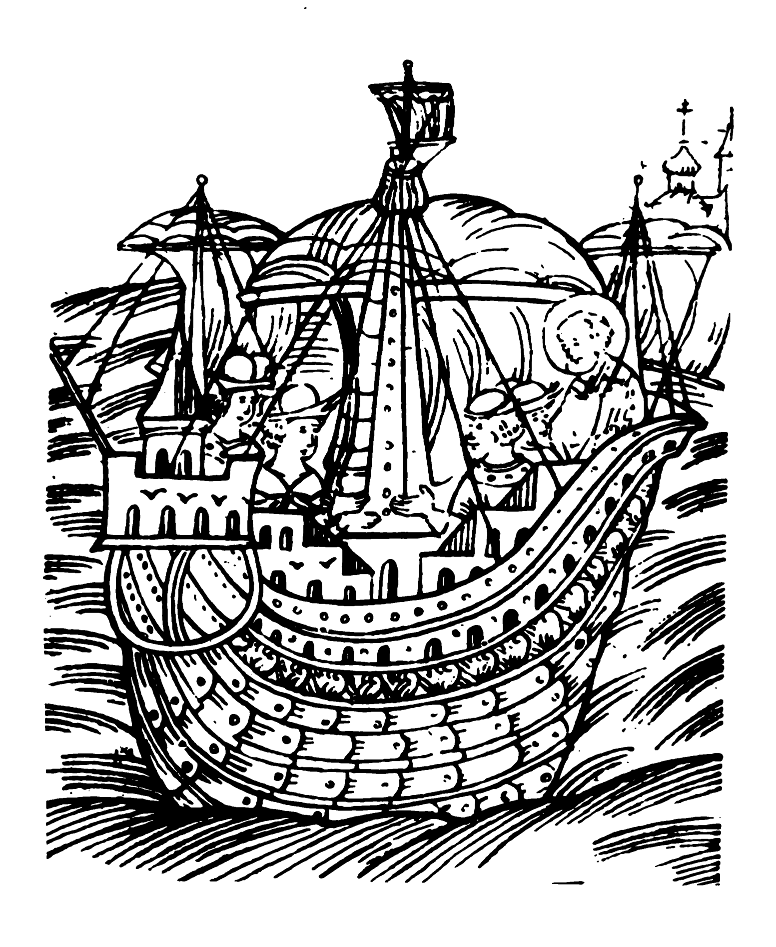
ский в работе за 1891 год. Он установил, что один из сборников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря «открывает руку писавшего, именно Ефросина». Через несколько лет Н. К. Никольский отметил три «соборника» и «потребник» Ефросина. Но ни тот, ни другой не пытались хоть как-то охарактеризовать этого книгописца. В 1922 году П. К. Симони в своем исследовании «Задонщины», переписанной Ефросином, указал: «Кто был означенный Ефросин писец — и владелец рукописи — трудно установить». Проходит еще несколько лет, и вот своего рода проблеск. А. Д. Седельников в 1929 году называет Ефросина «замечательным в своем роде переписчиком».

И уже в наше время было сделано обстоятельное описание сборников Ефросина и начато глубокое их изучение; «его дела и дни» изучали Р. П. Дмитриева, Я. С. Лурье, Н. Н. Розов. Они пришли к выводу, что его сборники чрезвычайно богаты по своему содержанию и включают десятки памятников первостепенного значения. Ефросин был составителем, редактором, комментатором и переписчиком этих весьма своеобразных по составу сборников. Установлено, что писал не быстро, один сборник — в шесть лет, другой — в течение десяти! Есть и его подписи, своего рода автографы: «переписах аз грешны Ефросин», рукой «грешного попа Ефросина». Определено, что этот книгописец подвизался в нескольких монастырях — Кирилло-Белозерском, Ферапонтовом, Троице-Сергиевом. И был он не рядовым иноком, а имел сан иеромонаха. «Как книгописец Ефросин выступал не в качестве рядового переписчика,— делает вывод Я. С. Лурье,— а в роли организатора литературных предприятий», и главная его работа была «не церковная, а литературная деятельность, получившая вполне определенное значение».

Так ученым разных специальностей удалось уберечь Ефросина от забвения, определить его место в истории книжного дела.

Глава седьмая

Посол земли русской в Индии

Наши предки издавна любили путешествия. В дальние страны отправлялись купцы, дипломаты, землепроходцы, монахи. Сло́ва «путешественник» тогда еще не было. Странствующих по иным землям называли паломниками (они привозили с собой из «святых мест» ветку пальмы), каликами перехожими (по обуви — «калиги»), торговыми гостями, просто странниками. А рассказы о путешествиях называли хожениями.

Уже в ранних литературных памятниках есть сведения о том, что в Древней Руси знали дорогу и водную, и сухопутную в Царьград, что путешествовали в Сирию, Палестину, на Афон, Кавказ, Каспийское море и Урал. Так, Антоний — будущий основатель Киево-Печерского монастыря — в молодые годы посетил Царьград, побывал на Афоне; сын знаменитого Яна Вышаты, Варлаам, побывал в Царьграде и Иерусалиме; врач и ритор князя Владимира Святославича Иоанн Полоцкий ездил по разным странам для ознакомления с различными религиями; известно также, что русские торговые люди «купли ради» отправлялись на Запад и Восток, повсюду ездили от князей русские послы.

Нашли отражение рассказы о путешествиях в чужие края и в эпической народной поэзии. В былине «Сорок калик с каликою» рассказывается, как паломники собираются в путь, выбирают предводителя, как преодолевают препятствия. Передается и внешний вид паломников. Вот как описаны сорок калик:

Лапотики на ножках у них были шелковые,
Подсумочки шиты черна бархата,

В руках были клюки кости рыбьея,
На головушках были шляпки земли греческой.

А вот как обряжается паломником Илья Муромец перед битвой с Идолищем:

Обул Илья лапотики шелковые,
Подсумок одел он черна бархата,
На головушку надел шляпку земли греческой,
И пошел он ко Идолищу поганому.

Тема паломничества затронута в былинах о Василии Буслаеве. Этот герой, по словам М. Горького, «не выдумка, а одно из величайших и, может быть, самое значительное художественное обобщение в нашем фольклоре». Он совершает путешествие со своей дружиной «по святым местам», но и там остается верен себе и, например, вопреки запрету купается в Иордан-реке. Новгородский богатырь-вольнолюбец — нарушитель священных обычаев, он «не верует ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай».

В самом начале XII века складывается, формируется литературный жанр — хожение, появляются произведения, составленные на основе личных впечатлений. Естественно, что человек, повидавший мир, жаждал рассказать обо всем, что увидел, услышал, узнал.

Основателем жанра хожений по праву считается писатель Древней Руси игумен Даниил, живший во времена Владимира Мономаха и, возможно, встречавшийся с ним. Написанное Даниилом «Хожение» многогранно по своему содержанию, изумительно по точности и яркости очерковых зарисовок, отличается простотой и емкостью описаний. Именно по своим художественным достоинствам «Хожение игумена Даниила» и вошло в число великих творений древнерусской литературы.

Оно пользовалось огромной популярностью вплоть до XVIII века. Велико было и литературное влияние

«Хожения», которое очень образно охарактеризовал И. Сахаров: «Даниил то же был для паломников, что Нестор для летописцев». Его труд послужил образцом для записок многих последующих наших путешественников, в частности Добрыни Ядрейковича, написавшего «Хожение в Царьград», Стефана Новгородца, автора «Странника», для знаменитого Афанасия Никитина, о котором и пойдет речь в этой главе.

Странник. Рисунок на полях рукописи первой половины XII в.

...В книге «Хожение за три моря» тверской купец Афанасий Никитин рассказал о своем путешествии, которое совершил в 1468—1475 годах, незадолго до присоединения Твери к Московскому государству. Известно, что Афанасий Никитин скончался в дороге, на пути к Смоленску. Современники оценили значение его записок. Спутники тверского купца доставили их в Москву, где они были включены как очень важный документ в летопись!

Но постепенно о записках русского первопроходца в Индию забыли, они затерялись в летописях, выпали из круга чтения.

К счастью, не навсегда.

Создатель «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин часто пользовался сокровищами монастырских книгохранилищ, где ему иногда удавалось обнаружить уникальные документы, неизвестные летописи, редкие рукописи светского содержания.

В этот раз он отправился в Троице-Сергиев монастырь, чтобы там, в тихой келье, «пыль веков от хартий отряхнув», прочитать старинные сказания, использовать наиболее значительные из них в своем труде. В некогда богатой книгохранительной палате лавры неутомимый историк просматривает старинные фолианты: рукописные и печатные, на бумаге и на «телятине», облаченные в бархат, украшенные драгоценными камнями и обтянутые простой кожей.

К этому времени значение монастырских библиотек резко упало, да и в самих монастырях отношение к старинным книгам изменилось. Так, в описи, составленной в начале XVIII века, все рукописи указывались суммарно: «16 книг письменных разных, ветхих», «135 книг письменных разных, ветхих». В этой описи уже не были отмечены такие произведения, как «Осадное деяние Троицкого монастыря» Авраама Палицына. Очевидно, рукопись наряду с другими попала в число «ветхих»...

Вот Карамзин берет объемистый сборник — в нем без малого четыреста страниц текста. Открывается книга Ермолинской летописью, той самой, которую составляли для архитектора и книжника В. Д. Ермолина, жившего в XV веке. Затем идут отдельные записи, список русских князей, сочинения Епифания, Иоанна Златоуста, патриарха Геннадия, «Пчела». И, наконец, последняя, четвертая часть содержит «Хожение за три моря» Афанасия Никитина (листы 369—392). С этого списка для Карамзина сняли копию, которая находится в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

С волнением, наверное, читал историк страницы с описанием давнего и далекого путешествия. Карамзин сразу понял, какой драгоценный памятник русской культуры представляют собой сжатые и выразительные страницы «Хожения за три моря». И пораженный открытием, писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Оно доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что индийцы слышали о России прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин Афанасий Никитин уже путешествовал по берегу Малабара».

В шестом томе «Истории государства Российского» Карамзин сделал первую публикацию памятника, прокомментировал его. С тех пор вплоть до нашего времени исследователи вновь и вновь обращаются к «Хожению за три моря». Об этом замечательном труде написаны сотни научных статей, десятки книг, а о самом путешественнике созданы повести, романы, фильмы. Переведена на современный язык и прокомментирована

каждая страница, каждая строка повествования Никитина. Но эти страницы, эти строки надо было еще «собрать», т. е. выяснить, что именно написал сам автор, а что внесли в его текст редакторы (а их было немало), словом, речь идет о восстановлении первоначального текста. Дело в том, что оригинал не сохранился, а дошедшие до нас списки, в том числе и найденный Н. М. Карамзиным, отличаются друг от друга.

Впоследствии было установлено, что Троицкий список, обнаруженный Карамзиным, с летописью связан лишь косвенно. Важно помнить, что эта редакция памятника восходит не к летописи, а непосредственно к самим «тетрадям» Афанасия Никитина. Состав сборника дает возможность предположить, что «Хожение за три моря» могло храниться в библиотеке Василия Дмитриевича Ермолина.

Хорошо известна его созидательная деятельность. Это он перестраивал стены и Фроловские ворота Московского Кремля. В Третьяковской галерее хранится изваяние «Георгий Победоносец» работы Ермолина. Но был он и большим любителем и знатоком книг. Приведем один любопытный пример. Во время приезда в Москву секретарь польского короля Якуб познакомился с великим книжником Ермолиным. Вернувшись в Польшу, Якуб прислал ему письмо; хотя оно и не сохранилось, судить о его содержании можно по ответу Ермолина, который известен как «Послание от друга к другу». Якуб просил купить для него в столице «Пролог полный на весь год в одном переплете, да Осмигласник по новому, да Два творца в одном переплете, а к ним жития 12 христовых апостолов в одном переплете». Ермолин сообщил, что эти книги имеются в продаже в большом количестве («купить можно много»), но переплетены они не так. Поэтому пусть Якуб вышлет бумагу, денег и подождет. Ермолин обещает заказать для него эти

книги: «А я многим доброписцам велю такие делать по твоему приказу с хороших списков, как хочет твоя воля».

Этот пример приводим и для того, чтобы хоть в какой-то мере дать представление об уровне книжной культуры, когда Афанасий отправлялся в свое путешествие.

Благодаря упорному труду исследователей разных специальностей — историков, археологов, географов, филологов и даже... астрономов — мы знаем об авторе и о его книге гораздо больше, чем ее читатели XV, XVI, XVII веков. А среди этих читателей: спутники Афанасия Никитина в его последнем переходе от Кафы до Смоленска, дьяк Василий Мамырев, летописец Родион Кожух, архитектор и скульптор В. Д. Ермолин, известный писатель и путешественник Арсений Суханов...

Все сведения о самом путешественнике почерпнуты из его книги и коротенького летописного введения к ней. Приведем текст летописца, а им был современник Афанасия Никитина — дьяк митрополита Родион Кожух. Под 1475 годом он записал: «В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папиным. Я же расспрашивал, когда Василий Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те «тетради» с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя». Как видим, летописец выступает здесь как историк. Он выяснил, что посольство, к которому присоединился путешественник, состоялось за год до похода на Казань князя Юрия; узнал о примерном месте смерти Никитина,

однако не смог установить его возраст и когда именно ходил он в Индию. Не назвал летописец и тех людей, которые доставили «тетради» Никитина.

Сейчас, в результате глубокого изучения различных документов, советскому исследователю Л. С. Семенову удалось установить «имена тех гостей великого князя, с которыми Никитин, надо полагать, совершил последнее свое путешествие из Крыма и которые, по-видимому,

Начальный лист «Хожения за три моря» Афанасия Никитина

вручили в Москве дьяку Ивана III Василию Мамыреву заветные индийские тетради. Это — Григорий, или Гридя Жук, как называет его грамота Ивана III, и Степан Васильев сын Дмитриев. Имя последнего более четверти века не сходит со страниц московской дипломатической переписки». После этого становится ясно, почему записки тверского купца попали в летопись...

Из «Хожения за три моря» и введения к нему, написанного летописцем, следует, что Афанасий Никитин «купец тверской». Тверь издавна славилась как центр ремесла и большой торговли, как крупный культурный центр. Песни и былины запечатлели образ «Твери той старой, Твери той богатой». Сам Никитин, сравнивая с Тверью прославленный индийский религиозный центр Парват, писал, что этот город величиной лишь с пол-Твери. Тверичи строили корабли, отливали пушки; город славился собственным летописанием, предприимчивым купечеством. Сюда приезжали восточные купцы, богатые новгородские гости, москвичи. Сюда прибывали товары из Польши и Литвы; рынок был полон восточными тканями, индийскими пряностями, драгоценными камнями из Ормуза; сами тверские купцы ездили за товарами в Крым и Астрахань, в Константинополь и на Кавказ, в Персию и Среднюю Азию... Афанасию Никитину было у кого узнать о далеких странах, было у кого поучиться книжной премудрости. В торговом кругу, к которому принадлежал Никитин, сыновей учили грамоте и счету лет с восьми-девяти, родители старались найти «доброго мастера для научения дитяти». Годам к тринадцати-четырнадцати купеческий сын кончал «книжное научение» и начинал науку дела.

В главе о Ярославе Мудром мы уже говорили, что в Киеве была с большим мастерством переведена «Хроника» Георгия Амартола. Позже тверские книжники переписали и богато проиллюстрировали эту «Хронику», добавим, что здесь инок Фома написал «Слово похвальное.

тверскому князю Борису Александровичу» — панегирик князю и Тверскому княжеству. Автор «Слова» проявил себя книжником широкого кругозора, который был хорошо знаком с такими произведениями, как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, «Житие Александра Невского», «Повесть о Мамаевом побоище», «Сказание о Борисе и Глебе», «Повесть временных лет», «Слово» Кирилла Туровского и ряд других памятников.

Автор сравнивает своего героя с римским императором Августом, с книголюбом Птолемеем, с византийским императором Юстинианом и другими выдающимися историческими личностями. Академик Шахматов считал, что Фома был придворным княжеским летописцем, составителем новой редации «Тверского летописного свода».

Во второй половине XV века на Руси шел процесс ликвидации удельной раздробленности, образования Русского централизованного государства; одновременно шла борьба за окончательное освобождение от ордынского ига, за национальную независимость. Это дало мощный импульс подъема культуры, который В. И. Ленин характеризовал как «национальное пробуждение».

В это время Русь выходила на международную арену. Развивая отношения с Западной Европой, Русское государство налаживало дипломатические, торговые связи и со странами Востока.

Вспомним также, что конец XV — начало XVI века — время великих географических открытий, время Христофора Колумба и Васко да Гамы. Интерес к открытию еще неведомых земель был характерен и для Руси...

Несомненно, что Афанасий Никитин был человеком высокой культуры и широкого по тому времени образования. Он любил читать и захватил несколько книг в путешествие.

До нас дошел от XVI века рисунок, сделанный неизвестным художником, на котором изображен русский купец. Это человек лет сорока. Ловкая, складная фигура,

лицо с длинной бородой; чувствуется в нем ум и большая энергия. Купец грамотен, в руках у него свиток. Одет он в длинный распахнутый кафтан, под кафтаном рубаха, на ногах мягкие сапоги, на голове отороченная мехом шапка.

Русские купцы к тому времени хорошо освоили опасный водный путь по Волге. Отправляясь в Шемаху и в Персию за шелком, жемчугом, перцем, шафраном, на продажу туда везли меха, воск, мед, полотно. Бывали русские купцы-путешественники и в других местах — в Самарканде, в Царьграде, в Бруссе и Токате, в Крыму (здесь, в Ка́фе, было даже особое подворье, где останавливались русские купцы).

Заручившись двумя верительными грамотами — своего государя, великого князя Михаила Тверского, и тверского архиепископа,— Афанасий Никитин хотел достичь Ширвана, государства, занимавшего в XV веке часть современного Азербайджана. Для безопасности он предполагал плыть вместе с послом московского великого князя Василием Папиным, который отправлялся в Шемаху с дипломатической миссией. Однако осуществить это не удалось: в Нижнем Новгороде выяснилось, что Папин «тогда уже проехал».

Торговая экспедиция оказалась неудачной, под Астраханью караван был ограблен. Часть людей разбойники захватили в плен, остальных отпустили «голыми головами», но только в сторону моря,— чтобы они не могли поведать о случившемся великому князю московскому. До нитки был обобран и Афанасий Никитин, у которого вместе с поклажей пропали и его любимые книги. Мы, конечно, никогда не узнаем, какие именно книги возил он с собой, о них можно делать только предположения. По мнению К. Кунина, автора исторической повести «За три моря», «по церковнославянским книгам он следил, когда надо соблюдать посты и праздники, и вел счет дням. Любил он читать и «Сказание

об Индийском царстве» и «Сны царя Шахаиши». Афанасий сам переписал эти повести из старого, залоснившегося и полуистлевшего сборника, который принадлежал игумену тверского Заиконоспасского монастыря. Никитин любил эти старые повести. В «Сказании об Индийском царстве» его прельщали пестрые и волшебные рассказы о неведомой индийской земле, а в «Снах царя Шахаиши» — разгадки мудреца, превращавшего непонятные сны в прорицания».

На протяжении своего длительного путешествия Афанасий часто сокрушался, что нет при нем любимых произведений: «Со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги».

На этом злоключения путников не кончились — они едва не погибли в бурю. Пострадавшие и ограбленные люди обратились со своей бедой к ширваншаху и послу Василию Папину, который несколько раньше благополучно прибыл в Дербент, но никакой помощи от них не получили. И тогда они, заплакав, разошлись кто куда: «У кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят». О себе Никитин далее пишет: «И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь мне идти было не с чем, не осталось у меня никакого товара».

По побережью Каспия он добрался до Баку, «где огонь горит неугасимый», отметив наиболее поразившее его явление — горящие над землей нефтяные факелы. Пламя было видно далеко до подхода к городу. На корабле Афанасий Никитин достиг южного берега Каспийского моря, затем пересек всю Персию с севера на юг — на это ему потребовалось более двух лет (а не меньше года, как считали до недавнего времени). О Персии он написал мало, просто перечислял пройденные города и указывал расстояния в днях пути. Видимо, Афанасий Никитин был уверен, что русские люди, которые

будут читать его записки, хорошо осведомлены об этом крае. Так оно и было на самом деле.

Наконец, путешественник достиг Ормуза, где прожил месяц. В то время это был крупнейший город мира на пересечении торговых путей — отсюда шли караванные пути в Персию и Ширван и далее на Русь, в Среднюю Азию, к берегам Черного моря. Здесь собирались купцы из Закавказья, Средней и Малой Азии, Золотой Орды, Египта, Индии, а порой даже из Китая. «Ормуз — пристань большая, со всего света люди тут бывают,— читаем в книге «Хожение за три моря»,— всякий товар тут есть; что в целом свете родится, то в Ормузе все есть».

Здесь — выход в океан, здесь — ворота в легендарную, экзотическую Индию. Отсюда на корабле Афанасий Никитин направился к берегам Индостана. Плавание по Аравийскому морю прошло вполне благополучно, так как удалось избежать грозной опасности, которая постоянно подстерегала купеческие корабли. «А на море разбойников много»,— отметил Афанасий Никитин.

После шестинедельного плавания Афанасий Никитин высадился в порту Чаул на Малабарском берегу, немного южнее современного Бомбея. И записал не без удовольствия: «И тут есть Индийская страна...» — та самая, к которой он так стремился.

Не задерживаясь на побережье, он отправляется в глубь неведомой русским людям земли. Так началось его путешествие по стране, окутанной туманом легенд. Передвигался медленно — то у него отняли, особенно ценного в этих краях, коня и потребовали перейти в мусульманство, то разразились тропические ливни: «Каждый день и ночь — целых четыре месяца — всюду вода да грязь».

Но такое неспешное передвижение, долгие задержки в городах позволили ему наблюдать жизнь местного населения. Большинство страниц «Хожения» и посвящено описанию Индии, которое внесло в русскую куль-

туру реальное представление об этой загадочной стране. До того времени русские черпали сведения об Индии из различных книг. Скажем, в Германии в то время был составлен сборник разных научных и исторических сведений, своего рода энциклопедия — «Луцидариус», т. е. «Просветитель». Он отражал уровень знаний того времени, был очень распространен в Европе и переведен на русский язык. Наряду с точными, ценными сведениями в нем содержалось и немало далеких от истины. Об Индии в «Просветителе» говорилось, что расположена она на краю света, что там есть река Ганг, вытекающая из «горы Кавказской», и есть гора «Каспинус, по ней зовется море Испанское...».

Говорилось об Индии в знаменитой «Александрии», где описан поход Александра Македонского на Восток, в «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, в «Сказании об Индийском царстве». Все они насыщены непостижимой фантастикой и преувеличениями. Индия изображалась как страна чудес, населенная чудовищными животными и необыкновенного вида людьми. Наш путешественник не мог не знать об этих книгах, слышал немало и устных рассказов о том, что всюду в Индии — драгоценные камни, золото, пышные царские палаты... Что это — такое место, где «нет ни татя, ни разбойника, ни завидливого человека».

Как же много увидел, разглядел, узнал и понял Афанасий Никитин во время своих странствий по Индостану, и как это всѐ разительно отличалось от легендарных представлений! Он сжато, ярко повествует о природе и климате чужой страны, о городах, о торговле, караванных и морских маршрутах, о населении, о его богатстве и нищете, о сельском хозяйстве, одежде, пище, об армии и ее вооружении, о придворных нравах, о бытовых и религиозных обычаях, об искусстве и ремесле, о феодальных войнах и социальном угнетении... Есть и сведения, основанные на народных поверьях.

Почти энциклопедический охват! Не следует забывать, что обо всем этом русскому читателю сообщалось впервые! И не только русскому, ведь ничего достоверного не знали в то время об Индии и в Западной Европе.

Любознательный путешественник посещал шумные ярмарки, заглядывал в бамбуковые хижины ремесленников и крестьян. Простые люди охотно принимали этого общительного человека, с уважением относившегося к людям и обычаям чужой страны. Они не скрывали от Афанасия Никитина ничего, «ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах». Благодаря такому доверию он получил возможность собрать много ценного об Индии.

Не прошел Никитин мимо роскошных храмов и дворцов, отметил богатство одежды султана и его приближенных, упряжи их лошадей и слонов. С большой точностью описаны обычные и праздничные выезды султана с многочисленной свитой. И дана оценка верхов общества: повсюду «тати, да обман, да яд, государей ядом морят». В городе Джиннаре он был возмущен тем, что носят «бояр» на носилках. С негодованием говорит об этом путешественник: «Ездит хан на людях, а слонов у него много, и коней у него добрых много». И еще одно примечательное в этом отношении место в «Хожении»: «Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты». И не удержался, чтобы снова не подчеркнуть: «Носят бояр на носилках серебрянных, а впереди коней ведут в золотой сбруе». Ни один европейский путешественник XV—XVI веков не писал таких строк о Востоке, строк, проникнутых сочувствием к трудовому народу. И прав был выдающийся индиолог И. П. Минаев, когда заметил, что тверской купец «разгадал настоящее положение дел в старой Индии».

Афанасий Никитин в своих записках перечислил

много городов и стран, куда сам не попал. Он рассказал, как далеко до этих стран, что там родится и как живут люди, какой там климат, бывают ли дожди или «парище лихо». В свои записки он занес в основном достоверные факты о столице южноиндийского могущественного государства Виджаянагар и его главном порте Колекот, о Цейлоне, богатом драгоценными камнями и слонами; о «немалой пристани» западного Индокитая — Пегу, о фарфоровых изделиях Китая («Чина и Мачина»).

Характеризуя географический диапазон «Хожения за три моря», советский исследователь Н. И. Прокофьев пишет: «Афанасий Никитин поведал русскому читателю об огромных пространствах земного шара — от Египта до берегов Тихого океана. Он называет Каир, Дамаск, города Малой и Передней Азии, Красного моря и Персидского залива, Эфиопии, Пакистана и Индии, он сообщает узнанные им сведения о Цейлоне, Бирме, Южном и Северном Китае, о какой-то не ясной для нас восточной стране Шабат, находившейся, по-видимому, в Индокитае». Далее он делает предположение, что эти знания он мог почерпнуть и из книг...

Путешествуя по заморским странам, истомившись в Индии, Афанасий Никитин затосковал по родине — он был совершенно одинок и стремился вернуться домой. Однажды ночью он с грустью взглянул на небо, и звезды показались ему чужими — они расположены здесь не так, как над родной Тверью.

Многое повидал неутомимый путешественник, о многих землях слышал от других купцов, но ни одна из них не могла сравниться в его глазах с Русью. В его «Хожении» есть такие строки: «В Сивасской округе и в Грузинской земле всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна и дешево там все съестное. Да и Подольская земля всем обильна». Но, оказывается, нет земли прекраснее родной отчизны. И здесь он высказал примечательное слово о земле Русской, слово, в котором

выражена его горячая любовь к Родине: «А Русь бог да сохранит! Боже, сохрани ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость!» И характерно, что пишет этот патриот не о Твери, не о Тверском княжестве, а обо всей Руси...

Замыслив возвращение на Родину, Никитин неожиданно узнал, что пути туда нет: всюду мятежи, всюду военные действия. С отчаянием пишет он: «Пути не знаю. И куда я пойду из Индостана? Пути нет никуда».

Из последней, заключительной части книги, мы узнаем, что он нашел путь на Русь. Однако обратное путешествие оказалось очень тяжелым. Корабль, на который сел Афанасий Никитин, сбился с курса, в Ормуз не попал, а только через месяц пристал к африканскому берегу, «к Эфиопской земле». Люди горестно вздохнули: «Нашим головам суждено здесь погибнуть!» Но зла не случилось, эфиопы «судна не пограбили», путешественникам удалось откупиться рисом, перцем и хлебом... Преодолев многие невзгоды, они достигли Персии. Никитин двинулся через горные области Персии, прошел к Тебризу, а затем пересек Армянское нагорье и достиг Черного моря у Трапезунда. Трудно проходило плавание и через это — третье — море «из-за сильного и злого ветра», который не давал по морю идти. Не раз, видимо, вспоминались Никитину слова много испытавшего Даниила Заточника: «Не море топит корабли, но ветры».

Дальше путешественник не вел записей. «Очевидно,— пишет В. П. Адрианова-Перетц,— утомленный трудным морским путешествием и уже больной, Афанасий Никитин не имел силы продолжать свой литературный труд. Только этим можно объяснить то, что он, с такой любовью вспоминавший о родине на чужбине, ни одним словом не выразил радости возвращения на родную

землю. Можно предположить, что, обессилев, он приписал в конце пути лишь следующие строки: «Боже, творец! Прошел я милостью божией три моря...» Приписал он и краткое предисловие, где также назвал свое путешествие «Хожением за три моря».

Но единой точки зрения на творческую историю «Хожения за три моря» нет. Одни ученые считают, что автор вел свои записи во время путешествия, а потом литературно обработал (И. И. Срезневский), другие уточняют, что Афанасий Никитин заносил свои наблюдения во время пути на отдельные листки, которые он свел или сам, или же московские дьяки (Н. В. Водовозов), третьи утверждают, что путевые свои записи путешественник не обрабатывал (Я. С. Лурье).

Н. И. Прокофьев предполагает, что свое «Хожение» Афанасий Никитин писал где-то на территории Руси, не имея перед собой ранее написанного текста. Наличие у путешественника каких-то заметок считает маловероятным. Далее он отмечает, что Никитин не успел закончить литературную отделку своего труда (по состоянию здоровья): из 14 очерков, составляющих «Хожение», литературно обработаны только семь. Смерть оборвала творчество как бы на полуслове — заключительные строки, содержащие молитвенное обращение, напоминают последний вздох умирающего.

Писатель живет в книге, она — его мысли и чувства. Именно в ней ищут черты ее создателя. Именно «Хожение за три моря» и помогает воссоздать образ Афанасия Никитина. Итак, каков же Никитин — посол земли русской в Индию, путешественник и писатель? Ученые уточняют — великий путешественник и выдающийся писатель. Со страниц его книги встает энергичный, волевой, смелый и выносливый человек, знакомый и с воинским делом, и с княжеской администрацией, человек, прокладывающий пути в неведомое.

Афанасий Никитин, по существу, в одиночку, на свой

страх и риск предпринял свой поход, продолжавшийся шесть долгих лет. Без поддержки со стороны государства, без помощи церковных властей, без какого-либо снаряжения...

Неутомимый Афанасий Никитин преодолел все невзгоды, все превратности судьбы. Ничто не могло сломить его волю, никакие испытания не остановили отважного землепроходца. Видимо, физически закален он был не хуже Даниила. Обладал он и большим запасом нравственной силы. Все это запечатлено на страницах знаменитой книги, редком памятнике светской литературы.

Афанасий Никитин — умный и наблюдательный путешественник, умеющий выражать свои мысли кратко, ясно и выразительно. Со страниц его записок звучит не церковнославянское слово, а живая речь русского человека. И рассказывает он не о религиозном паломничестве «к святым местам», а о наблюдениях купца, делового человека.

Мы уже говорили, что Афанасий Никитин, создавая свои записки, мог опереться на предшественников, он хорошо знал книжную традицию средневековья, но вместе с тем решительно нарушал некоторые установленные каноны.

Советские специалисты отмечают, что обилие автобиографического элемента в «Хожении» Афанасия Никитина — в виде рассказов о событиях его жизни в пути и в форме лирических эпизодов — выделяют эти путевые записки из всей литературы путешествий русского средневековья. И в то же время именно эта особенность связывает Никитина с новыми течениями в биографических жанрах русской литературы XV века. Интерес к внутреннему миру героя, анализ его душевных переживаний врываются в традиционную форму жития и исторического рассказа, личность автора проявляется перед читателем в лирических отступлениях, нравоучи-

тельных сентенциях и оценках изображаемых фактов. «Рамки чисто эпического повествования раздвигаются, давая место выражению эмоций и размышлений и героя, и автора,— пишет В. П. Адрианова-Перетц.— Афанасий Никитин предстает перед нами писателем своего времени, когда он и эпическую ткань путевых заметок расцвечивает и оживляет рассказами о своих впечатлениях, настроениях, обращениями к читателям-соотечественникам с нравоучительными предостережениями, сравнительными оценками своего, родного, и чужого».

Вот еще почему его книга — один из самых замечательных памятников русской средневековой литературы.

О том, как кропотливо изучают исследователи «Хожение», свидетельствует такой факт. Они установили, что путешественник период дождей в Индии называет зимним. В книгах, переписывавшихся на Руси в то время, встречаются сравнения сезона дождей с зимой. Об этом говорит, в частности, Козьма Индикоплов. Это, возможно, говорит о знакомстве Никитина с «Топографией» Козьмы.

Знал он многое, был осведомлен и в звездной науке. Наблюдая в одну из ночей созвездия, он обратил внимание, что «Плеяды и Орион в зорю вошли, а Большая Медведица головою стояла на восток». Эти наблюдения, как установил советский астроном Б. Л. Воронцов-Вельяминов, совершенно правильны. И он делает вывод, что путешественник «имел незаурядные для той эпохи астрономические познания».

Таков был Афанасий Никитин — писатель, путешественник, человек, оставивший нам свое прекрасное произведение «Хожение за три моря».

...На берегу Волги, откуда начал свое знаменитое хожение Афанасий Никитин, высится бронзовый памятник путешественнику «за три моря».

Высокий, мужественный человек, с волевым, умным лицом, смотрит вперед, как бы думая о том долгом и трудном пути, который ему предстоит пройти. На русском путешественнике кафтан с застежками из крученых шнурков, поверх кафтана на плечи накинут плащ без рукавов. На ногах — мягкие сапоги с загнутыми носками. В левой руке он держит бумажный свиток. Первая страница будущей книги...

Глава восьмая

Максим Грек

В истории русской литературы Максим Грек занимает одно из самых видных мест. Огромное значение его произведений для современников и для последующих поколений неоспоримо. Это признавали все русские книжники допетровского периода и все позднейшие историки литературы. Многие знают, что он не был русским человеком, что в Россию приехал из Греции в зрелых летах и обрел здесь свою вторую родину. Он прибыл в Московию во всеоружии византийской и западноевропейской образованности, поскольку учился в Италии у великих гуманистов эпохи Возрождения. Это был подлинный ученый-энциклопедист, который мог дать ответы на самые разнообразные вопросы жизни, волновавшие русское общество XVI века.

Уже один из ранних исследователей трудов выдающегося писателя отмечал, что «нельзя не удивляться разнообразию сведений его и талантов: он филолог и историк, поэт и оратор, философ и богослов».

Совершенно необычную жизнь Максима Грека можно довольно четко разделить на три периода: начальный, куда входит детство и отрочество в Греции, учение в Италии; афонское «житие», когда он вернулся из Италии на родину и принял постриг в Ватопедском монастыре, стал иноком; московский период — самый долгий, самый плодотворный в его творчестве и самый трагический в жизни.

В настоящее время начальный этап жизни Михаила Триволиса — настоящее, «мирское» имя Максима Грека — известен хорошо. Родился он около 1470 года в

греческом городе Арте, в знатной семье. Получил хорошее образование, а в 1492 году отправился для его завершения в Италию. Здесь Михаил Триволис долгие годы — почти тринадцать лет — слушает лекции лучших профессоров в высших учебных заведениях Флоренции, Болоньи, Падуи, Феррары, Милана, о чем вспоминал впоследствии: «Многие и различные писания христианские и изложения внешними (т. е. светскими.— *А. Г.*) мудрецами прочитал и довольную душевную пользу оттуда приобрел».

Самые глубокие впечатления он вынес, слушая проповеди неистового Савонаролы,— и такие сильные, что под влиянием идей флорентийского реформатора принял решение на постриг в доминиканском монастыре Сан Марко; здесь была основана первая общедоступная библиотека Европы, основу которой составили книги гуманиста Никколо Никколи.

Памяти Савонаролы Михаил Триволис посвятил большую часть своей «Повести страшной и достопамятной», где содержится подробный рассказ о деятельности и гибели на костре Савонаролы. Когда написана повесть, неизвестно, точной датировке она не поддается, как, впрочем, и большинство других сочинений писателя.

Значительно было и другое знакомство Михаила Триволиса в бытность его в Италии. В Венеции он сблизился с выдающимся книгопечатником Мануцием. Когда Альд Мануций основал в 1494 году свое издательское дело, Венеция уже была одним из главных центров книгопечатания в Италии. К 1500 году Альд успел самостоятельно выпустить в свет такие шедевры, как «Сочинения» Аристотеля и «Сон Полифила» Франческо Колонны, приступил к печатанию знаменитой серии «маленьких альдин». С 1508 года, женившись на дочери известного книгоиздателя Торрезани, Альд Мануций именует свою фирму как «Дом Альда и

Андреа, тестя». Слава Альда затмила славу самых выдающихся издателей и печатников Венеции конца XV — начала XVI века.

Надо отдать должное Альду Мануцию римлянину, как он сам себя называл: он был истинным просветителем и гуманистом Возрождения. Об этом говорят его дела. «Я полагал, что моей обязанностью,— подчеркивал Мануций,— было, чтобы все лучшие сочинения как греческих, так и латинских писателей выходили в совершенстве проверенными из нашей Новой Академии и чтобы благодаря нашим заботам и трудам все были поощряемы к занятиям науками и искусствами».

Сам Альд Мануций был горячим поклонником и большим знатоком латинской и греческой древности. Своими изданиями он окончательно утвердил новый, простой типографический стиль, так хорошо отвечающий духу древних и новых авторов.

В литературном наследии Максима Грека сохранились шесть его писем, относящихся к 1498—1504 годам. Из этих писем видно, что он был близок к Альду Мануцию, общался и с другими известными деятелями итальянского гуманизма: Джованни Пике делла Мирандело, А. Полициано, М. Фичино. Венецианскими друзьями Михаила Триволиса были и его земляки С. Картеромах и И. Григоропуло. Первого он называет в письмах «образованным и ученым мужем», «знатоком обоих языков», а второго — «сладчайшим и любимым братом». Оба они работали у Альда Мануция корректорами. Заметим, что корректор мог быть одновременно и наборщиком, правящим корректуру непосредственно в типографии, и корректором более высокого ранга, выполняющим работу редактора-комментатора подготавливаемых к печати греческих текстов,— подобная практика не была необычной в конце XV столетия.

По собственным словам Триволиса, до 1502 года он

был частым гостем в доме Альда Мануция. Его перу принадлежит написанное по-русски «Сказание об Альде Манучччи», в котором автор дает собственное толкование издательской марки Альда, признавая, однако, что это толкование — плод его фантазии.

...Всего два года пробыл Триволис монахом-доминиканцем флорентийской обители Сан Марко, которой еще недавно руководил Савонарола. Неспокойная душа странника не давала ему долго оставаться на одном месте. В 1504 году он навсегда покидает Италию и оказывается на Афоне, в этой стоверстной зеленой долине Северной Греции. Там под именем Максима он принимает постриг в Ватопедском монастыре, которому достались коллекции книг двух византийских императоров — Андроника Палеолога и Иоанна Кантакузена.

Постриг на Афоне предопределил всю дальнейшую нелегкую жизнь Максима. Именно этот шаг стал переломным в его судьбе: отныне Максим погружается в изучение богословия. Как он жил в Ватопеде, чем занимался конкретно, какие книги прочитал,— неизвестно. Но своей эрудицией и глубоким умом он вскоре завоевал уважение всей братии. В грамотах с Афона на Максима указывалось как на «искусного божественному писанию и на сказание или толкование всяких книг и церковных, и глаголемых еллинских». Неведомо, какие сочинения и труды создал образованный грек в афонский период жизни. Сохранились только четыре его эпитафии и эпиграмма. Были, видимо, и другие сочинения, но они пока не обнаружены.

Почти тринадцать лет продолжалось спокойное «житие» Максима в Ватопедской обители. Но вот в марте 1515 года на Афон пришла грамота московского великого князя Василия III. Василий Иванович просил прислать «старца Савву, переводчика книжнова, на время». Опытный специалист-переводчик должен был перевести с греческого языка церковные книги, необхо-

димые для споров с католиками и русскими еретиками. Но Савва был слишком дряхл для такой далекой поездки. Вместо него в Москву послали Максима, хотя, как говорилось в ответной грамоте, «языка не весть русского, разве греческого и латинского», но выражалась надежда, что и «русскому языку он борзо навыкнет».

В Москву Максим, теперь уже Грек, прибыл в 1518 году и принят был с большим почетом. Василий III обласкал его и поместил в кремлевском Чудовом монастыре. Боле или менее спокойно прошло девять лет. Максим трудился над переводами, исправлял церковные богослужебные книги. Вокруг ученого из Афона создался кружок образованных «москвитов». Они приходили к Максиму в келью, чтобы «говаривать с ним о книгах». И не только о книгах.

К чему это привело, мы расскажем чуть позже, а сейчас сделаем небольшое отступление.

Максим Грек нужен был не только для перевода на русский язык греческих книг. В некоторых преданиях о нем утверждается, что он был призван и для разбора богатейшей античной библиотеки московских великих князей, и для составления ее каталога. В одном из «Сказаний» говорится: «По меле же времени великий государь приснопамятный Василий Иоанович сего инока призвав и вводит его в свою царскую книгохранительницу и показа ему бесчисленное множество греческих книг. Сей же инок во многоразмышленном удивлении бысть с толиком множестве бесчисленного трудолюбного собрания и с клятвою изрече пред благочестивом государем, яко ни в Грецех толикое множество книг сподобихся видети... Аз же,— сказал Максим Грек,— ныне, православный государь, Василий самодержьче, никогда только видех греческого любомудриа, яко же ваше сие царское рачительство о божественном сокровище. Великий же государь Василий Иванович в сладость послуша те слова и преда ему книги на рассмотрение

разобрати, которые будут еще непреложены на русский язык». (Вольный перевод Н. М. Карамзина). Однако здесь нет сведений о том, составил ли Максим Грек каталог, какие книги были в библиотеке, какие из них произвели особенно сильное впечатление на ученого грека...

Это «Сказание» о Максиме Греке почти ни у кого не вызывает сомнений. Лишь С. Белокуров считал его недостоверным. Даже написал и выпустил в свет объемистую книгу (вышла в конце прошлого века), в которой утверждал, что не только библиотеки, но и вообще никаких греческих книг в Москве в то время не было, так как русские-де не доросли до понимания греческих и латинских ценностей. Возражение же против «Сказания» у него одно — слишком поздно оно создано. Но ведь при жизни к лику святых никого не причисляли и биографий их не создавали, так что и «Сказание» не могло появиться раньше второй половины XVI века (Максим Грек умер в 1556 году).

Многие исследователи, как советские, так и зарубежные, аргументированно предполагают, что автором «Сказания» о Максиме Греке был выдающийся писатель XVI века князь Андрей Михайлович Курбский, который считал себя его учеником.

Споры о «легендарной либерее» (т. е. библиотеке) продолжаются, ей посвящены сотни книг. Одни специалисты высказываются крайне осторожно, другие пытаются доказать, что античная библиотека великих русских князей существовала полтысячи лет назад.

Пока идут творческие дискуссии, а следов книжного собрания не обнаружено, поставим такой вопрос: а нельзя ли установить, какие конкретно книги привели в восхищение Максима Грека? Оказывается, можно. Существует список, правда, в копии (копия воспроизводит список не полностью). 250 лет с лишним пролежал этот документ в архивах, не привлекая к себе внимания. Во всяком случае, нигде не сохранилось указаний,

что кто-нибудь воспользовался им. Лишь в 1882 году профессор Дерптского университета Хр. Дабелов, читавший курс гражданского права, опубликовал в юридическом справочнике статью сугубо специального характера. В ней как бы между прочим приведены названия греческих и латинских книг, которые находились в библиотеке великих московских князей. Не всех, а только юридических. Где же почерпнул профессор такие сведения? В архиве приморского городка Пярну. Оттуда ему в Дерпт прислали четыре старые тетради — материалы для научного труда. В одной из них он обнаружил два пожелтевших от времени листка. Безвестный пастор, которого называют теперь «дабеловским анонимом», перечислял редкие книги московской великокняжеской библиотеки. Документ относится к XVI веку. Пастор приводит огромную цифру — 800! Столько греческих и латинских рукописей на пергаменте видел он своими глазами. Но называет не все эти восемьсот книг, а лишь некоторые из них.

Профессор Хр. Дабелов снял копию с этого библиографического извлечения, а тетради отправил обратно в Пярну.

Перечень «дабеловского анонима» начинается словами: «Сколько у царя русского книг с Востока? Таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие; но также много и латинских».

Среди греческих упомянуты «Полибиевы истории». Из сорока томов историка Полибия сквозь толщу времени полностью дошли до нас пять. Может быть, пастор видел как раз те, которые неизвестны науке?.. Он просто перечислял авторов: Аристофановы комедии, Пиндаровы стихотворения, не уточнив их заглавий. Далее в списке идут — «Базилика, новелла конституционис, каждая рукопись также в переплете», «Гефистионова географика» и некоторые другие.

«Историей» Тита Ливия открывался перечень римских

произведений. Причем пастор добавлял, что ему предложили перевести именно «Ливиевы истории». Потом идут Цицероновы книги «Де република» и «Историарум». Вспомним, что сочинение Цицерона «Де република» восстановлено далеко не полностью, а из восьми томов «Историарума» не сохранилось ни одного. Затем автор уже категорически утверждает, что «Светониевы истории о царях переведены...». Речь идет о труде Гая Светония «Жизнь двенадцати цезарей».

«Тацитовы истории» и «Вергилия Энеида», «Оратории и поэмы Кальвуса», «Юстинианов кодекс конституций и собрание новелл» — что ни строка, то неожиданность. Мы наслышаны об ораторском искусстве Кальвуса, но нет сведений о его поэмах, так же как о «собрании новелл», включенных в «Юстинианов кодекс».

И примечание: «Сии манускрипты писаны на тонком пергаменте и имеют золотые переплеты. Мне сказывал также царь, что они достались ему от самого императора и что он желает иметь перевод оных, чего, однако, я не был в состоянии сделать».

Таков список: в нем из 800 манускриптов перечислено всего несколько десятков, но и перечисленное — уникально! Поэтому судьба библиотеки, повторяем, привлекает пристальное внимание и специалистов, и широких кругов читателей. Не приводя всех доводов «за» и «против», ограничимся утверждением председателя Археологической комиссии АН СССР профессора С. О. Шмидта: «Раскопки, проводившиеся на протяжении трех столетий, по разным причинам ни разу не были доведены до конца... Библиотека вполне может существовать и, вероятнее всего, под землей, на территории Кремля. Сейчас специальные поиски библиотеки не ведутся, но появляется возможность получения дополнительных сведений о рукописях этой библиотеки и в памятниках древнегреческой письменности, и, возможно, в материалах архивов турецких султанов, архивах Афонских монастырей».

Эту довольно обстоятельную историческую справку о легендарной библиотеке мы привели, разумеется, не случайно. Уникальное книжное собрание имеет непосредственное отношение к Максиму Греку, связано с его литературной деятельностью, не говоря уже о том, что он сам неоднократно упоминал в своих трудах о великокняжеской библиотеке. Это, бесспорно, наиболее надежное свидетельство — свидетельство очевидца, кото-

рое невозможно поставить под сомнение или опровергнуть...

Но и творческое наследие Максима Грека, его переводы некоторых греческих книг и статей на русский язык (первыми литературными трудами ученого грека были переводы) также служат убедительным доказательством существования великокняжеской библиотеки.

Известно, что работа по переводу книг была предпринята по инициативе Василия III, от его имени отправлялось посольство на Афон, в помощь Максиму были направлены видные деятели московской дипломатии, переписку осуществляли лучшие писцы, связанные с придворным окружением. Период наибольшей переводческой деятельности инока-святогорца приходится на первое десятилетие пребывания его в России. Сначала, по незнанию русской грамоты, Максим Грек переводил греческие книги на латинский язык; а с латинского на русский переводили уже приставленные к писателю помощники — толмачи. Однако Максим, по-видимому, довольно быстро освоил церковнославянский и русский языки, стал вполне самостоятельно переводить греческие, а иногда и латинские подлинники.

Сейчас учтено свыше двухсот переведенных Максимом Греком произведений. Среди них — сочинения «отцов церкви», памятники канонического права, литературные произведения, в том числе агиографические писания Симеона Метафраста, апокрифические тексты, сочинения Иосифа Флавия, Менандра, «слова» констан-

тинопольских патриархов Германа и Фотия, византийский энциклопедический лексикон Свиды...

Откуда мог получать оригиналы Максим Грек? Вполне возможно, считают исследователи, из фондов великокняжеской библиотеки. Выдающийся знаток древнерусской книжности Н. Н. Зарубин еще до начала Великой Отечественной войны писал: «Греческие рукописные оригиналы, с которых делал переводы Максим Грек... дают значительную вероятность предположению об их тождестве с рукописями из состава великокняжеской библиотеки».

Первой была переведена «Толковая псалтырь», книга, объясняющая псалмы царя Давида. Вместе с Максимом работали великокняжеский посол Дмитрий Герасимов (он знал латынь и немецкий) и дьяк Власий (выходец из Новгорода). Герасимов так описал ход напряженной работы: «Максим Грек переводит Псалтырь с греческого великому князю, а мы с Власом сидим переменяясь: он сказывает по-латыни, а мы сказываем по-русски писарям». Известны и имена переписчиков, приставленных к писателю-переводчику: это монах Троице-Сергиева монастыря Силуан и Михаил Медоварцев. «Бригада» работала усердно и очень интенсивно. Грандиозный памятник — почти тысяча листов большого формата — переведен за один год и пять месяцев!

Когда работа была закончена, великий князь попросил Максима заняться исправлением богослужебных книг, что впоследствии сочли предосудительным делом.

Важно, что Максим Грек получал из великокняжеской библиотеки материалы и для создания оригинальных своих трудов. Так, при написании «Словес супротивных ко Иоанну Лодовику» (Иоанн Лодовик — испанский гуманист Х. Л. Вивес) он имел сочинение самого Вивеса, напечатанное в Базеле в 1522 году.

В результате кропотливого изучения творческого наследия Максима Грека — а оно огромно! — в его ориги-

нальных произведениях обнаружено множество цитат из сочинений Платона, Аристотеля, Ксенофонта, Плутарха, Лукана, Цицерона, Тита Ливия и других античных авторов. Привезти такое количество книг с Афона он никак не мог, да в этом и не было особой необходимости, ведь он отправлялся в далекую страну на непродолжительное время. Естественно, обременять себя громоздким багажом просто не хотел...

Как образованный и сведущий в церковной литературе человек, Максим Грек был вскоре вовлечен в церковно-политические споры. Тогда шла ожесточенная борьба между иосифлянами и заволжскими старцами — «стяжателями» и «нестяжателями». Максим Грек решительно стал на сторону заволжских старцев, противников монастырского землевладения.

Благодаря своей начитанности, большому таланту Максим очень скоро стал опасным противником иосифлян. И это предопределило всю его дальнейшую судьбу.

Из-под пера страстного публициста выходит в свет большое количество произведений самого разнообразного содержания, в том числе таких, где он обличал общественные и церковные непорядки в русской жизни, защищал православие от католицизма, иудаизма, магометанства; одновременно он продолжал переводить греческие книги и создавать произведения энциклопедического характера. Делал он все это с большим мастерством.

Неправосудие властей, суеверие в различных слоях общества, испорченность духовенства — все это сурово обличал писатель-гуманист. Особенно часто восставал он против утеснения сильными и богатыми слабых и угнетенных. «В таких случаях,— отмечает Н. К. Гудзий,— речь его, подчас сухая и многословная, становится захватывающей своей искренностью. Тут он поднимается до пафоса, и по адресу угнетателей у него вырываются негодующие угрозы и осуждения».

Убедительно показывал он нравственные пороки духовенства. В «Слове о том, какие речи рекл...» он резко упрекал представителей высшей иерархии в фарисействе. Они хвалят бога «красногласными песнями», «шумом доброгласным колоколов», «многоцветным икон украшением», но средства на эти украшения идут «от неправедных и богомерзских лихв, лихоимания же и хищений чужих имений». Эти пастыри «преобильно» напиваются «по вся дни», пребывают «в смехе и пьянстве» и «всяческих играниях и плесаниях», тешат себя гуслями, сурнами и постыдной болтовней, а сирот и вдовиц, «яко аспиды глухие», обижают и грабят, на пиры свои приглашают богатых, а нищих и сирот, горько плачущих от своей скудости, прежде обидевши злыми ругательствами, отгоняют, «кинувши кус хлеба гнилого».

Установлено, что страсть к стяжательству и обогащению имениями, которые до этого осуждались в произведениях заволжских старцев во главе с Вассианом Патрикеевым, находят в пришельце с Афона еще более энергичного и страстного обличителя. «Критика Максимом Греком стяжательской деятельности монастырей,— пишет Н. А. Казакова,— имела большое общественное значение, т. к. она не только идейно обосновывала одну из сторон политики государственной централизации — наступление на вотчинные права монастырей, но и привлекала внимание современников к тяжелому положению монастырских крестьян (недаром на «нестяжательские» сочинения Максима Грека ссылался самый радикальный вольнодумец Древней Руси — Феодосий Косой)».

В своей публицистике Максим Грек выступал и ярым обличителем астрологии, не «научной», которая имела тогда положительное значение, а так называемой гадательной астрологии — учения о судьбе, роке, предопределении. В ней он находил много внутренних про-

тиворечий и несоответствий здравому смыслу. Максим Грек утверждал, что звездами, солнцем и луною не устраиваются наши дела; от них лишь «знамения бывают дождю и бездождию, студенству же и теплоте, мокроте и сухоте и ветрам, а наших дел никакоже». В данном случае в своих взглядах он сближался с Петраркой, который считал, что заниматься гадательной астрологией недостойно разумного человека, тем более

Автобиографическая запись Максима Грека на первом листе собрания его сочинений

философа. Отрицание веры в судьбу или в «фортуну» и «колесо счастья» роднит писателя с другими представителями итальянского гуманизма, в частности с Колуччо Салютати.

В полемике против звездочетцев он использует обширный арсенал всевозможных доводов. Довольно часто он ссылается на авторитет «премудрого Гомера», «многомудренного Одиссея», «велеумного мудреца Гесиода», «премудрого Плутарха», а также на многих ученых мужей древности. (Заметим, что у многих наших книжников того времени преобладало представление об античной культуре как о «треклятом елленстве».)

Наряду с традиционными поучениями и «словами», Максим Грек пишет эмоционально насыщенные сочинения в форме бесед. Наиболее характерна в этом отношении «Беседа ума с душой...».

По мнению А. И. Иванова, критика отрицательных сторон русской действительности характеризует Максима Грека «не как монаха-аскета, оторванного от жизни, а как представителя передового общественного движения, связанного с веяниями эпохи Возрождения». И. Н. Голенищев-Кутузов считал, что афонский философ вольно или невольно был проводником западных гуманистических течений и оказал влияние на московскую среду.

Максим Грек был в гуще всех проблем, волновавших тогда русское общество, общался, сотрудничал, вел полемику с наиболее просвещенными московскими деятелями, людьми широкого кругозора. Так, помощник Максима Грека по переводу «Толковой псалтыри» Дмитрий Герасимов юношей изучал в Ливонии латынь и немецкий, тогда же перевел популярную на Западе грамматику Доната, затем был одним из главных переводчиков знаменитой геннадиевской Библии. Будучи послом, он посещал заседания римского сената и ватиканскую библиотеку, сообщал итальянскому историку сведения о далекой Московии; любовался величественными римскими древностями.

Наиболее близким другом афонского мудреца был дипломат и писатель Федор Карпов, личность во многих отношениях примечательная. Этого весьма образованного

человека Максим Грек называл «разумным мужем», «пречестнейшим» и «премудрейшим Федором». Он был любителем «внешней мудрости», изучал Аристотеля, читал латинских авторов; в его сочинениях обнаружены в русском переводе цитаты из «Метаморфоз» Овидия. Он изучал разные системы государственного управления и как высший идеал почитал справедливость и законность. Один из оригинальных публицистов своего времени, Карпов отличался умом беспокойным и ищущим. «Не молчит во мне смущенная мысль моя,— писал он Максиму Греку,— хочет знать то, над чем она не властна, и пытается найти то, чего не теряла, стремится прочесть то, чего не изучала, хочет победить непобедимое». Карпов живо интересовался также медициной, естествознанием, астрономией. Максим Грек вел с ним оживленную переписку, которая является яркой страницей в истории русской литературы.

По ряду острых проблем полемизировал афонский философ с Николаем Булевым — придворным врачом Василия III. Этот человек, вышедший из круга гуманистов, был, по словам одного современника, «ученейший профессор медицины, астрологии и всякой науки», а также «в словесном художестве искусным». Немец по происхождению, он сорок лет прожил в нашей стране, хорошо изучил русский язык, писал на нем свои сочинения, переводил научные труды. Среди них особенно примечателен «Травник», изданный в Любеке в 1492 году. «Травник» Николая Булева был первым переводным медицинским трактатом и сыграл определенную роль в развитии отечественной медицины...

Казалось, что Максим Грек был неутомим в своей разносторонней деятельности. Писателю и политику Вассиану Патрикееву он помогает перевести «Кормчую», пишет ему послание по его просьбе, об устройстве афонских монастырей. Для своего любознательного и образованного друга Василия Тучкова (дядя Андрея

Курбского) переводит ряд статей из «Лексикона Свиды». Этот энциклопедический труд самому переводчику послужил образцом для составления словаря «Толкование именам по алфавиту».

В своих обращениях к великому князю он высказывается по ряду вопросов внутренней и внешней политики...

Авторитет и слава Максима Грека — проповедника, публициста, обличителя — все росли. Понятно, что такая деятельность не могла не навлечь на него гонения со стороны иосифлян. Исправление канонических текстов, осуществляемое Максимом, многим на Руси казалось крайне предосудительным. Сам Михаил Медоварцев рассказал, что когда он по указанию Грека вносил исправления в рукописные книги, его «дрож великая объяла и ужас напал».

Но пока митрополитом был незлобивый Варлаам, Максиму Греку все это сходило с рук. Положение изменилось, когда митрополитом стал игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Даниил, человек резкий, самолюбивый и властолюбивый, убежденный иосифлянин.

Над Максимом стали сгущаться тучи. В начале 1525 года был созван церковный собор, на котором его обвинили в ереси, в искажении текстов «священного писания», в сношениях с турецким султаном (ныне доказана полная несостоятельность этого обвинения). Собор приговорил его к строгому заточению в Иосифо-Волоколамский монастырь. Здесь, в этом монастыре, «любостяжательные мнихи» морили старца «стужею, голодом и угаром». При этом они руководствовались не только приговором. Сравнительно недавно, в 1968 году, в алтайском селе был найден объемистый рукописный сборник XVI века, имеющий непосредственное отношение к нашему повествованию. Над созданием сборника, состоящего из сорока глав (разделов), тру-

дились одновременно несколько переписчиков; фолиант был тщательно сверен, допущенные переписчиками ошибки исправлены одним лицом. Шесть глав сборника — оригинальные произведения Максима Грека, две — переводы. Заказчик, а им был видный деятель русской культуры Иона Думин, относился к Максиму с большим уважением и считал его творчество авторитетным для себя.

И сборник, и его заказчик заслуживают особого разговора, мы же сейчас скажем, что в самом конце книги оказалось «Судное дело» Максима Грека, ранее в полном составе неизвестное, и тексты двух писем 1525 года — митрополита и великого князя о судебном деле Максима, вернее — о том, как следует выполнять вынесенный приговор. Авторы писем приказывают властям Иосифо-Волоколамского монастыря: «И заключену ему быти в некоей келье молчательне, и никако же исходящу быти... и да не беседует ни с кем же, ни с церковными, ни с простыми. Но точно в молчании сидети и каятись о своем безумии и еретичестве». Мыслителю запрещено было писать и читать книги.

И это не все. Надзор за Максимом поручался самому усердному в подобных делах монаху; более того, митрополит приказал создать крепкий надзор и над самим надзирателем, «дабы не прельщен был» Максимом.

Но Максим Грек и в этих тяжелейших условиях находил в себе силы обличать судей и создавать новые произведения.

Минуло шесть лет, и вновь писателя вызывают на собор — теперь уже вместе с главой заволжских старцев Вассианом Патрикеевым. Максиму Греку предъявляют ряд новых, еще более тяжелых обвинений: еретичество, волховство, критика московской внешней политики, резкие отзывы о великом князе, преступная порча книг.

Вместе с Вассианом Патрикеевым он был осужден

вторично, предан анафеме и — странное дело — сослан на этот раз в Тверской Отроч монастырь. Странность заключается в том, что Максим Грек попал под надзор тверского епископа Акакия, который относился к писателю и философу с глубоким уважением. Осужденный собором старец напряженно трудится, создавая все новые произведения. Именно на период многолетнего заточения приходится основная часть его литературного наследия. Важно отметить, что и в этих условиях его не покидала смелость и писал он без оглядки на власти. Он не отказался от своих убеждений, более того, всеми своими силами снова и снова доказывал свою правоту, как бы продолжал защиту от неправого суда.

По мнению многих советских ученых (С. Н. Чернов, И. У. Будовниц, В. Ф. Ржига, А. И. Иванов, Н. А. Казакова), Максим Грек откликался на все крупнейшие явления русской действительности. Он не только входил в курс проблем, волновавших мыслящих русских людей первой половины XVI века, но давал этим проблемам определенное направление, влиял на умы, становился средоточием идейной жизни.

Особенно ярко проявились передовые взгляды Максима Грека в его публицистике. Он рисует Русь в виде неутешно плачущей вдовы, сидящей на распутье и окруженной львами, медведями, волками и лисицами. Она жалуется на свою беззащитность, на сребролюбцев и лихоимцев, во власти которых находится.

Большой литературный талант позволил Максиму Греку поднять культуру письменного слова. Искренность, высокий пафос изложения, удачные примеры, антитезы делают произведения писателя одной из выдающихся страниц русской публицистики XVI века. К этому добавим, что широко образованный полиглот, он оставил ряд языковедческих сочинений, оказавших значительное влияние на развитие русского языкознания. Он впервые познакомил русских книжников с основами грам-

матических знаний, приемами филологической критики, применявшимися в научных центрах Италии при восстановлении и издании античных текстов. Изложил он и свои взгляды на перевод и редактирование канонических текстов. Ошибки переводчиков происходят, писал он, «от неумения, или презрения, или забвения», от плохого знания языка. Переводчиками, по его мне-

нию, могут быть только люди, достаточно вооруженные грамматическою наукою и силою риторики. Максим Грек не написал специального пособия по грамматике, его заслуга в том, что он пропагандировал необходимость грамматических знаний, применял эти знания в своих сочинениях, перенес «грамматическую теорию на русскую почву» (В. С. Иконников).

В своих сочинениях он дает практические указания, как нужно писать и как отличать человека способного к писательской деятельности от неспособного к ней. Любопытен придуманный им способ «экзамена» для ученых монахов, желавших посвятить себя переводам или исправлению книг. Он составил на греческом шестнадцать стихов, написанных гекзаметром и пентаметром и рекомендовал в переводчики только тех, кто обнаруживал ясное понимание этих образцов словесности.

Любопытен еще один аспект в многогранной деятельности крупнейшего мыслителя XVI века — культурно-просветительный. Да, он прибыл в нашу страну православным монахом, но широкая образованность, знание им столь дорогой для гуманистов классической древности, знакомство с культурной жизнью тогдашней Европы наложили отпечаток на его творчество. В произведениях Максима Грека встречаются примеры из античной мифологии, истории, ссылки на античных философов. Он с большой похвалой и уважением отзывается о широком развитии в Париже философских и богословских наук. Его восхищает то, что там преподаются науки, не только связанные с богословием, но и всякие «внешние»,

что со всех концов собираются туда для изучения словесных наук и «художеств» желающие, и все они, пройдя учение и возвратясь к себе на родину, становятся украшением для своего отечества, а также советниками, опытными руководителями и помощниками во всем добром, в чем имеется потребность. Такими же, по мысли Максима Грека, должны быть для своего отечества и русские люди.

Немало сделал писатель для пропаганды книгопечатания на Руси. Отмечая его заслуги, необходимо оговориться: Максим Грек не был единственным источником знакомства с печатными изданиями западных стран — так, итальянские инкунабулы поступали в Москву задолго до его приезда. Мнение исследователей сводится к тому, что деятельность Максима Грека вливается в общее русло ознакомления москвичей с западной печатной книгой. «Тот факт, что в начале русского книгопечатания 1551—1556 гг. наши первопечатники печатали как раз те книги, которые Максим исправлял (Апостол, Псалтырь, Часослов, Триодь цветную),— пишет историк И. В. Новосадский,— позволяет установить непосредственную историческую преемственность деятельности Максима Грека с деятельностью Ивана Федорова и его продолжателей».

В одном из «Сказаний» Максим передал русским людям легенды о Прометее и других героях греческой мифологии. Прометей изображается как первый изобретатель грамоты, научивший людей книжной мудрости. Особенно замечательно сообщение Максима Грека о недавних географических открытиях, сделанных испанскими и португальскими мореплавателями. Это первое известие в русской литературе об открытии Америки и Индии. Приводим его полностью: «Древние убо людие через Гадир плыти не умеяху, паче же не дерзаху; нынешнии же люди португальстии и испанстии со всяким опаством выплывают корабли великими, недавно почали, лет тому 40 или 50 по совершении седмыя тысящи,

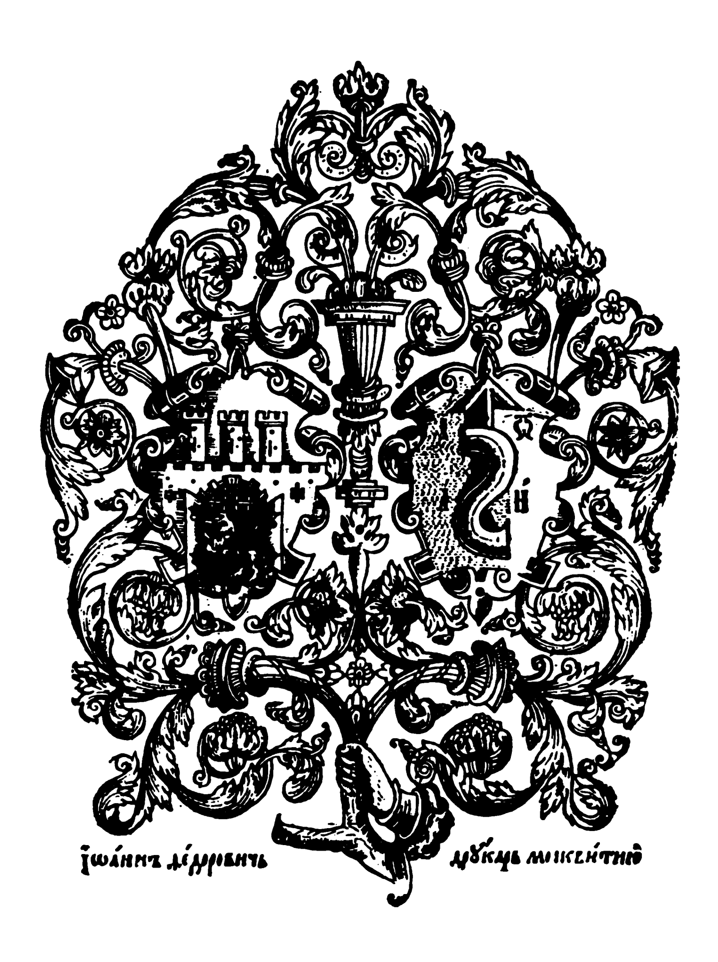
и нашли островов много, иных убо обитаемых людми, а иных пустых, и землю величайшу, глаголемую Куба, ея же конца не ведают тамо живущеи. Нашли же еще, обшедше около всю южную страну, даже до востока солнца земного ко Индии, острови семь, Молукиди (Моллукскими) нарицаемых, в них же родится и корица, и гвоздика, и ины благовонны ароматы, которыя дотоле не были ведомы ни единому человеческому роду, ныне же всеми ведомы королем испанским и португальским».

По просьбе одного из друзей Максим Грек рассказывает о мифах древней Греции: о рождении Зевса, о Деметре и Персефоне, о Плутоне и элевзинских мистериях, о рождении Диониса и Афины-Паллады, о Пелопсе, Дадонском лесе, Касталийском источнике, Орфее. Обо всем этом Максим Грек пишет по памяти и многое опускает, ссылаясь на то, что забыл.

...Но вернемся к биографии писателя. В общей сложности он провел в заточении свыше четверти века, сохранив свои убеждения, твердость духа, творческие способности. Только в 1551 году — за пять лет до смерти — старца, освободив, перевели в Троице-Сергиев монастырь. Сделали это по просьбе игумена монастыря Артемия. Здесь ученого встретили с большим почетом, и жил он «в великой чести и похвале». Это и понятно, ведь Артемий — крупный публицист XVI века, пропагандист знаний — разделял взгляды Максима Грека. В монастыре доживал свой век бывший митрополит Иосаф — большой любитель книг. Он сохранил один из лучших списков собрания сочинений писателя. Это тем более знаменательно, что до начала XVII века произведения Максима Грека считались запрещенными. Тем не менее митрополит Макарий включает несколько его трудов в свой огромный свод рекомендованных церковью для чтения житий святых и поучений — в «Великие Четьи-минеи».

Глава девятая

«Сеятель семян духовных»

19 апреля 1563 года Иван Федоров приступил к набору первой страницы своей печатной книги. За его работой с большим интересом наблюдал пришедший в типографию Иван Грозный. Металлические буквы укладывались одной за другой — строка. Когда набранные строки образовали страницу, их заключили в специальную раму. Петр Мстиславец, соратник первопечатника, взял раму с набором и понес ее к печатному станку. Смазав краской шрифт, он наложил на него лист чистой бумаги и плотно прижал прессом. Потом поднял пресс.

Иван Федоров бережно снял бумагу, еще влажную, пахнущую краской, и стал внимательно рассматривать оттиск. Проверил, хорошо ли сверстан текст, нет ли ошибок. На листе четко и ясно прочитывалось: «Деяния апостольские».

Таким и запечатлел русского первопечатника скульптор С. Волнухин — сосредоточенным, торжественным. Он изображен во весь рост, с непокрытой головой, в древнерусской одежде. В правой руке держит только что отпечатанный лист книги «Апостол», а левой поддерживает поставленную на скамью печатную наборную доску. Этот памятник, установленный недалеко от того места, где была первая русская типография, прекрасно описал в своей поэме «Иван Федоров» Вл. Луговской:

...Врезан
    в сияющий свод небесный,
Стоишь ты в Москве

с ремешком на лбу,
Стоишь ты, дьяк,
у стены старинной.
Лоб величав,
бронзово чист,
Ты для России,
для Украины
Держишь
первый
печатный лист.

И вот книга вышла в свет. Она облачена в тяжелый переплет из досок, обтянутых кожей. Набрана четким шрифтом, с киноварными заглавными буквицами и значками на полях. Особенно хороши заставки перед главами: травы и ветки, кедровые шишки и виноградные листья, а под ними — красная вязь, заглавие. Первая точно датированная русская печатная книга сохранила, по определению одного исследователя, «строгую чистоту и правильность московского пошиба письма во всех буквах и знаках», отличалась «отчетливостью букв и красотой».

Доказано, что Иван Федоров сам отливал шрифт: делал пунсоны — резанные на стали формы для каждой буквы, выбивал из меди матрицы, по которым затем отливались свинцовые литеры. Поэтому его можно смело назвать первым создателем русского печатного шрифта, он был также первым наборщиком, первым корректором. Он рисовал и гравировал... Он был, по собственному определению, «делателем книг».

Тексту предпослан гравированный на дереве фронтиспис — изображение апостола Луки. С введением на Руси книгопечатания рукописные книги должны уйти в прошлое, что отлично понимал Иван Федоров, который показал это очень наглядно: в рукописных книгах их легендарные авторы изображались сидящими и пишущими, а в московском «Апостоле» Лука книгу не

пишет, он держит ее в руках, письменные же принадлежности лежат на столике. Они как бы оставлены — такой вывод делает академик Д. С. Лихачев: это знак предшествующей работы, а книга в руках не у писца — у печатника... Интересное наблюдение! Словом, это было превосходно оформленное издание, свидетельствующее о высоком художественном мастерстве и безупречном вкусе его создателя.

Фронтиспис «Апостола» 1564 г.

В «Деяниях апостольских» есть послесловие, написанное самим Иваном Федоровым, — своего рода манифест русского первопечатника, издателя и талантливого публициста. Послесловие — первое светское произведение, вышедшее из-под печатного станка и рассказывающее о зарождении книгопечатания в нашей стране. Иван Грозный приказал «изыскать мастерство печатных книг», после долгих поисков нашлись на Руси «некие хитрые мастера печатному делу». Царь «повелел устроить дом от своей царской казны, где печатному делу строиться, и щедро давал из своих сокровищ делателям — Ивану Федорову да Петру Мстиславцу — на устройство печатного дела».

В этом доме, или, как тогда говорили, в печатной избе, и была создана первая в Москве государственная типография, здесь Иван Федоров напечатал, кроме знаменитого «Апостола», два издания «Часовника». Характеризуя свой труд и труд своего соратника, первопечатник не без гордости писал в послесловии, что «окончена эта книга подвигами и тщением и снисканием Ивана Федорова и Петра Мстиславца». Заметим, что «Часовник» обычно широко использовался в то время в учебных целях — по нему учили детей грамоте. Так началась разносторонняя деятельность нашего первопечатника, направленная на просвещение народа. И подвиг его — просветителя, писателя, педагога, инженера, политика — вызывает невольное удивление своей масштабностью. В свое время поэт и литературовед Сергей Наровчатов заметил, что Иван Федоров возник на фоне нашей культуры неожиданно, как Афродита из пены морской. На первый взгляд это, конечно, правильно. И все же были у него учителя, единомышленники, продолжатели.

Более того, можно с уверенностью утверждать, что вся деятельность первопечатника была тесно связана с общественно-политическим движением той эпохи.

Какая же культурная среда питала Ивана Федорова, кто окружал его в повседневной работе, с кем он мог встречаться, сотрудничать? У кого учился мастерству, где набирал опыт книгопечатания? Что было важного, значительного, мимо чего просто невозможно было пройти?.. Бросим беглый взгляд на Москву первой половины XVI века. Интереснейшее, противоречивое время!

Русь набирает силы, обретает черты единого централизованного государства. С присоединением Казанского и Астраханского ханства укрепляется положение Руси на востоке, русские землепроходцы продвигаются в обширные пространства Сибири. Расширяется торговля, растут города; централизуется система управления страны. И вместе с тем положение подневольного населения — крестьян — становится особенно тяжелым. Нарастают оппозиционные настроения, усиливается свободомыслие в толковании церковных тем. Противоречия в общественной жизни отражаются в светской публицистике. Русское национальное самосознание переживает подъем. Развиваются ремесла, закладываются основы естественнонаучных и технических знаний. В Москве развертывается большое строительство, сюда были приглашены мастера из Владимира, Пскова, из-за границы. Их трудом и вдохновением воплощаются великолепные замыслы зодчих, утверждающих в камне славу, мощь и величие Русского государства. Ярким подтверждением тому могла служить оригинальная шатровая церковь Вознесения, воздвигнутая на крутом берегу Москвы-реки, — подлинный шедевр, каких не бывало прежде на Руси. Возводятся новые стены Кремля.

Наиболее значительным сооружением был, конечно, храм Василия Блаженного, который и сейчас, спустя четыре столетия, поражает своим великолепием. Создали это чудо гениальные русские архитекторы Барма и Постник. Иван Федоров трудился над «Апостолом» как

раз в то время, когда на Красной площади воздвигался этот собор.

На Пушечной улице — недалеко от типографии — работали замечательные литейные мастера. Среди них Андрей Чохов, отлививший много колоколов и огнестрельных орудий. Знаменитый царь-колокол отлили братья Моторины. Работники Пушечного и Печатного дворов хорошо знали друг друга. И, несомненно, опыт литейных умельцев был использован создателями типографских шрифтов.

Во время работы над «Апостолом» расписывался Благовещенский собор Московского Кремля, и Иван Федоров мог видеть на его стенах изображение древних поэтов и мыслителей — Гомера, Аристотеля, Платона, Вергилия.

Большого совершенства достигли создатели рукописных книг. Над их оформлением трудились талантливые художники, они украшали их превосходными миниатюрами, декоративным орнаментом. Одна из таких книг выполнена мастерами школы Феодосия Изографа, который на заре XVI века предпринял первые на Руси опыты гравюры на металле. Русская печатная книга вобрала в себя высшие достижения древнерусского книгописания.

Нет сомнения, что Иван Федоров находился в самой гуще общественной и культурной жизни, встречался с выдающимися деятелями. В то время, когда он был дьяконом церкви Николы Гостунского, что располагалась в Кремле, ему удалось познакомиться с митрополитом Макарием, человеком книжным, начитанным и хорошо образованным, который «знал великоразумно все премудрости». Макарий сплотил вокруг себя наиболее образованных людей. Они писали жития святых, составляли капитальные научные труды, занимались живописью, разрабатывали социально-политические проблемы.

Иван Федоров не мог не знать об энергичной культурной деятельности Макария, по инициативе которого создавались монументальные литературные произведения, цель которых — отразить величие Русской земли. Среди них «Великие Четьи-Минеи» — гигантский энциклопедический свод древнерусской литературы из 12 внушительных томов, включивших «все духовное богатство русского народа». Было создано три варианта. О размахе замысла можно судить по таким данным: самый малый том имеет 816 листов, самый большой — 1759, а это в общей сложности 13 581 лист... Вошли полные и краткие жития, поучения «отцов церкви», патерики, сказания, притчи, описания путешествий, послания, грамоты, сборники «Золотая цепь» и «Пчела», «Иудейская война» Иосифа Флавия и светские повести.

Для переписки книг была создана специальная мастерская. Официальными редакторами были А. Адашев и дьяк И. Висковатый (по преданию, именно он показывал ученым немцам легендарную античную библиотеку Ивана Грозного).

Детищем царской книгописной мастерской был многотомный «Лицевой летописный свод» — историческая энциклопедия, где рассматривалась мировая история, начиная от «сотворения мира» до 60-х годов XVI века. Сохранившиеся части содержат около 10 тысяч листов и 16 тысяч иллюстраций. Это потребовало 20 лет работы редакторов, составителей, переписчиков, художников — образованных людей, способных принять участие в таком ответственном деле. Вспомним, что, по свидетельству того же Макария, над книгой в то время трудились: *доброписец чернописный*, который воспроизводил основной текст; *статейный писец* — он воспроизводил вязь киноварью; *заставочный писец* — его обязанность рисовать заставки и буквицы; *живописец иконный* — он рисовал миниатюры, *златописец* — этот покрывал золотом «статии», заставки и отдельные

части миниатюр; три мастера — *златокузнец, сереброкузнец* и *сканный* — оформляли оклад.

Показать величие Русской земли была призвана и «Степенная книга» — в сущности, первый, по определению академика М. Н. Тихомирова, исторический труд, в котором вся русская история изложена с позиций прославления рода московских князей, создателей Русского государства с центром в Москве.

С Сильвестром, священником Благовещенского собора, Иван Федоров, по всей вероятности, не только встречался, но и работал вместе. Деятельность свою Сильвестр начал в Новгороде, потом переехал в Москву, где занял очень высокое положение. В свое время он оказал большое влияние на молодого царя Ивана IV, был его ближайшим советником. Сильвестр — один из образованнейших людей середины XVI века — имел значительную личную библиотеку, некоторые книги ему подарил Иван IV из царского книгохранилища. Он — инициатор многих культурных начинаний. Ему — незаурядному публицисту — приписывается авторство «Домостроя», что не совсем так — он лишь переработал и отредактировал это энциклопедическое пособие, в котором излагались нормы поведения зажиточного горожанина.

Славился Сильвестр и на издательской ниве. Ему принадлежала большая мастерская, изготовлявшая книги и иконы. Сам он подчеркивал, что обучал городских сирот по их склонностям — кого грамоте, кого письму, а кого «книжному рукоделию». Он был ревностным поборником просвещения на Руси. В связи с 400-летием русского книгопечатания высказывалась любопытная гипотеза. В общих чертах она сводится к тому, что благовещенский священник играл руководящую роль в основании первой московской типографии, деятельность которой приходилась на 1554—1560 годы. Она выпустила несколько книг — на них нет никаких

данных о времени и месте выхода в свет. Они так и называются «безвыходными» изданиями. Налаживал работу типографии Сильвестр, здесь Иван Федоров осваивал полиграфическую технику и овладевал мастерством. В настоящее время эта гипотеза получила признание у большинства исследователей; хотя документальных свидетельств нет, она подтверждается цепью логических умозаключений (они подробно изложены в монографии Е. Л. Немировского «Иван Федоров», вышедшей в издательстве «Наука» в 1985 году).

В послесловиях к своим книгам Иван Федоров обнаруживает превосходное знакомство с современной ему русской публицистикой. Выясняется и круг его симпатий. Он цитирует тех авторов, которые стояли в оппозиции к официальному православию, критиковали верхушку церкви и реакционное монашество за всевозможные «нестроения». Это — вольнолюбивый старец Артемий, страстный агитатор в пользу просвещения, проповедовавший, что «до самой смерти учиться подобает»; он активно участвовал в подготовке книгопечатания на Руси. Первые русские типографы и старец, несомненно, знали друг друга. По-видимому, Артемия подразумевает Иван Федоров в послесловии к львовскому «Апостолу», когда говорит о «богоизбранном муже», по стопам которого он пришел на Украину. А Петр Мстиславец привел в послесловии к «Евангелию», изданному им в Вильнюсе в 1575 году, текст одного из посланий Артемия.

Это и Максим Грек — греческий гуманист, для которого Русь стала второй родиной. О его высокой культуре, образованности говорит то, что он упоминает в своих работах Гомера, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Диодора, Фукидида, Плутарха. Он сыграл значительную роль в пропаганде античного наследия в русском обществе. Многих из перечисленных авторов издавал Альд Мануций; вполне возможно,

часть из них Максим захватил с собой, отправляясь в Московию. Это был подлинный ученый-энциклопедист: филолог и историк, поэт и оратор, философ и богослов. В юности жил в Италии, где общался с известными деятелями гуманизма. Для нас важно подчеркнуть, что он был хорошо знаком с Альдом Мануцием, посещал его типографию в Венеции, а во Флоренции бывал у другого известного издателя — Иоанна Ласкариса. Именно Максим Грек написал (по-русски) «Сказание об Альде Мануччи». Так что о книгопечатании он знал не понаслышке...

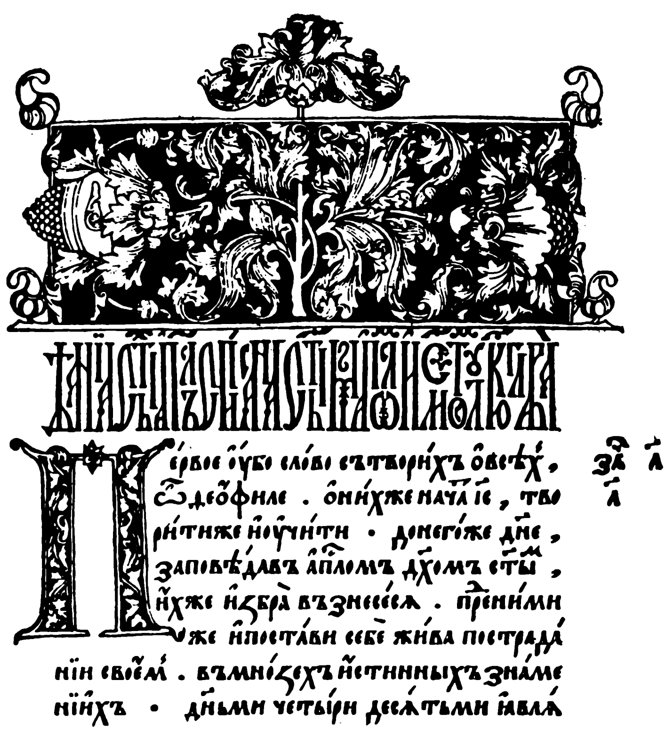
Келью Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре посетил (в 1553 году) Иван Грозный. Существует мнение, что они беседовали о книгопечатании. Доводы гуманиста окончательно убедили царя в необходимости организации этого дела в стране. Словом, Максим Грек немало сделал для пропаганды книгопечатания на Руси. Конкретизируя это положение, Е. Л. Немировский подчеркнул, что Максим Грек мог быть и консультантом, советчиком первых наших типографов или их патрона, каковым он считает Сильвестра. Не исключено, что Иван Федоров и Максим Грек были знакомы.

Таким образом, начало книгопечатания выпукло отразило и политику централизации власти, проводимую Иваном Грозным, и передовые идеи лучших представителей русского общества, видевших в книгопечатании могучее орудие просвещения.

Во главе первой государственной типографии в Москве, открывшей новый этап в истории отечественной культуры, становится Иван Федоров.

Еще сравнительно недавно бытовало мнение, что Иван Федоров — всего-навсего простой ремесленник, полуграмотный мастеровой, технический исполнитель чужой воли. Советские ученые убедительно доказали, что это был энциклопедически образованный человек, отважный

гуманист-просветитель, талантливый и проницательный педагог — создатель первых русских печатных учебных книг и вместе с тем художник, оформитель и редактор выпускаемых им книг. И ныне Иван Федоров предстает перед нами как выдающийся просветитель, гуманист, идеолог книги, передовой общественный деятель. Это человек новой эпохи, эпохи, по определению Ф. Энгельса, «величайшего прогрессивного переворота»,

Первое оубо слово сътворихъ о всѣхъ,
о Ѳеофиле. о нихже нача Іс, тво
рити же и оучити. до негоже дне,
заповѣдавъ апломъ дхомъ стымъ,
ихже избра възнесеся. пред ними
же и постави себе жива пострада
нии своемъ. въ мнозѣхъ истинныхъ знаме
ниихъ. днъми четыри десятьми являя

Страница «Апостола» 1564 г.

эпохи, «которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характера, по многосторонности и учености». И этот титан, великий русский гуманист XVI века свое жизненное предназначение, свои обязанности определил следующим образом: «Не пристало мне ни пахотою, ни сеянием семян сокращать время моей жизни, потому что вместо плуга я владею искусством орудий ручного дела, а вместо хлеба должен рассеивать семена духовные по вселенной и всем по чину раздавать духовную эту пищу».

Обе московские книги — «Апостол» и «Часовник» — свидетельствуют о том, что Иван Федоров превосходно владел техникой типографского дела: это издания блестящего мастера, умеющего на практике применять свои знания. Но нам не известно, что делал Иван Федоров до того, как приступил к оборудованию типографии и изданию «Апостола». Здесь можно лишь строить гипотезы.

Как показал А. А. Сидоров, Иван Федоров был хорошо знаком с европейской полиграфией, в том числе итальянской, испанской, немецкой, нидерландской, чешской, польской и, очевидно, сербской и белорусской.

...Работа по изданию книг в Москве у Ивана Федорова шла успешно. Как видно из послесловия к «Апостолу», книгопечатание было организовано по прямому указанию и при поддержке самого царя. Почему же Ивану Федорову и Петру Мстиславцу пришлось прекратить свою деятельность в столице Русского государства и отправиться в «незнаемые страны»? По этому поводу были созданы различные легенды о поджоге Печатного двора тайными врагами, о поспешном бегстве мастеров из Москвы. Сам Иван Федоров в послесловии к львовской книге 1574 года, названном им повестью, пишет: «Все это не напрасно начал я вам излагать, но по причине великих преследований, часто

испытанных нами не от самого государя, но от многих начальников и духовных властей и учителей, которые по зависти возводили на нас многие обвинения в ереси, желая добро обратить во зло и дело божие вконец погубить, как это обычно для злонравных, невежественных и неразвитых людей, которые ни в грамматических тонкостях навыка не имеют и духовным разумом не наделены, но без основания и напрасно распространили злое слово. Ибо такова зависть и ненависть, сама измышляющая клевету и не понимающая, куда идет и на чем основывается. Эти обстоятельства привели нас к изгнанию из нашей земли и отечества и от нашего рода и заставили переселиться в иные, незнаемые страны». И все же этот переезд из страны в страну — одна из загадок, которая ждет своего решения. Трудно не верить свидетельству самого первопечатника. Но как понять, задают себе вопрос исследователи, что Ивана Федорова принимает сам король (да чуть ли не на заседании сейма, в торжественной обстановке), затем приглашает в свой замок гетман Г. А. Ходкевич?

Видимо, поспешного бегства, да еще тайного — не было. Иван Федоров увез с собой часть типографского оборудования, уезжал он с сыном Иваном и Петром Мстиславцем. Для этого требовались две-три подводы. В условиях войны России с Ливонией проехать с таким обозом незаметно просто невозможно. Академик М. Н. Тихомиров утверждает, что в Литву первопечатник переехал добровольно по просьбе гетмана Ходкевича и с согласия царя Ивана Васильевича. Он был своего рода послом, цель его — распространение книжного просвещения среди белорусов и украинцев, населявших княжество Литовское, помочь им в борьбе против наступления католицизма и национального порабощения. Исходя из этого, писатель Николай Самвелян свой роман о последнем периоде жизни великого русского просветителя так и назвал «Московии таинственный посол».

И вот Заблудово. В этом небольшом местечке над рекой Мелетиной, где находился укрепленный замок гетмана Великого княжества Литовского Г. А. Ходкевича, Иван Федоров и Петр Мстиславец оборудовали типографию, возродив тем самым книгоиздание после выдающегося белорусского просветителя Франциска Скорины. Здесь напечатали они «Учительное евангелие» — книгу во многих отношениях примечательную. На страницах ее было помещено «Слово на вознесение» Кирилла Туровского — первый напечатанный памятник древнерусской литературы. Творчество Кирилла из города Турова было созвучно и близко Ивану Федорову. Привлекателен был и весь облик этого оригинального мыслителя и художника слова XII века, одного из наиболее значительных писателей домонгольского периода древнерусской литературы. Он рано увлекся «почитанием книжным», получил высокое по тому времени образование, учась у отечественных и иноземных книжников, познал все средневековые науки, превосходно владел словом, был блестящим проповедником. Его по праву называли «русским Златоустом».

«Учительное евангелие» имеет свои характерные особенности, которые привлекли гуманиста Ивана Федорова. В основе издания — недельные проповеди и поучения константинопольского патриарха Ионна Калеки, переведенные на славянский язык еще в 1407 году. В его поучениях содержатся не только напутствия верующим — в них и боль людей, которым грабительство, сребролюбие и высокомерие причиняют зло, и укоры всем тем, кто присваивает плоды чужого труда, и призыв к милосердию и заботам о бедных, больных, вдовах и сиротах. В текстах выражено земное, народное отношение к труду, который создает блага и оправдывает существование человека, леность же приводит к порокам. Такие демократические идеи совпадали с личными

взглядами Ивана Федорова. Первоначально Г. А. Ходкевич хотел эту «душеполезную книгу» издавать «на простом языке», но потом повелел печатать так, «как она была написана в древности».

«Учительное евангелие», напечатанное Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, пользовалось большой популярностью в России, на Украине, в Белоруссии, Литве, Румынии, где его перепечатывали; в Болгарии и Сербии — переписывали. В Заблудове Иван Федоров напечатал также «Псалтырь» с «Часословцем» — теперь уже без помощи Петра Мстиславца, переехавшего в Вильнюс. «Псалтырь» — наиболее распространенная религиозная книга, это поэтические гимны, приписываемые поэту и царю Давиду. На фронтисписе — его портрет. Чтобы подобрать необходимый образец для гравюры, мастер, а им был Иван Федоров, просмотрел много различных печатных и рукописных книг из числа тех, что имелись в библиотеке Г. А. Ходкевича.

В течение веков эта книга использовалась и для домашнего чтения, и для учебных целей. По ней, в частности, учился М. В. Ломоносов, назвавший ее в числе тех книг, которые были его «вратами учености». Долгое время в печатных Псалтырях и Часовниках помещались наставления по обучению детей грамоте, а также знаменитое «Сказание» черноризца Храбра, впервые напечатанное Иваном Федоровым в острожском «Букваре».

Книги, вышедшие из заблудовской типографии, сыграли большую роль в борьбе белорусского народа за утверждение национальной культуры.

Здесь уместно сказать, что на белорусской земле Иван Федоров, видимо, встречался с просветителем Симоном Будным — вторым, после Франциска Скорины, книгопечатником Белоруссии. В предисловии к одной из своих книг С. Будный повторил историю основания типографии в Москве (взял из «Апостола») и добавил:

«Знаю, что многие недавние ошибки они то друкари (Иван Федоров и Петр Мстиславец. — *А. Г.*), как сами мне сказывали, по старым книгам исправляли... Сделали то, что могли, за что им другие должны быть благодарны».

Деятельность первопечатника в Заблудове на этом закончилась: «Когда пришел он (Г. А. Ходкевич. — *А. Г.*) в глубкую старость», то «повелел нам работу прекратить» и «в селении за земледелием проводить жизнь этого мира». Тогда-то Иван Федоров и произнес знаменательные слова о том, что видит свое предназначение в том, чтобы рассеивать духовные семена во вселенной. Нелегко было ему отказаться от щедрого дара гетмана, но еще труднее — оставить свое искусство «делателя книг». Сам он об этом пишет так: «И в одиночестве, углубляясь в себя, я не раз смочил слезами свое ложе, размышляя обо всем этом, как бы не скрыть в земле талант, дарованный мне богом».

...Львов — следующий город, где «печатник из Московии» основывает свою собственную типографию. Здесь он напечатал «Апостол» и «Азбуку», о существовании которой долго никто не знал! Но именно при создании «Азбуки» особенно наглядно проявилась просветительная миссия первопечатника. В этой книге он обобщил достижения учебной практики предшествующих веков, создал методику первоначального обучения грамоте. Следовательно, он был не только составителем и издателем первого русского печатного учебника, но и выдающимся педагогом, методистом.

Специалисты тщательно изучили и подробно описали дошедший до наших дней экземпляр этой книги.

Напечатана «Азбука» в восьмую долю листа, состоит из пяти восьмилистных тетрадей и содержит, таким образом, сорок листов небольшого формата. Текст набран московским шрифтом Ивана Федорова и украшен пятью заставками и тремя концовками. Завер-

шается «Азбука» двумя небольшими гравюрами: на одной изображен герб Львова, на другой — типографский знак первопечатника. Над гравюрами слова: «Напечатано во Львове в 1574 году». Этому небольшому томику — первой в нашей стране светской печатной книге — было суждено положить начало истории российских учебников.

«Азбука» включала алфавит, всевозможные упражнения для обучения чтению, примеры спряжения глаголов и склонения существительных, тексты для закрепления навыков чтения. Это была, следовательно, книга для первоначального обучения славянской письменности. Так ее характеризует и сам первопечатник. Обращаясь к «возлюбленному и честному... русскому народу», он пишет, что труд этот был предпринят им «ради скорого младенческого научения». Иван Федоров далее просит принять книгу, а сам обещает еще потрудиться на этом поприще.

В отрывках, которыми завершается «Азбука», даны советы родителям, ученикам и учителям. Традиционные тексты Иван Федоров превращает в целенаправленную гуманистическую программу школьного образования, содержащую своеобразный свод моральных правил. Так, в обращении к родителям содержится совет воспитывать детей «в милости, в благоразумии, в смиреномудрии, в кротости, в долготерпении...». По словам академика М. Н. Тихомирова, Иван Федоров выступает здесь «провозвестником гуманной педагогики».

Две тысячи экземпляров учебника разошлись по городам и весям. Каждый из них помог овладеть грамотой нескольким поколениям учеников. «Азбука» в прямом смысле слова зачитывалась до дыр.

За четыре столетия сохранившийся экземпляр побывал в разных странах, переменил многих владельцев. В 1927 году «Азбуку» купил у букиниста в Риме известный антрепренер и искусствовед С. П. Дягилев, который восторженно писал, что «нашел потрясающую

русскую книгу». Впоследствии, уже после второй мировой войны, редчайшую книгу купил в Париже американский коллекционер Байард Л. Килгур и подарил ее библиотеке Гарвардского университета. Факсимильное воспроизведение «Азбуки» Ивана Федорова было опубликовано в 1955 году. В подзаголовке указывалось, что прокомментировал новооткрытый памятник Роман Якобсон, тот самый, который был в свое время упомянут Вл. Маяковским в стихотворении «Товарищу Нетте — пароходу и человеку»:

Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне
и смешно потел,
стихи уча.

Роман Якобсон, приятель дипкурьера Теодора Нетте, стал впоследствии профессором Гарвардского университета, он-то и приступил к изучению «Азбуки».

В нашей стране о ней впервые упомянул академик М. Н. Тихомиров в докладе на сессии АН СССР, посвященной 300-летию воссоединения Украины с Россией, а затем он же на страницах «Нового мира» выступил с рецензией на факсимильное издание «Азбуки». Он отметил, что в научный оборот введен крайне интересный и замечательный памятник, «обогащающий наши познания в области истории культуры СССР и мировой культуры». Столь же высоко оценил значение этого учебника А. А. Сидоров. По его мнению, он «в значительной мере изменил представление о роли, деятельности и личности Ивана Федорова». (Заметим, что в 1984 году стало известно еще об одном экземпляре львовской «Азбуки» Ивана Федорова: он переплетен вместе с «Азбукой» Василия Бурцова, изданной в 1637 году в Москве. Хранится в Британской библиотеке.)

Советские ученые, изучая «Азбуку», сделали ряд интересных открытий, высказали любопытные предположения. Вот лишь некоторые из них. На «Азбуке» имеется дата выпуска: «Напечатано во Львове года 1574». Но в том же году вышла в свет и другая книга печатника из Москвы — львовский «Апостол». Какая же напечатана раньше?

Отвечая на этот вопрос, доктор исторических наук Е. Л. Немировский выдвинул любопытную гипотезу. Проследим за его рассуждениями: «Азбука» оттиснута на бумаге с водяным знаком «тупая подкова», но такой же знак имеют и первые листы «Апостола»; это может служить косвенным указанием на то, что «Азбука» печаталась до «Апостола» или одновременно с ним, вернее, с первыми его листами; значит, делает вывод ученый, «именно «Азбука» и является первой украинской печатной книгой».

И еще. В. И. Лукьяненко тщательно проанализировала тексты для чтения, отобранные Иваном Федоровым из различных источников и помещенные в заключительной части учебника. Среди них западноевропейские элементарные учебники, латинские и польские «Алфавиты», труды сербских и болгарских грамматиков. Учтена была и русская рукописная традиция. Они, эти источники, лишний раз свидетельствуют о широкой образованности нашего первопечатника.

В. И. Лукьяненко сделала предположение, что «Азбука» составлялась не перед печатанием, а задолго до того (может быть, в Заблудове, а возможно, еще раньше — в Москве), иначе Иван Федоров воспользовался бы редакцией посланий, которую принял для своего «Апостола» 1574 года. Это пока не доказательство, а лишь предположение.

Ныне широко известна издательская марка Ивана Федорова. Впервые она появилась в сложной геральдической композиции, помещенной на обороте последнего

листа львовского «Апостола»; внизу подпись — «Иоанн Федорович друкарь Москвитин».

Как известно, Львов, куда прибыл Иван Федоров из Заблудова, преодолев «беды и невзгоды всяческие и самые злейшие», встретил его не очень приветливо. О своих унижениях, мытарствах и лишениях он рассказал в послесловии к львовскому «Апостолу». Сейчас оно считается мемуарным произведением, первым «воспоми-
нанием», напечатанным в нашей стране и отмеченным незаурядным литературным талантом. Иван Федоров поведал читателям, что он, стремясь создать и оборудовать типографию, не раз и не два, а многократно обращался к состоятельным горожанам, «склоняясь до земли, омывал ноги их от сердца идущими слезами», но так и «не упросил жалостными словами, не умолил многослезными рыданиями». В повести звучит благородный мотив: не для себя лично, не для своей выгоды просил он денег и предпочитал переносить «скорби и беды», лишь бы продолжить начатое дело.

Нашлись в городе «некоторые из меньших людей священнического чина да незнатные из мирян, которые подавали помощь». Основываясь на этом факте, писатель В. Прибытков в книге «Иван Федоров», вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей», делает допущение, что выпуск «Азбуки» — своего рода долг, который возвращал первопечатник простым людям. А Е. Л. Немировский на основе глубокого изучения документов, связанных с пребыванием Ивана Федорова во Львове, восстанавливает доброе имя одного из «незнатных мирян» — украинца-ремесленника, который изображался в литературе, особенно научно-популярной, «ростовщиком Сенькой Седельниковым», якобы опутавшим «Ивана Федорова ростовщическими сетями». Как выяснилось, Семен Седляр — ремесленник, изготовлявший седла, — был состоятельным, деловым человеком, имевшим, по словам Андрея Курбского, с которым был в пере-

писке, «искру божественного огня». Он не только выдал Ивану Федорову значительную ссуду, возврата которой не требовал до самой своей смерти, но и помог ему установить связи с краковскими изготовителями бумаги. Восстановил ученый и другие имена «малых» и «незнатных» горожан, пришедших на помощь Ивану Федорову.

И все же, несмотря на поддержку и все усилия вырваться из нужды, Иван Федоров не смог преодолеть финансовые затруднения. Типографию пришлось заложить... Из «преименитого града Львова» Иван Федоров переезжает в волынский город Острог — в родовое поместье князя К. К. Острожского, решившего издать полную славянскую Библию.

Это был очень плодотворный период в жизни первопечатника. В Остроге он издал пять из двенадцати своих книг. Сейчас в этом городе создан Музей истории книги и книгопечатания. Основу его книжного собрания составила коллекция из более чем 300 старопечатных и рукописных книг. Первое место среди них заняли издания Ивана Федорова.

Острог расположился на пересечении дорог на Москву, Варшаву, Киев, Львов. Прочные каменные стены и могучие башни замка Острожских надежно защищали от набегов крымских татар и турок.

При дворе князя образовался кружок высокообразованных людей, члены которого были проникнуты духом гуманизма и идеями Возрождения. Среди них, по словам украинского писателя Захария Копыстянского, — «ораторы, равные известному Демосфену... и другие разные ученые. Находились и доктора, просвещенные в греческом, славянском и латинском языках». Были также математики, астрономы и астрологи. Вот некоторые имена: редактор острожских изданий, полемист Герасим Смотрицкий — отец Мелетия Смотрицкого, автора «Грамматики»; писатель Василий Суражский;

поэт и литературный деятель Демьян Наливайко — брат известного руководителя крестьянского восстания на Украине Северина Наливайко; математик, философ и астролог Ян Литос; переводчик Иов Княгининский. В этот литературно-научный кружок вошел и Иван Федоров. Он общался с людьми, многие из которых знали труды Аристотеля и Платона, Николая Коперника и Мартина Лютера. В Остроге, а также в ряде других городов были созданы школы для начального обучения и высшее учебное заведение, ректором которого был ученый грек Кирилл Лукарис.

Имелась в замке и крупная по тем временам библиотека. В ней хранились печатные и рукописные книги, в том числе славянские первопечатные, вышедшие в Венеции, Праге, Кракове. Были здесь и рукописи московского происхождения, например «Беседы» Иоанна Златоуста в переводе ученика Максима Грека — Силуяна. Вполне возможно, что эту рукопись привез из столицы Московского государства Иван Федоров.

Из печатных книг, которые находились в замковой библиотеке К. К. Острожского, отметим трагедии Еврипида, греко-славянский словарь, речи Цицерона, греческую грамматику Кленарда. Сейчас они хранятся в Острожском музее-заповеднике. Их видел, читал, пользовался ими Иван Федоров, готовя к печати свои издания.

Хорошо известно, что в Остроге, в своей четвертой по счету типографии, Иван Федоров напечатал знаменитую «Острожскую библию», в основу которой лег новгородский геннадиевский «Кодекс», полученный из Москвы. Это первое полное издание Библии на славянском языке — превосходный образец типографского искусства.

Не уступает ему по мастерству и значению «Новый завет с Псалтырью» и первый в истории российской

словесности алфавитно-предметный указатель «Книжка, собрание вещей нужнейших». Составил ее друг Ивана Федорова, учитель острожской школы Тимофей Аннич.

«Новый завет с Псалтырью», пишет доктор философских наук А. Горфункель, «явился принципиально новым видом печатной книги: это было произведение печати, предназначенное исключительно для чтения. Об этом свидетельствует и ее формат, и примененный Иваном Федоровым мелкий шрифт, вовсе не пригодный для чтения во время церковной службы». Менее известно, что Иван Федоров издал листовку-календарь под названием «Хронология». Вслед за названием месяцев — двустрочные вирши белорусского поэта Андрея Рымши. «Хронологию» считают родоначальницей печатных календарей в нашей стране.

Недавно стало известно, что в Остроге была выпущена вторая «Азбука». Учебник, который почти четыреста лет назад держал в руках русский первопечатник, хранился в прославленной библиотеке старинного тюрингского города Гота. Два десятилетия назад его обнаружил молодой немецкий славист Гельмут Клаус и включил в свой каталог славянских книг; он дал краткое описание «Азбуки», а в приложении воспроизвел титульный лист.

Что представляет собой эта «Азбука»? Ее формат чуть больше листка отрывного календаря наших дней. Напечатана четырьмя славянскими и двумя греческими шрифтами; переплет, изготовленный значительно позднее, состоит из деревянных дощечек, соединенных кожаным корешком. В «Азбуке» пятьдесят четыре листа...

На титульном листе в рамке из наборного орнамента помещен текст: «Всесильною десницею вышняго бога, умышлением и промышлением благочестивого князя Константина Константиновича Острожского воеводы Киевского, маршалка земли Волынское, старосты Володимирского повелевшу ему устроити дом на дело книг

печатных. К тому же еще дом и детям к научень.. в своем отчизном и славном граде Острозе... И избравши мужей в божественном писании искусных, в греческом языке и в латинском паче же и в русском и пристави их детишному училищу. И сея ради вины напечатана сия книжка по гречески «Альфа вита», а по русски «Аз буки» первого ради научения детского многогрешным Иоанном Феодоровичем».

Из этого текста мы узнаем, что князь Острожский основал школу — «треязычный лицей». Одно время им руководил Герасим Смотрицкий. Азбука и была здесь первым учебником. В ней помещен греческий алфавит, русские названия греческих букв, греческие и славянские тексты, идущие параллельно. Затем — славянская азбука, имеющая в отличие от львовского издания, заголовок. Вязью написано: «Начало учения детям», а далее набором: «хотящим разумети писание». Самое примечательное заключается в том, что на последних страницах Иван Федоров опубликовал «Сказание о письменах» черноризца Храбра, рассказ о том, как Кирилл Философ впервые составил славянскую азбуку и перевел греческие книги на славянский язык. Существует предположение, что это «Сказание» в рукописном варианте подарили Ивану Федорову монахи Рильского монастыря, и он впервые опубликовал этот драгоценный памятник, созданный в Болгарии в IX веке.

От «Азбуки» 1578 года сохранились два удачно дополняющих друг друга экземпляра — один в Копенгагене, другой, как уже отмечалось, в Готе (ГДР). Учитывая уникальное значение, которое имеет для истории отечественной культуры эта «Азбука», издательство «Книга» выпустило факсимильное издание «Острожская «Азбука» Ивана Федорова 1578 г.». Издание подготовил Е. Л. Немировский. Он восполнил утраченные листы в экземпляре из Готы по копенгагенскому экземпляру и восстановил первоначальный облик книги.

Здесь уместно сделать небольшое отступление и сказать, что Иван Федоров не только поддерживал деловые связи с людьми, жившими в разных городах и странах, —он сам совершал путешествия в Краков, Луцк, Вену, побывал в Валахии и Турции, в предгорьях Альп и на Дунае. В последний период жизни Иван Федоров, собирая средства для открытия новой типографии, занимался разными ремеслами и прежде всего — литейно-

ружейным делом. В Вене, например, он демонстрировал императору Рудольфу II свое изобретение — многоствольную мортиру.

...Год за годом пополняются знания о жизни и деятельности Ивана Федорова, о выпущенных им книгах. Добываются все новые и новые факты, строятся гипотезы, которые, в свою очередь, или доказываются неопровержимыми фактами, или отвергаются. А это требует много сил, времени, знаний, мастерства, кропотливого и целеустремленного поиска. Вот хотя бы один пример. Предполагают, что Иван Федоров уже в Москве подготовил и издал первую свою «Азбуку», хотя ни одного экземпляра ее до сих пор не найдено. Чтобы проверить гипотезу, решили изучить так называемые анонимные азбуки, напечатанные без указания времени и места издания. Одна из них «Начало учения детям, хотящим разумети писание», хранится сейчас в Кембридже. Многое в ней напоминает федоровские учебники. Она имеет 52 листа малого формата, шрифт копирует московский шрифт Ивана Федорова, содержание тоже во многом совпадает с острожской «Азбукой». Рукописный перечень книг в экземпляре Кембриджа позволил ряду ученых установить примерную дату рождения этой «Азбуки» — 1563—1577 годы. Американский ученый В. Джексон, основываясь на тщательном исследовании шрифта, сделал вывод, что он отлит не с тех матриц, что московский шрифт Ивана Федорова. Советский ученый А. С. Зернова не только поддержала этот вывод, но указала

на то, что набор кембриджской анонимной «Азбуки» сделан неквалифицированным мастером, а литеры не держат линии. И вот окончательный «приговор»: «Азбука» из Кембриджа «Начало учения детям, хотящим разумети писание» напечатана в Остроге после 1580 года мастерами, которые продолжили издание книг в этом городе после Ивана Федорова.

Открытие азбук, подготовленных и изданных нашим первопечатником, не случайно названо сенсационным — оно позволило дополнить представление о замечательном человеке, который на протяжении всей своей многотрудной жизни «рассеивал духовные семена».

Еще одна чрезвычайно привлекательная гипотеза, выдвинутая Е. Л. Немировским. В журнале «Советское славяноведение» он опубликовал материал под названием «Первопечатник Иван Федоров в Краковском университете». Просматривая канцелярские журналы университета, в которые записывались имена студентов, удостоенных ученых степеней бакалавра или магистра, на одной из страниц он встретил запись «Иван Федоров Москвитин». Еще польский историк книги Анна Левицкая-Каминьская установила, что в журнале, в котором записывались имена студентов при их поступлении в университет, под годом 1529 фигурирует Иван Федоров. Немировский напоминает, что в 20-е годы XVI столетия в Краковском университете студенты, кроме латыни, изучали греческий язык и литературу, и называет имена ряда профессоров: Антоний из Напахатание читал лекции об «Илиаде» Гомера, Ян из Вроцлава комментировал Еврипида, Валерий Пернус — Ксенофонта. Делает автор публикации и косвенные сопоставления: Иван Федоров хорошо знал книги, напечатанные в Кракове в тот период, и в бытность свою во Львове и Остроге поддерживал деловые связи с Краковом. Гравюры для львовского «Апостола», например, выполнял краковский мастер.

Разумеется, факт пребывания Ивана Федорова в Краковском университете в качестве студента требует дополнительного и более обстоятельного изучения. Но сама гипотеза не противоречит нашему представлению об Иване Федорове. И как знать, может быть, в ближайшие годы новые данные подтвердят ее, и тогда в биографической справке первопечатника в графе «образование» будет написано: «Окончил Краковский университет в 1533 году».

Скончался Иван Федоров 5 декабря 1583 года, на его могиле в Онуфриевском монастыре воздвигнута плита с надписью: «Друкарь книг пред тем невиданных».

Таков был великий сеятель славянской культуры, человек, стоящий у истоков отечественного книгопечатания, внесший неоценимый вклад в развитие русской, белорусской и украинской культуры. И чем больше времени отделяет нас от эпохи Ивана Федорова, тем больше мы сознаем значение его творческого подвига, тем ярче прорисовывается его многогранный образ. Мы восхищаемся мужеством Ивана Федорова, разносторонностью его дарований, глубиной сознания. Он был великим энциклопедистом-просветителем, талантливым литератором и педагогом, крупным инженером-изобретателем, человеком могучей воли и острого ума.

Имя Ивана Федорова по справедливости называют среди имен величайших представителей нашей Родины.

Семена духовные, посеянные Иваном Федоровым, дали обильные всходы.

Глава десятая

«Чернец великого ума и остроты ученой»

Для начала приведем два кратких сообщения. Первое: в 1641 году «родился дядюшка Сильвестр генваря в 27 день в среду, в день во время обедни, имя наречено февраля в третий день». Второе: 11 февраля 1691 года в Москве на Красной площади против Спасских ворот Сильвестр Медведев «за многая бо злодейственная своя умышления главоотсечен бысть. Тело его погребено в яме близ Покровского убогого монастыря».

Между двумя датами — пятьдесят лет. Жизнь человека. Такая — по современным меркам — короткая. И такая продолжительная по представлениям средневековой Руси. Огромная, если судить о ней не только по количеству прожитых дней, а по величию свершенных дел. Необыкновенно много успел за свою жизнь Сильвестр Медведев — выдающийся просветитель XVII века.

...Это была мятежная эпоха. Не угасало грозное зарево народного протеста. Первые его сполохи затрепетали в самом начале — Иван Болотников. Мощными толчками сотрясали страну волнения крестьян и городские бунты — «чумной», «медный». Наконец — огненная лава крестьянской войны, предводимой Степаном Разиным.

Зримо пробиваются ростки неудовлетворенности привычными, дедовскими формами жизни. Главную их освятительницу — церковь — постигает драма раскола. Патриарх Никон восстает против царской опеки, а мятежный протопоп Аввакум борется с официальной церковью.

На земских соборах спорят о лучшем устройстве государственных дел — и усугубляют тяжелое положение народа. На церковных соборах ратуют за упрочение роли и авторитета церкви — и лишают ее целостности. Необходимость развития торговли и промышленности вынуждают приглядываться к научному и техническому опыту Запада, а религиозный провинциализм и житейская косность велят чураться его, «аки наваждения диавольского».

Противоречия пронизывают, раздирают эпоху. Но и создают ее. В них рождаются небывалые еще для русских людей прозрения. Изменяющиеся экономические отношения, новые потребности и запросы ведут к выдающимся географическим открытиям на Востоке и на Севере и к открытиям иного рода — социальным и духовным. Именно в XVII веке впервые, может быть, народные массы начинают осознавать свою роль.

И параллельно идет иное постижение: ценности личности с ее правом на свой внутренний мир, что особенно ярко выразилось в литературе.

Общий «дух мятежа» проникает и в область культуры. Существующая система образования перестает удовлетворять потребности общества. Явственно ощущается нехватка научных знаний. Новые проблемы встают перед архитектурой и церковной живописью. При внешнем господстве традиции наблюдается мощное глубинное движение и в литературе. Она заметно расширяет поле своего зрения, все чаще обращается к злободневным вопросам. Значительно увеличивается приток переводной литературы.

Вот в такое неспокойное время и протекала деятельность Сильвестра Медведева — по воле судьбы он оказался в центре острейшей идейной борьбы. Обстоятельства, время — все это, бесспорно, сыграло свою роль; но немаловажно и то, что высокого положения Сильвестр Медведев добился трудом и природным даро-

ванием, сильной волей и неукротимой жаждой знаний. В полном смысле слова он относится к числу тех людей, тогда весьма немногих, которые сами себя сделали...

Крайне мало известно о детских и юношеских его годах. Установлено, что родился он в селе Новоселки — в сорока верстах от Курска. Его отец Агафоник Медведев при своей бедности сумел дать сыну первоначальное образование. Где именно учился — в родном ли селе или в Курске, в каком монастыре, у кого — не выяснено.

С шестнадцати лет Сильвестр служил в курской Губной избе писарем. Здесь-то и состоялась встреча расторопного сообразительного юноши Медведева с крупным государственным деятелем — думным дьяком Семеном Ивановичем Заборовским, главой Разрядного приказа. Приказ ведал служилыми людьми, военным управлением, южными районами государства, руководил военными действиями, назначением полковых и городских воевод, а также пограничной службой.

Эта встреча определила всю дальнейшую жизнь Сильвестра Медведева, его «путь наверх». Думный дьяк взял юношу с собой в Белгород, а затем — в столицу и принял его в свой Разрядный приказ. Но какими-то неведомыми путями уже через год Медведев — подьячий Приказа тайных дел, где прослужил свыше десяти лет, до 1670 года. Не перечисляя всех дел, которые были в ведении Приказа, заметим, что занимались здесь — впервые в русской истории — и проверкой всех изданий московского Печатного двора, а также изданий киевской и львовской печати. Для этой цели в Приказ поступал обязательный экземпляр каждой выходящей в свет книги. Кроме того, из всех церквей государства изымались книги, считавшиеся устаревшими, и присылались в Приказ тайных дел для замены новыми. Еще один штрих: одобренные

издания, отлично переплетенные, Приказ рассылал придворным, воеводам, в монастыри в качестве царских подарков. Таким образом, молодой подьячий сразу же окунулся в книжный поток страны.

И вот — новая встреча. На этот раз с выдающимся писателем и педагогом Симеоном Полоцким, незадолго до того прибывшим в Москву по приглашению царя Алексея Михайловича. Это был, как заметил в своих «Записках» историк времен М. В. Ломоносова П. Н. Крекшин, «муж, исполненный разумом просвещения, знавший звездное течение и многое, как о России, так и о других государствах предвещавший». К нему-то в 1665 году был направлен Сильвестр Медведев с двумя другими подьячими в учение «по латыни и грамматике». Ученики поселились в Заиконоспасском монастыре, что расположился недалеко от Кремля, и жили вместе со своим учителем. Под руководством Полоцкого Медведев получает хорошее образование. За три года он изучил латинский, польский, греческий и немецкий языки, риторику и пиитику, ознакомился с историей, богословием и философией. В эти годы он много читал, приобретал книги, а те, которые нельзя было купить, собственноручно переписывал.

Медведев становится не только любимым учеником Симеона Полоцкого, но и его единомышленником, другом и духовным наследником.

В годы ученичества Сильвестр Медведев создал изумительный для своего времени библиографический труд «Оглавление книг, кто их сложил». Здесь он выступает как опытный библиограф во всеоружии знания дела. Это не регистратор, не каталогизатор, какие были прежде, а именно библиограф и притом, как мы увидим далее, выдающийся. Настолько, что впоследствии его назвали даже «отцом русской библиографии»! Именно он создал первую русскую «книгу о книгах». В ней отражены почти все созданные к тому времени памят-

ники славяно-русской письменности. «Оглавление» — это указатель сочинений 204 авторов, а также составителей духовных и светских книг, своего рода репертуар, имеющий общенациональный характер. Характеризуя приемы работы Сильвестра Медведева, В. Н. Ундольский, опубликовавший «Оглавление» в 1846 году, писал: «Медведев с чрезвычайной точностью и сжатостью описывал книги. Ни одного ненужного слова, ни одного излишнего замечания. Перечтите все его известия о сочинителях, переводчиках и издателях книг, и вы не найдете и тени той пустой фразеологии и ненужных рассуждений, какие видите в других его сочинениях. Здесь он настоящий библиограф: точен, формален, всегда ровен и верен себе».

Тщательно, например, описал Медведев сочинения и переводы Максима Грека. Вначале помещена его краткая биография. Далее указан сделанный Греком перевод «Толковой Псалтыри», приведены имена помощников в переводе, а затем перечислены все двадцать два толкователя «Псалтыри». Столь же обстоятельно дано обозрение всех других трудов Максима Грека.

При описании печатных книг Медведев неизменно указывал год, место издания, типографию и число листов или страниц. Кроме сведений об авторе, приводил биографические данные об издателе и переводчике.

Медведев попытался создать такое справочное пособие, пользуясь которым можно узнать, «кто которую книгу сложил и написал». «Оглавление» сопровождается указателем имен и предметным.

Для каких конретно целей создавался этот библиографический труд, кто им пользовался — на эти и многие другие вопросы ответа пока нет.

...Между тем служба в Приказе тайных дел продолжалась. Известно, что Медведев принимал участие в миссии главы Посольского приказа А. Л. Ордина-Нащокина, ведшего в Курляндии переговоры с поль-

скими и шведскими дипломатами. Эта поездка, бесспорно, обогатила духовно молодого подьячего. Чего стоило, например, довольно длительное общение с Ординым-Нащокиным, который был не только дипломатом, но и большим библиофилом, обладателем значительного книжного собрания. Напомним, что Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин получил хорошее образование, знал иностранные языки, владел риторикой, любил математику. Он был ревностным сторонником преобразования России в экономической и военной областях. По его инициативе была организована почтовая связь между Москвой, Ригой и Вильнюсом. При нем, наконец, стала регулярно выходить рукописная газета «Куранты».

Казалось бы, у Сильвестра Медведева все идет прекрасно: успехи по службе, материальная обеспеченность, постоянное общение и совместная работа с Полоцким... Но неожиданно он все бросает и удаляется в монастырь. Произошло это после встречи Сильвестра с настоятелем Молченской путивльской пустыни Софонием. Вместе с ним он и уехал в пустынь, место, по словам Медведева, богатое «красотою, уединением и изобилием». Многие исследователи пытались по-разному объяснить его шаг. Наиболее верным представляется мнение историка И. Е. Забелина: «Как умный и дальновидный человек, он хорошо понимал, что удаление от мира и его молвы гораздо вернее и скорее может приблизить его к тому независимому положению в мире, какого по справедливости искала его ученость и требовали его дарования». И действительно, в средневековой Руси монастыри давали возможность в тиши и относительной безопасности заниматься творчеством.

Но как только в Молченскую пустынь стали прибывать новые поселенцы-иноки и всевозможные гости, нарушавшие желаемое уединение, Медведев перешел в другую, более тихую Словенскую пустынь, где прожил «неколикое время», а затем перебрался в один из

курских монастырей. Во всех этих монастырях он напряженно работает, размышляет, углубленно изучает философию, в своих письмах, в том числе и к Симеону Полоцкому, часто просит присылать ему книги, среди них упоминаются и сочинения Аристотеля.

После пяти лет отшельничества Сильвестр Медведев вернулся в Москву. Устраниться от мирских дел ему так и не удалось: через посредничество своего учителя

Медведев встретился с царем Федором, и лишь после приказания самого царя Медведев остался в Москве. Сам Медведев писал об этом так: Федор Алексеевич «благоволил не единократно приказать мне жить в Москве». Поселился он в Заиконоспасском монастыре, где ему, как «приказал-пожаловал» царь, дали «богатейшую келию», находившуюся рядом с покоями Симеона Полоцкого. Такое соседство, постоянное общение еще больше сблизили ученика и учителя, их дружба перешла в крепкий, нерасторжимый союз. По свидетельству Медведева, он «словом и делом купно работал со своим прелюбезным господином, пречестным отцем Симеоном».

«Чернец великого ума и остроты ученой», как называли Медведева современники, снова в центре политической и культурной жизни страны.

Как бы наверстывая упущенное, он усиленно, с ненасытной жадностью читает книги, пополняя и без того уже довольно солидное образование. В его распоряжении хорошо укомплектованная библиотека Полоцкого. На многих книгах остались пометки Медведева. С особым «превеликим душевным весельем» изучал он труды своего учителя.

Сильвестр Медведев собирает и свою библиотеку, которая к концу его жизни насчитывала примерно 1000 томов на русском, латинском, греческом и польском языках. По числу представленных в ней произведений она была едва ли не самой богатой частной библиотекой XVII века и лишь незначительно уступала

крупнейшим государственным и монастырским книгохранилищам Московского государства. Выдерживает она сравнение и с аналогичными собраниями ученых и писателей европейских государств. Так, библиотека известного польского ученого, врача и историографа, профессора Краковской академии Яна Иннокентия Петриция насчитывала около 500 томов. На своих книгах Сильвестр Медведев оставлял владельческий знак — как правило, размашистую запись, выполненную красными чернилами кириллицей, реже — ровную запись латиницей по-польски или по-латыни. Четверть книг — светского содержания: литература по истории, филологии, философии, медицине, географии, математике. Среди них — «История Византии», «Хроника польского государства», книга об Александре Македонском, сочинения Тита Ливия, Иосифа Флавия, Плутарха. Было много различных лексиконов. Почетное место в собрании книг занимали произведения Аристотеля, Сенеки, Цицерона, Плиния, Овидия, Плавта, Эзопа, Эразма Роттердамского. Среди медицинских пособий — сочинения Галена, различные травники; далее — труды по географии, геометрии, юридическая литература...

Но чтение и собирание книг — не самоцель, он хотел быть на высоте положения в идейной борьбе своего времени. Медведев усердно помогал своему стареющему, теряющему зрение учителю в его занятиях, вел обширную переписку, редактировал его произведения. Медведев набело переписал, например, восемь бесед Полоцкого, делая поправки, вставки, пояснения. От напряженной творческой работы «ум его озарялся и просвещался».

С особым удовольствием он готовил к изданию произведения Полоцкого. Выпускал их в свет не московский Печатный двор. В то время в Москве, на территории Кремля, действовала дворцовая — Верхняя — личная типография царя Федора Алексеевича. Ее

создали специально для печатания произведений Полоцкого, который был здесь, по свидетельству его биографа, «полномочным и совершенно бесконтрольным распорядителем». Из-под печатного станка этой типографии выходили исключительно светские книги, выходили без разрешения патриарха, что означало свободу от духовной цензуры. Все книги — пышно оформлены, в них впервые в России появляются фронтисписы. Вопросы

оформления изданий Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев обсуждали с художником, лидером прогрессивной, «светлой», живописи Симоном Ушаковым, который принимал участие в оформлении четырех книг Полоцкого. Все это — и отсутствие духовной цензуры, и светский характер содержания, и богатство оформления — позволило советскому книговеду Н. П. Киселеву сказать, что «в последней трети XVII столетия Верхняя типография и ее продукция были оазисом среди пустыни сплошь литургической печати, выпускавшейся Печатным двором во все больших количествах».

Но это не все. Медведев — ревностный сторонник «западника» Полоцкого — становится энергичным участником религиозно-политической борьбы, а после смерти своего учителя возглавил эту борьбу. На первый взгляд схватка между «западниками» (партия латинствующих) и грекофилами (старомосковская партия) велась по частному богословскому вопросу. Но фактически спор шел о путях и формах просвещения в России. Сильвестр Медведев был горячим сторонником «западнических» образовательных традиций. В эту пору сорокалетний Медведев как бы обрел вторую молодость. Начался подлинный расцвет его творчества. Он — придворный ученый и стихотворец; настоятель Заиконоспасского монастыря и учитель им же восстановленной школы при этом монастыре; справщик московского Печатного двора и автор объемистых богословских трактатов, редактор труда по истории стрелецкого восстания...

Справщик Печатного двора... Одной этой должности достаточно, чтобы войти в историю русской культуры. В то время справщики — наиболее просвещенные люди, которые, как говорится в царской грамоте, «подлинно и достохвально извычны книжному делу и громотику и риторику умеют». В другом документе — о распределении обязанностей на Печатном дворе — отмечалось, что «должность справщиков исправлять книжное правление, дабы в печатании книжном каковых погрешностей не было...». Исправление проводилось «по книгам харатейным добрых переводов древних». Словом, это были научные редакторы и корректоры.

В течение всей истории московского Печатного двора здесь справщиками работали самые образованные люди России. Так, в XVII веке эту должность исполняли Арсений Суханов, Епифаний Славинецкий, Карион Истомин, Федор Поликарпов... Епифаний Славинецкий был писателем, поэтом, проповедником. Он перевел труд Андрея Везалия по анатомии, четырехтомное произведение Блеу, где излагалась сущность учения Коперника. Его привлекал и трактат Эразма Роттердамского по педагогике, и книга о казни короля Карла I. Всего же он перевел на русский язык около трех десятков иностранных произведений, значительная часть их — светского содержания. Составил Епифаний Славинецкий и лексиконы: греко-славяно-латинский, «филологический», написал свыше пятидесяти всевозможных поучений — «Слов».

К числу образованнейших людей того времени относится и справщик Карион Истомин, пришедший на московский Печатный двор одновременно с Сильвестром Медведевым. Автор разнообразных догматических, проповеднических и исторических сочинений, Карион Истомин особенно дорог тем, что создал новаторские для Московского государства педагогические произведения, в том числе совершенно необыкновенные

буквари. Один из них — Лицевой — не имеет ни молитв, ни назидательных наставлений. Занимательные и яркие рисунки сопровождаются стихами Кариона Истомина. Каждой букве отведена отдельная страница, на ней помещены красочные заглавные буквы с различными украшениями, здесь же — строчные латинские буквы. Ниже изображены предметы и животные, названия которых начинаются с данной буквы. Карион Истомин попытался воплотить в жизнь идеи, разработанные выдающимся чешским педагогом Яном Амосом Коменским. Букварь гравирован на меди талантливым мастером Леонтием Буниным, предназначался он как для мальчиков, так и для девочек, что тоже было новшеством.

Поэт Карион Истомин широко использовал стихи для популяризации знаний. В иллюстрированной книге «Полис», написанной стихами, дана характеристика двенадцати различных наук.

С такими высокообразованными людьми постоянно общался Сильвестр Медведев, вместе с ними работал, обсуждал жизненно важные проблемы, вел литературную полемику, или, как тогда говорили, «любопрения». Кстати, именно с Полоцкого и Медведева начались в нашей стране литературные споры; они же создали и первый литературный кружок, своего рода писательскую общину.

К моменту прихода Сильвестра Медведева на московский Печатный двор Правильная палата — средоточие тогдашней учености — была тесной, полутемной, дневной свет едва сочился из трех «оконниц слюдяных». Здесь же ютилась библиотека, где справщики могли найти необходимые сведения.

Нет никакого сомнения в том, что поэт и публицист Медведев заинтересовался судьбой этого довольно крупного по тем временам книжного собрания. Первое упоминание о нем относится к 1620 году, когда все книги помещались в одном коробе. Это не удиви-

тельно, если вспомнить, что типография и библиотека при ней сгорели во время литовско-польской интервенции. Лишь постепенно, год за годом фонд стал увеличиваться; книги затребовали из монастырей, покупали у частных лиц. Известно, например, что в 1622 году попу Василию заплатили пять рублей «за Евангелье печатное старое в переплете без поволочки в досках». В 1626 году в Овощном ряду купили для Печатного двора «Служебник» и «Минею», примерно в то же время приобрели для справщиков «Библию», изданную Иваном Федоровым в 1580 году в Остроге. Тогда же была куплена хорошо известная «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, напечатанная в 1619 году. Пройдет некоторое время и Печатный двор выпустит второе издание этой замечательной книги.

Книгам в коробе стало тесно, поэтому в 1633 году для их хранения купили сундук. Приобретал московский Печатный двор и рукописи, но, к сожалению, не для хранения, не для чтения, а для уничтожения. Старые пергаментные рукописи шли на оклейку тимпанов. Даже заглавия погибших памятников культуры не сохранились. Указывалась лишь сумма, иногда количество книг: «У попа воскресенского Василия... купили 80 пергаментных книг за 80 р.»

Первая опись книг относится к 1649 году. Это — чрезвычайно любопытный документ. В нем, например, отмечалось, что в Правильной палате было немало «черных кавычных розных полных и неполных и в россыпи, драных и гнилых, печатных и харатейных книг, которые были в переводе у справщиков прошлых лет». Всего насчитывалось: печатных книг — 118, рукописных — 30. Существует вполне обоснованное мнение, что в основном это была «подсобная литература», та, которая требовалась в повседневной деятельности Печатного двора. «Драные и гнилые» экземпляры, бывшие в «переводе», — это книги, которые служили

оригиналом для набора. Сами эти образцы назывались справными или кавычными книгами. Но и на них справщики делали заметки, исправляли ошибки, вкравшиеся «не исправлением от преписующих и многолетних обычаев». Исправление проводилось «по книгам харатейным, добрых переводов древних».

С годами фонд стал пополняться более интенсивно. Почти пятьдесят книг поступило из числа

тех, что привез с Востока известный московский иеромонах Арсений Суханов. Часть рукописных и печатных книг, приобретенных патриархом Никоном в Новгороде, также попала на Печатный двор. Затем в библиотеку поступило сразу около сотни книг и рукописей — славянских и греческих — из Посольского приказа. Наконец, в 1677 году столько же книг было куплено на сумму по тем временам огромную — 300 рублей. Среди них — «Лексикон» Калепина на 11 языках, лексикон греко-латинский, произведения Иоанна Дамаскина. К моменту назначения Медведева справщиком библиотека насчитывала уже свыше шестисот всевозможных книг.

Знакомый с произведениями Аристотеля и Цицерона, Сильвестр Медведев, бесспорно, заинтересовался светскими произведениями. А здесь были лексиконы, лечебники, хронографы, сочинения Гомера, Иосифа Флавия, Аристотеля, грамматики, «Летописец» греческий, «Синопсис», «Словеса приточные внешних философов».

На первый взгляд обычный, естественный процесс развития: постепенное пополнение фонда, появление литературы светского содержания, книг на иностранных языках. Во второй половине XVII века в России существовали библиотеки и возрастом постарше, и фондом побогаче. Но есть некоторые приметы, позволяющие говорить о типографской библиотеке как об удивительном для того времени хранилище. Прежде всего — помещение. В подавляющем большинстве сво-

ем до начала XVIII века книжные собрания не имели специально построенных зданий. Историк книжного дела М. И. Слуховский в насыщенном фактами и наблюдениями исследовании «Русская библиотека XVI—XVII вв.» показал это достаточно убедительно. Приведем некоторые примеры. Библиотека в Чудовом монастыре Московского Кремля содержалась «под сводами южного входа», библиотека суздальского Покровского монастыря на-
ходилась в ризнице, боровский Пафнутьевский монастырь держал библиотеку на втором этаже колокольни. Иногда книги размещались в башнях крепостных оград. Создатели древних библиотек стремились так разместить книжный фонд, чтобы его можно было сохранить от стихийных бедствий и грабителей. О защитных мерах против любителей поживиться чужим добром можно судить по такой записи: «Двери в книгохранительную на железных крючьях, зади двери прибит заслон ради крепости. У дверей на пробоех замок смычевой». Иногда книги спускались в подвальные помещения. Так было в святогорской Успенской пустыни, в новгородском Юрьевом монастыре, а также в Кремле — часть книг Бориса Годунова хранилась в «большом погребе». Книжное собрание с архивом Ф. П. Строганова из рода промышленников-библиофилов лежало в Соли Вычегодской в подвалах Благовещенского собора «под соборной церковью». Только библиотека московского Печатного двора получила специально построенное для хранения книг помещение.

Как уже отмечалось в конце XV века под наблюдением архиепископа Геннадия был осуществлен перевод Библии (всех книг Ветхого и Нового заветов) на славянский язык. В тексте геннадиевской Библии, по-видимому, впервые в нашей стране употреблено слово «библиотека». Слово это для русских людей было еще непривычно, поэтому против него на полях стоит пояснение — «книжный дом». Почти двести лет потребо-

валось на то, чтобы вслед за этими словами появился и сам «книжный дом» — библиотека Печатного двора. Особое здание для библиотеки распорядился построить царь Федор. Одну из древних палат у городской стены разобрали, а на ее месте в 1679 году воздвигли с царским размахом новое каменное двухэтажное здание, роскошно отделанное. Стены, своды, двери были расписаны красочными узорами, стекла окон расцвечены. Для работы мастерам были щедро отпущены лучшие краски, золото и серебро. Внутренние помещения украшал придворный иконописец Леонтий Иванов «со товарищи».

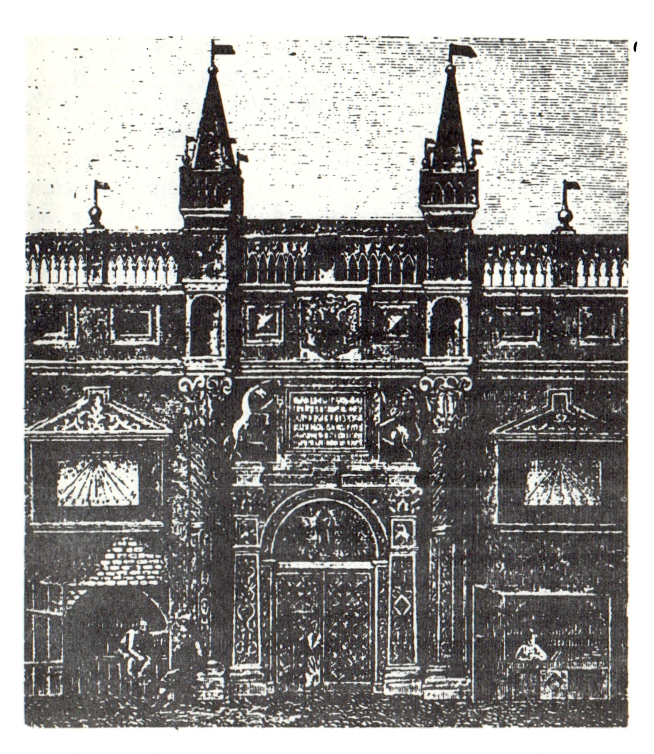
Книги размещались в чуланах на полках, наиболее редкие и ценные хранились в ларцах.

Печатный двор превратился в крупное предприятие. В большом каменном здании стояло двенадцать станов, работало 165 человек. Вокруг главного помещения расположились специальные избы — словолитня, кузница, столярная мастерская, рисовальня, переплетная мастерская.

Вскоре была устроена при Печатном дворе и греческая школа, которую возглавил просвещенный иеромонах Тимофей.

Исследователи неоднократно высказывали предположение, что Сильвестр Медведев был не только справщиком, но и книгохранителем библиотеки Печатного двора, однако никаких доказательств тому нет, да и вряд ли при своей интенсивной творческой работе он смог бы выполнять нелегкие обязанности библиотекаря. Сохранился документ, который определяет круг этих обязанностей. Изложены они ярко и эмоционально: «Имею я от той книгохранительной службы великую суету и попечение для того, что всякие книжные переводы сыскиваю и отдаю наборщикам к тиснению книжному; а как из дела выйдут и те книжные переводы, и нововыходные книги я же збираю

в Книгохранительную палату. Да и справщики спрашивают в Правильную палату безпрестанно для всякого книжного правления и для свидетельства в книжном правлении всякие книги иноязычные и славянские. Да с Печатного же двора из библиотеки велено школьным учителям давать всякие книги для школьных их потреб и от того мне великая суета и попечение».

Московский Печатный двор в середине XVII в.

Нет, по всей видимости, Сильвестр Медведев в эти годы не был и не мог быть книгохранителем, не мог он взять на себя такую «великую суету и попечение». И тем не менее он невольно связал себя навсегда с этой замечательной библиотекой. Не знал «чернец великого ума и остроты ученой», что после печальной кончины собранные им книги вольются в состав библиотеки Печатного двора и вдвое увеличат ее фонд.

...Выполняя обязанности справщика, Сильвестр Медведев вместе с Карионом Истоминым подготовил к печати, тщательно отредактировав, знаменитый «Апостол», который в свое время был выпущен в свет Иваном Федоровым. (Здесь уместно напомнить, что долгое время в библиотеке московского Печатного двора не было ни одного экземпляра из числа тех, которые подготовил наш первопечатник. О том, как один экземпляр точно датированной первопечатной книги попал в свою колыбель, сообщает старинный документ, излагающий волю Петра I: «Книга великого Государя казенная, взята из Книгохранительной палаты Чудова монастыря для того, что она первого издания печатным тиснением. И от той книги почала быть Московская книжная типография, и отдана в Книгохранительную палату, потому что на Печатном дворе в Книгохранительной палате такой книги не было. Закрепил ее по листам дьяк Андрей Михайлов нынешнего 206 года (1695) ноября в 3 день».) Справщики выполнили свою работу с таким глубоким знанием дела, что вплоть до начала XIX века это издание считалось образцовым.

Долгое время предполагали, что Сильвестр Медведев — автор исторического труда о стрелецких бунтах «Созерцание краткое лет 1681 и 1682, в них же что содеяся в гражданстве». Впервые автором этого сочинения, известного также под названием «Летописная книга», назвал Медведева В. Н. Татищев в своей «Истории Российской». Последующие исследования по-

казали, что Татищев ошибался. Черновой предварительный список составил Карион Истомин, редактировал его Сильвестр Медведев, окончательно переписывал — «перебелял» дьячок Ивашка. «Созерцание» замечательно тем, что в него включен ряд уникальных документов, в том числе — грамоты «великих государей», а также тем, что о событиях рассказал их очевидец. Включение документов — заслуга Медведева, который имел доступ к правительственному архиву. Он пользовался покровительством Софьи, дружил с князем В. В. Голицыным и окольничим Ф. В. Шакловитым. Голицын, фаворит Софьи, был первым человеком в государстве, с 1682 года возглавлял Посольский приказ, руководил внутренней и внешней политикой России (в 1689 году отправлен в ссылку, где и умер в 1714 году), а Шакловитый ведал Стрелецким приказом (в 1689 г. как руководитель заговора против Петра I казнен). Они-то и снабжали Медведева необходимыми материалами о стрелецких бунтах. Вполне возможно, что инициаторами создания «Летописной книги» были Софья и ее сподвижники.

Ссылка, казнь... Не миновал их и Сильвестр Медведев, яркую, многообразную деятельность которого прервала рука палача. Но это случится через несколько лет, а пока он озабочен организацией школы в своем Заиконоспасском монастыре. По свидетельству современников, он «умело ведал братью и слуг, смиряя безчинников и о всяких монастырских делах радел неотложно».

В самом начале 1682 года по царскому указу на территории монастыря возвели школьные хоромы — двухэтажные, с крыльцом к верхним кельям. В указе оговаривалось, какие следует сделать сени, чуланы, кельи. Например: «В тех кельях потолки положить бревенчатые в подтес в закрой и лавки положить; а окон и дверей поделать, сколько понадобится, и все плотнич-

ное дело отделать, как ведется». «И то дело подрядился сделать против чертежа плотник Федька Обакумов». Медведев, следуя завету своего наставника Симеона Полоцкого «народ учити», вскоре открыл училище. Преподаватель, а им был сам Медведев, вел все предметы — пиитику и риторику, богословие и язык по латинской грамматике Альвара, очень популярной в XVII веке. Для учеников он написал толкования на грамматические правила. Словом, все то, что знал сам учитель, он щедро передавал слушателям, а их число через четыре года после открытия школы превышало двадцать человек.

В то время школы в Москве не были такой уж большой редкостью. Велика ли заслуга в создании еще одной? Но не школа сама по себе привлекала внимание выдающегося просветителя. Он — человек энергичный, с неутомимой жаждой деятельности — имел более высокую цель: учредить университет. Первое в Москве высшее учебное заведение! И, мечтая о ректорстве, Медведев начал подготовку к открытию университета, подобрал преподавателей. Студентами должны были стать на первых порах ученики школы. А главное, заново отредактировал «Привилей» — устав университета, составленный еще совместно с Полоцким. По этому «Привилею», написанному от имени царя, можно судить, каким представлялся университет его создателю. Предполагалось, в соответствии с уставом, в Заиконоспасском монастыре «храмы чином Академии устроити» и преподавать «семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные»: грамматику, пиитику, риторику, диалектику, «философию разумительную, и естественную и нравную», богословие. Устав не предусматривал ни сословного, ни возрастного ограничения. Государь передавал университету навечно «государственную вивлиотеку». Имелось в виду книжное собрание царя Федора. В нем было около трехсот книг на рус-

ском, латинском и польском языках. Более трети — светского содержания: «Степенная книга», «Книга родословия великих государей», «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», лечебники, певческие книги, летописи и лексиконы, «История казанская», «Летописец римских царей», «Титулярник». Среди книг по естественным и точным наукам отметим сочинение «О Луне и всех науках небесных».

Университет должен был получить прекрасное материальное обеспечение, к нему причислялись дворцовые волости, пустоши и угодья, ряд монастырей, в том числе и Андреевский, основанный другом Полоцкого и благодетелем Медведева Ф. М. Ртищевым, «мужем весьма всякого блага рачительным, ради во оном монастыре российского рода во просвещении свободных мудростей учения». Кроме того, царь обещал деньги на пропитание и одежду ученикам.

Но весной 1682 года царь Федор Алексеевич умер, и дело с открытием высшего учебного заведения застопорилось. Лишь через три года Медведев решил преподнести правительнице Софье «Привилей», сопроводив его эпистолой в стихах. Он убеждал ее выполнить завет брата, молил «свет науки явити» и не бояться противных козней. На стороне Медведева был и Карион Истомин.

Софья, опасаясь патриарха и заискивая перед ним, не решилась подписать устав. Как раз в это время в Москву прибыли греки братья Лихуды; этих «славнейших и мудрейших учителей» патриарх встретил с радостью — они отрицательно относились ко всему западному. Им-то и отдал в 1687 году создаваемое высшее учебное заведение патриарх. Оно первоначально называлось Славяно-греко-латинским училищем. Конечно, ни о какой автономии не было и речи. Биограф Медведева А. Прозоровский не без горечи заметил, что вместо университета Россия получила

духовную семинарию. Тем не менее она потом выросла в Славяно-греко-латинскую академию, а из ее недр вышел Ломоносов. Он и осуществил высокую мечту Сильвестра Медведева — в тяжелой борьбе ему удалось создать «для пользы и славы Отечества» первый в нашей стране университет, открытие которого стало крупнейшим событием в истории русской культуры XVIII века.

...Итак, Медведеву не позволили возглавить университет, об открытии которого он так долго и упорно хлопотал. Его упования на ректорство рухнули, а сам отказ означал, что звезда Медведева стала клониться к закату. Шаг за шагом терял он свои позиции, правительница Софья не всегда поддерживала своего клеврета, а Ф. Шакловитый, вынашивая план заговора против Петра I, пытался вовлечь своего друга в число заговорщиков. Сам же Медведев продолжал полемику по богословским вопросам.

После смерти Полоцкого, а затем и царя Федора, Медведев всего три года управлял Верхней типографией. Типография прекратила свое существование, а оборудование возвратили на Печатный двор. При подготовке к печати 12 томов служебных Миней патриарх Иоаким не допустил к ним «латинствующего» Медведева. Весной 1689 года Софья уступила патриарху, который «благословил на книжное Печатном дворе у книжного правления быть в справщиках иеромонаху Тимофею справщика на Сильвестрово место Медведева».

Сильвестр, опасаясь преследований озлобленного патриарха, просился у Софьи в Соловки или другой какой отдаленный монастырь, но она не согласилась, надеясь, что все обойдется.

Когда Нарышкины отстранили от власти Софью и арестовали Шакловитого, положение Медведева стало катастрофическим. Предупрежденный о грозящей опасности, он в ночь на 31 августа 1689 года с немногими провожатыми бежал из столицы «от страха святейшего

патриарха» в сельцо Микулино, а затем, узнав, что в Москве его уже хватились, не мешкая отправился в Бизюков монастырь Дорогобужского уезда. Настоятелем этой обители был Варфоломей, которого в свое время Медведев облагодетельствовал. Естественно, беглец надеялся найти здесь надёжное убежище, переждать за монастырскими стенами тяжелые для себя времена. Но увы! Варфоломей немедленно донес на своего благодетеля... 13 сентября Медведева арестовали и в оковах отправили в Троице-Сергиев монастырь. Вскоре он был расстрижен, соборно проклят, отлучен от «христианского общения» как вероотступник. Его дважды допрашивали, второй раз с пыткой: истязали огнем и бичом «до пролития крови». 5 октября последовал приговор гражданского суда: «Сенку Медведева, что был старец Сельверстко, за воровство и за измену, и за возмущение к бунту казнить смертью — отсечь голову». Полтора года смертник ждал казни в «твердом храниле» Троице-Сергиева монастыря. 11 февраля 1691 года Медведев был казнен.

Об этих трагических событиях Алексей Толстой в своем романе «Петр Первый» писал: «Бояре с патриархом и Натальей Кирилловной, подумав, написали от имени Петра царю Ивану: «...А теперь, государь братец, настает время нашим обоим особам богом врученное нам царство править самим, неже есьми пришли в меру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестре нашей, с нашими мужскими особами в титлах и расправе дел быти не позволяем...

Софью без особого шума ночью перевезли из Кремля в Новодевичий монастырь. Шакловитому, Чермному и Обросиму Петрову отрубили головы, остальных воров били кнутом на площади, на посаде, отрезали им языки, сослали в Сибирь навечно. Поп Медведев и Никита Гладкий позднее были схвачены дорогобужским воеводой. Их страшно пытали и обезглавили».

О том, какие преступления приписывали Медведеву, можно судить по названию: «Тетрадь о новом рострите Сильвестре Медведеве и о злословии его на св. церковь и на святейшее патриархи и о наущении народа на мятеж и на убийство святейшего патриарха Иоакима и иных и о побеге в Польшу и о совопрошении его чародеев и о смертной ему казни».

Противники Медведева заполнили эту тетрадь клеветническими сведениями, пытаясь представить его не только заговорщиком, бунтовщиком и вероотступником, но и невежественным человеком, «неуком, мнящем себя мудра быти». Но ни в этой рукописи, ни в материалах сыскного дела не зафиксировано самое главное, что лежало в основе расправы над замечательным просветителем: личная ненависть патриарха к Сильвестру Медведеву, ненависть, заглушившая в Иоакиме всякое понятие о справедливости. Вот почему и двести лет спустя после этой трагедии исследователь истории русской культуры XVII века Е. Белов писал, что «дело всею тяжестью неправды лежит на памяти патриарха». Не преступления — их сфабриковали по ложным доносам, — а мотивы личного порядка стали причиной казни Сильвестра Медведева.

Лишь через двести лет Сильвестр Медведев был «реабилитирован». Речь идет об исследовании Александра Прозоровского, опубликованном в Москве в 1896 году: «Сильвестр Медведев. Его жизнь и деятельность. Опыт церковно-исторического исследования». На основе глубокого изучения архивных материалов, всевозможных документов той поры он убедительно доказал, что обвинения против Сильвестра Медведева не имели под собой никакой почвы. Обрисовал Прозоровский и человеческие качества своего героя. Оказывается, «старец Сильвестр, любимец царя Федора и царевны Софьи, был человек мягкий, осторожный, умный, чего не могли отрицать и сами противники его, глубоко образованный и ши-

роко начитанный, подчас веселый шутник, любитель красот природы... Это была натура энергическая, с неутомимой жаждой деятельности — человек, не покладавший рук и не боявшийся разного рода поручений, которые давались ему с той или другой стороны. Вместе с тем Медведев был человек откровенный, всегда готовый постоять за свои убеждения: недаром его приговорили к одиночному заключению в «твердом храниле» и лишили чернил и бумаги; недаром же, в самом деле, на заготовленном для Сильвестра покаянном исповедании нет его собственноручной подписи...

Спокойный тон большинства сочинений Сильвестра окончательно обрисовывает его светлую личность и его нравственные взгляды: «Пастыри, — по словам Медведева, — должны не только слово учения людем преподавати, но сами образ жития доброго собою должны показывати»... И замечательно: всею своею жизнью Медведев доказал верность своим словам».

Сочинения Сильвестра Медведева оказались под запретом. Обширная библиотека — конфискована. К счастью, при конфискации, сразу же после бегства Медведева из Москвы, по указанию патриарха Иоакима составили ее опись. Название ее гласит: «Книги переписные книгам, которые по указу святейшего патриарха в нынешнем, во 198 году сентября в день переписаны в Спасском монастыре за Иконным рядом, подле церкви в верхней кладовой полатке». Правда, описания книг очень неясны, порой с большим трудом удавалось установить, о какой работе идет речь. Встречаются и явные курьезы, которые говорят о том, что составителям описи явно не хватало знаний. В перечне можно, например, встретить выражение «опера умная» о книге Цицерона. Так было зафиксировано собрание сочинений — «opera omnia» — оратора Древнего Рима. Или: «Книга латинска, сочиненная по обецатлу...» — так прочли «абецеду» (алфавит).

Тем не менее опись давала общее представление о фонде библиотеки выдающегося деятеля того времени. Опись имеет тем большее значение, что, как установил М. И. Слуховский, после смерти владельца книги рассредоточились по различным книгохранилищам. К концу XIX века одна часть этого книжного собрания находилась в Синодальной библиотеке, другая — в Московской семинарии, третья — в Московской конторе для цензуры, а самая значительная часть оказалась в библиотеке Московской синодальной типографии.

При таких странствиях чуть было не затерялось самое значительное для нас сочинение Сильвестра Медведева — библиографический труд «Оглавление книг, кто их сложил». Сначала «Оглавление» попало в патриаршую Ризную казну, потом — в библиотеку Печатного двора, затем оказалось в Синодальной библиотеке.

Удивительна судьба книг. Разве мог Сильвестр Медведев предположить, что его обширные богословские трактаты будут забыты, вирши — будут изучаться только специалистами, небольшой след оставила и его редакторская работа. Но прочно вошла в историю культуры, как мы уже упоминали, неприметная на первый взгляд небольшая тетрадь, которой сам Медведев, вероятно, и не придавал особого значения. Это — «Оглавление книг, кто их сложил». А ведь «Оглавление», как справедливо считал историк русской библиографии Н. В. Здобнов, является «наиболее выдающимся в допетровской Руси целостным и вполне оформленным библиографическим трудом, подобных которому не было».

Первым, кто нашел «Оглавление» и сообщил о нем в печати, был К. Ф. Калайдович — человек очень широкого круга интересов, палеограф-языковед, библиограф, историк славянской письменности. И неутомимый охотник за древними памятниками. За свою сравнительно короткую жизнь он обнаружил такие, например,

широко ныне известные произведения, как «Моление Даниила Заточника», «Изборник Святослава» 1073 года, сочинения Кирилла Туровского, Кирика Новгородца. В своем труде об Иоанне, экзархе Болгарском (М., 1824) Калайдович писал: «Некто из принадлежавших к Московской Духовной Типографии, вероятно Поликарпов, в любопытном библиографическом сочинении, названном: оглавление книг, кто их сложил, также поместил нашего Ексарха, при описании переведенной им Богословии и другой книги Дамаскина о осьми частях слова». В примечании 46 Калайдович высказал предположение: «Сие, вероятно, первое библиографическое в России сочинение, расположенное по писателям, с означением рукописных и печатных их сочинений и переводов, и с выпискою первой строки из каждой книги».

Хотя К. Ф. Калайдович и не занимался специально «Оглавлением» Медведева, он сразу определил, что это не только любопытное библиографическое сочинение, но и первое в России, расположенное по писателям. Правда, ученый ошибся, приписав авторство Поликарпову, русскому писателю, переводчику, директору московской Синодальной типографии. По своей эрудиции, подготовке он, бесспорно, мог быть автором «Оглавления». Но жил значительно позже того времени, когда оно было создано.

Через двадцать лет «Оглавление» попадает в руки другого исследователя русской старины, страстного собирателя российских древностей — Вукола Михайловича Ундольского. Он внимательно, с дотошной тщательностью осматривает драгоценную находку. Да, это подлинник. Сейчас он хранится в Синодальном собрании Государственного Исторического музея (№ 828).

Составитель указателя не поставил на начальных листах рукописи ее названия. Однако на внутренней стороне верхней крышки переплета имеется запись

почерком, отличным от того, каким написан весь текст: «Книга оглавление о книгах, кто которую книгу сложил и написал...» Кроме того, на корешке есть наклейка, на которой полууставом конца XVII века помечено: «Оглавление книг, кто их сложил». Под этим названием памятник и вошел в литературу. Открывается рукопись указателем имен и предметов, но тоже без заглавия, его дал издатель. Внизу первого листа киноварью написано: «Прислана с Патриарша двора в 205 году». Тетрадь Медведева переплетена в кожу, сумкою, «по-азиатски». Текст написан мелкой скорописью на ста листах.

Попытался представить Ундольский и процесс работы составителя «Оглавления», и возможную цель, которую тот преследовал. Простодушно и несколько наивно Ундольский пишет, что цель составления была, вероятно, та, чтобы указать, «кто которую книгу сложил и написал. Для ученых занятий, для переводов отцов церкви и издания их необходимо было прежде знать, что было сочинено и переведено, что напечатано и что нет, чтобы не трудиться понапрасну над переводом...» Сейчас-то хорошо известно, что Медведев намеревался расположить авторов сочинений по алфавиту, известно также, что выполнить это желание он по неизвестной причине не смог. Ундольский предполагает, что Медведев «для составления „Оглавления“ сделал себе книгу; в нее и начал вписывать творения по алфавиту имен сочинителей, начиная с Афанасия Александрийского. Но как, с одной стороны, нельзя было иметь под руками именно тех книг, какие следовали бы по алфавиту, поэтому следовало оставлять пробелы; с другой, нельзя угадать, сколько после какой буквы оставлять бумаги, то для устранения этого неудобства Медведев стал описывать книги, не держась алфавита, а для удобнейшего приискания в начале самой книги сделал Алфавит имен и предметов, с указанием

на знамения или номера, под которыми они описаны в самом „Оглавлении“».

Вукол Михайлович Ундольский тщательно изучил «Оглавление», проанализировал методы работы по описанию рукописных и печатных книг, аннотированию текстов и предисловий к ним, а также попытался проследить жизненный путь составителя. Открытый памятник Ундольский издал в «Чтениях Общества истории и древностей Российских» за 1846 год. Издание снабжено введением, большая часть которого посвящена оценке памятника.

При издании «Оглавления» Ундольский не сделал в тексте никаких исправлений, сохранил в основном и правописание. Но счел возможным все записи дать в алфавитном порядке, а не так, как их расположил Медведев. Объясняется это тем, что и сам Медведев хотел «расположить свое «Оглавление» по алфавиту писателей». Слов нет, сейчас пользоваться работой Медведева гораздо удобнее. Но у читателя публикации нет представления о памятнике в его первоначальном виде.

Мне удалось обнаружить в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина автограф В. М. Ундольского на обороте обложки отдельного оттиска «Оглавления»: «Покровителю библиографических разысканий Михаилу Петровичу Погодину. В. Ундольский. Апреля 27 дня 1846 г.».

Со времен Ундольского об «Оглавлении книг, кто их сложил» писали многие исследователи: А. А. Прозоровский, И. И. Козловский, Н. В. Здобнов, М. И. Слуховский, С. П. Луппов и др. Все они единодушны в том, что перед нами первый в России вполне научный библиографический труд. Правда, в 1887 году на седьмом съезде археологов в Ярославле профессор А. И. Соболевский засомневался в авторстве «Оглавления» и поставил вопрос: «Кто был первый русский

библиограф?» Он утверждал, что автором «Оглавления» был Епифаний Славинецкий, но убедительных доводов привести не смог, что позволило Прозоровскому заметить: «Соболевский решительно не одолел доказать свою мысль, по которой автором «Оглавления» необходимо признать Славинецкого».

В чем же все-таки особая заслуга Сильвестра Медведева в области библиографии? Почему он решительно возвысился перед всеми русскими предшественниками? Широкий охват книг? — да, конечно. Высокая библиографическая культура? — несомненно. Но важнее другое — принципиальные установки автора! Все предшествующие указатели литературы создавались для удовлетворения местных служебных потребностей. «Оглавление» Медведева выделяется общенациональным характером. По замыслу автора — это библиографический свод всей феодальной книжности Древней Руси. И в историю русской культуры Сильвестр Медведев вошел прежде всего как автор именно такого библиографического труда.

Послесловие

Вот и завершилось наше краткое знакомство с некоторыми русскими книжниками, с культурной жизнью Древней Руси. Начиналась книга рассказом о возникновении славянской письменности, о деятельности первоучителей славян Кирилла и Мефодия, первом русском слове, запечатленном на корчаге из Гнездова. А заканчивается она главой о трудах и днях Сильвестра Медведева, жившего во второй половине XVII века, когда ясно обнаружилось стремление России к государственным преобразованиям, заметно усилилась тяга к дальнейшему сближению с культурой Западной Европы. По образному выражению историка С. М. Соловьева, «народ собрался в дорогу» и на заре XVIII столетия начал новый период своей истории. Как видим, огромный — в несколько столетий — отрезок времени. И на этом длительном пути у человека был мудрый советчик — книга.

...Всегда, во все времена, во всех странах мира люди славили книгу — это «великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего» (М. Горький). В Древнем Египте и Ассирии, в Греции и Риме, в городах арабского Халифата и в Киевской Руси. Похвала ей проходит через все века. Книга — это и лекарство для души, и кладовая наук, и источник мудрости. Арабский писатель сравнивал книгу с хранилищем сокровищ, а древнерусский — то с реками, «напояющими Вселенную», то с солнечным светом. Книга озаряет человеческую душу светом истины, наставляет его на путь добродетели, украшает его ум учением. «Красота воину — оружие, и кораблю — ветрило, так и праведнику — почитание книжное», — наставляет некий монах читателей в «Слове о чтении книг», открывающем «Изборник» 1076 года. В сборнике «Пчела» отмечалось: «Ум без книг, аки птица спешена. Якож она взле-

тати не может, такоже и ум не домыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное». В «Поучении соловецкой библиотеки» книги сравниваются с глубинами морей, откуда читатель «выносит жемчуг драгий». После такого сравнения автор с удовлетворением добавляет: «Добро есть, братие, почитание книжное...»

260 Древняя Русь оставила нам множество рукописных и печатных произведений, они рассказывают о том, как жили, о чем думали, что умели делать наши далекие предки, какого уровня достигали у них литература, наука, искусство. И сама книга, особенно рукописная, — предмет искусства: она вобрала в себя труд многих мастеров.

Старинные русские книги... Их было, видимо, много. Но одни — истреблены во время междоусобных войн, другие — сгорели, а третьи — разграблены. И это еще не все. Чрезвычайно опасным был идеологический террор церкви — неугодные произведения светского содержания конфисковывались, сжигались, топились. Церковь проводила жесткий отбор, заботясь в основном о церковно-богословских трудах. Тяжелым для русского народа и его культуры было татаро-монгольское нашествие. Летописи наши не раз горестно сообщали о варварском уничтожении рукописей, подавляющее большинство которых безвозвратно утрачено. Однако и рукописи, уцелевшие после войн, пожаров и наводнений, часто потом погибали по другим причинам. Так, к бесчисленным пожарам, пожиравшим русские книги, Б. В. Сапунов добавляет реформы Никона и дальше — «глубокую и устойчивую антипатию Петра I к быту и культуре Московской Руси». «Судьба древних рукописных книг, по существу, трагична, — пишет А. Н. Свирин, — ибо огромное их количество пострадало не только от стихийных бедствий, но, что еще печальнее, от рук невежественных людей».

И тем не менее дошло до нас около ста древнерусских грамот и свыше пятисот рукописных книг XI—XV веков. Сохранились они благодаря древним «книгохранительным палатам». Первая из них была организована на Руси Ярославом Мудрым.

Этой библиотеке, ее сокровищам и создателю отведена в нашей книге глава «Тесный круг ярославовых книжников». Добавим, что в 1987 году исполнилось 950 лет со времени основания книжного собрания Киевской Софии.

Значение этих «палат», пусть с небольшим фондом, с крайне ограниченным числом читателей, — огромно. Если бы, к примеру, не случайная находка в конце XVIII века в провинциальной монастырской библиотеке единственного списка «Слова о полку Игореве», то наше представление о древней русской литературе было бы значительно беднее. В ту эпоху, кроме «Слова о полку Игореве», создавались, очевидно, и другие такие произведения, но время не пощадило их. В девятисотых годах Н. Никольский справедливо заметил: «Слово о полку Игореве», «Слово Диниила Заточника», отрывки исторических сказаний в летописях, «Слово о погибели Русской земли» и тому подобные сочинения показывают, что в начальные века русской жизни, кроме церковно-учительной книжности, существовала и развивалась светская литература, достигнувшая в Южной Руси значительного расцвета. Если бы «Слово о полку Игореве» было одиночным для своей эпохи, то оно было бы, конечно, исторической несообразностью».

Крепкие стены Кирилло-Белозерского монастыря, где была богатая библиотека, спасли древнейший список «Задонщины», здесь работали многие русские писатели, здесь был создан один из древнейших библиографических трудов, здесь протекала деятельность замечательного книжника Ефросина, которому также отведена отдельная глава в книге. В книгохранительной палате Троице-Сергиевой лавры Карамзин нашел знаменитое

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина. А какое созвездие имен книжников связано с этой обителью! Здесь трудился выдающийся писатель конца XIV — начала XV века Епифаний, прозванный Премудрым. Монастырь с богатой книжной культурой был его духовной школой, где он получил хорошее образование. По словам самого Епифания, «они с мужами книжными и мудрыми проводили ночи до утра, вникая в смысл различных писаний». Много лет провел в лавре и первый наш писатель-профессионал Пахомий Логофет; за свою жизнь он создал множество произведений, в том числе главный свой труд — «Хронограф» — книгу по всемирной и отечественной истории. В лавре жили и работали знаменитый публицист XVI века Артемий и философ Максим Грек — о нем в книге рассказывается в отдельной главе, — а позже — крупный деятель эпохи Смуты — Авраамий Палицын, автор известного «Сказания» о героической обороне монастыря от войск Лжедмитрия II...

Литературу Древней Руси, ее бесценные сокровища на протяжении веков создавали многие талантливые представители нашего народа — писатели, переводчики, художники-оформители, переписчики, т. е. люди, которых уважительно называли «мудрыми книжниками». В словарях и справочниках встречаются самые разные толкования этого термина. Прекрасные слова о книжниках сказал академик Д. С. Лихачев. По его мнению, книжные деятели это те люди, которые своей неутомимой, самоотверженной работой над словом, своим высоким идейным горением создали прочные предпосылки для расцвета русской литературы в XIX и XX веках. Они трудились над языком своих произведений и создали один из самых богатых и гибких литературных языков мира. Они трудились над литературной формой и создали великое обилие жанров, видов литературного творчества, изумительную образность. Они труди-

лись над переводами и обогатили русскую литературу, русский литературный опыт с помощью литератур Юга и Запада Европы, литератур Востока. «Но самое главное, — продолжает Дмитрий Сергеевич Лихачев, — они были борцами, просветителями, проповедниками, мечтателями и создали одну из самых идейных литератур земного шара. Русская литература с самого своего начала не ставила себе чисто развлекательных целей и сразу же стала кафедрой, с которой раздавались призывы проповедников и публицистов, слова ученых-просветителей, горячие речи политических борцов.

И нам следует помнить их — помнить об их большом вкладе в нашу сегодняшнюю жизнь, в нашу литературу, в формирование характера русского человека с его самоотверженностью и бескомпромиссностью.

Это они, древнерусские книжники, мало нам известные, а иногда и совсем безвестные, трудились в своих совсем не тихих кельях, нередко становившихся для них тюрьмой. Это они обдумывали свои послания, слова, поучения, летописные рассказы с обличениями княжеских преступлений и с призывами к объединению Руси против иноземных захватчиков». И создавались эти произведения в самых разных, не всегда удобных для творчества условиях — в походах, в лишениях путешествий на Восток или в Палестину, в изгнании и заточении, в земляной тюрьме в Пустозерске.

В своем страстном выступлении, вызванном выходом в свет книги Дм. Жукова и Л. Пушкарева «Русские писатели XVII века» — о двух крупнейших деятелях русской литературы Симеоне Полоцком и протопопе Аввакуме, — академик призывал создать серию работ о замечательных древнерусских книжниках, работавших на протяжении бурных семи веков истории русской литературы — от XI по XVII век включительно. И назвал конкретные имена...

«Русские книжники», предлагаемые вниманию любо-

знательного читателя, в какой-то мере отклик на этот призыв, отклик весьма скромный. В книге предпринята попытка рассказать лишь о некоторых из них. Это — Ярослав Мудрый, князь киевский, организатор первой на Руси государственной библиотеки, сам книголюб завидный; автор знаменитого «Поучения» Владимир Мономах, связанный родственными отношениями с Византией, с Англией, не забывавший среди государственных забот о литературном труде; Нестор-летописец, один из создателей «Повести временных лет»; Кирик-новгородец, знаток математической мудрости; старец Ефросин, книгохранитель библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, писатель, переписчик и редактор ряда выдающихся памятников, таких, как «Задонщина», «Александрия», «Хожение» игумена Даниила; ученый деятель итальянского Возрождения, переехавший на Русь и здесь ставший выдающимся писателем,— Максим Грек; наш первопечатник Иван Федоров; просветитель, поэт и библиограф Сильвестр Медведев.

На первый взгляд список весьма внушительный. Кроме того, в каждой главе кратко, разумеется, говорится и о других авторах, а не только о главном герое и его произведениях. В этом можно убедиться на примере главы о Ярославе Мудром, где речь идет об Иларионе, авторе «Слова о законе и благодати»; певце-поэте Бояне; дьяконе Григории, с большим мастерством переписавшем знаменитое ныне Остромирово евангелие; о князе Святославе, который «много старался для собирания книг»; об Иоанне, переписавшем для него «Изборник» 1073 г.

Это можно проследить и в других главах, по возможности густо «населенных» книжниками. И все же с сожалением можно сказать, что не написаны еще и не включены в книгу отдельные главы о многих других ярких личностях. Хотелось бы рассказать о Данииле Заточнике и его «Молении»; Евстафии втором

из маленького городка Зарайска, авторе «Повести о разорении Рязани Батыем»; о служилом человеке Иване Пересветове, осуждавшем всякое «закабаление», ставившего «правду» выше «веры»; подъячем азбучного дела Василии Бурцове; о Дмитрии Ростовском, чьи произведения распространялись не только в России, но и по всему славянскому юго-востоку Европы; о поэте Карионе Истомине; о просвещенном сибирском писателе, этнографе, художнике, архитекторе, картографе С. У. Ремезове...

Так и просятся в книгу некоторые другие древнерусские книжники. Это — блестяще образованный князь Андрей Михайлович Курбский, один из самых плодовитых и талантливых литераторов, знаток Библии и Житий святых, трудов «отцов церкви» и истории... Уже зрелым человеком он в княжестве Литовском взялся за латынь и преуспел настолько, что смог перевести Цицерона. Или — виднейший государственный деятель XVII века Артамон Сергеевич Матвеев, одно время возглавлявший внешнеполитическое ведомство страны. Занимался он и литературной деятельностью; по его инициативе и под его руководством «строились» в Посольском приказе рукописные книги светского содержания, он сам участвовал в составлении текстов некоторых из них. Подлинный книголюб, он собрал большую библиотеку не только на русском, но и на немецком, греческом, польском, латинском, голландском, итальянском языках самой разнообразной тематики. У знатного вельможи имелись сочинения Аристотеля, «Кодекс» Юстиниана, произведения Вергилия и даже «Разговоры» Эразма Роттердамского.

А какой колоритной фигурой в книжном деле был Епифаний Славинецкий — писатель, проповедник, переводчик и один из первых русских филологов. Это он перевел четырехтомную «Космографию» И. Блеу, из которой русские люди впервые узнали об учении

Коперника. Как и другие деятели просвещения, Славинецкий имел свою личную библиотеку.

Имена, биографии, судьбы людей. Они известны в большей или меньшей степени; можно определить вклад каждого книжника в развитие культуры страны. И о каждом хочется рассказать не перечислительно, а обстоятельно раскрыть его подвижническую деятельность. Здесь, как правило, и биографический материал есть, и тексты сохранились. И это будет интересно массовому читателю.

Ну, а как быть с теми, чаще всего безымянными тружениками книги, благодаря кому мы и получили свое письменное наследие. Речь идет не о литераторах, не о переводчиках и составителях, а о большой армии неутомимых переписчиков. До обидного мало дошло о них сведений. Иногда мелькнет в конце рукописи имя, чаще всего в просторечной форме. Все это — Ивашки, Сидки, Домки, Шестники... К именам они прибавляли словечки о себе: «убогий», «худый», «грешный», «неразумный», «грубый». В этом наборе эпитетов чувствуется какая-то изощренность мастеров древнерусской книги. Пушкин, рисуя своего Пимена, отбросил все эти эпитеты, но выделил два, которых не было, — «усердный, безымянный», он отнес их к «труду» летописца, но с полным правом они принадлежат и самому книгописцу, его личности.

Важно высветить, прояснить фигуру древнерусского переписчика, воссоздать его облик. Не отдельного, конкретного мастера, а обобщенный образ. Помогут здесь всевозможные записи на полях и приписки в конце рукописей. Вспомним, например, запись Лаврентия-мниха в переписанной им с товарищами летописи, ныне носящей его имя — Лаврентьевская, или приписку Григория к Остромирову евангелию. И эти сведения скудны, объясняется это тем, что в ветшавших от времени рукописях выпадали и терялись последние лис-

ты — как раз те, где переписчик и мог писать о себе.

И все же: глубокое изучение сохранившихся данных позволило ученым сделать вывод, что переписчик не только «усердный, безымянный». Это и каллиграф, и живописец, это — преданный своему делу моралист с крепкой рукой, веселым сердцем, быстрым оком и трезвым умом. Эти качества и позволяли ему, «усердному, безымянному», создавать даже в нелегких условиях подлинные шедевры. Вот что писал академик Ф. И. Буслаев, восхищенный старинной Псалтырью из Троице-Сергиевой лавры: «Перелистывая драгоценную рукопись, мы любовались неожиданными переходами из одного почерка в другой, от одного стиля в украшениях к другому, и с интересом отгадывания загадок или шарад увлекались в распутывании перепутанных нитей хитросплетенного письма, добираясь в нем до смысла отдельных букв и целых речей».

Думается, что и глава о книгописцах, равно как и о художниках-миниатюристах привлечет внимание читателей, обогатит их представление о русских книжниках...

Заканчивая несколько затянувшееся послесловие, зададимся вопросом, надо ли знать все это нам, людям XX столетия? Безусловно. Каждый, кто приходит в мир, получает право, как сказал поэт Л. Мартынов, «все на земле унаследовать: капища, игрища, зрелища, истины обнаженные, мысли, уже зарожденные...». И еще одно немаловажное обстоятельство. Нам необходимо не просто унаследовать, но сберечь памятники старины — свидетельства яркой талантливости наших далеких предков. Именно на это направлен закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в котором бережное отношение к культурно-историческому наследию рассматривается как важная задача не только государственных органов и общественных организаций, но и каждого советского человека. В том же

духе выдержаны статьи нашего «Основного закона». Так, в статье 68 записано: «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР».

Автор выражает надежду, что эта книга в какой-то мере поможет читателю ознакомиться с той частью нашего национального достояния, которым является древнерусская книга, даст возможность заглянуть в прошлое. Каждому человеку необходимо изучать историю своей страны, ее культурные богатства, ведь история культуры питает наш ум и воображение, многое объясняя, многое помогая понять. По словам А. И. Герцена, «в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего».

НА ОБЛОЖКЕ КНИГИ ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ:

Книгописная палата. Миниатюра XVI в.

Златокузнецы и писцы за работой. Миниатюра XVI в.

НА ШМУЦТИТУЛАХ ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ:

Кирилл. Фрагмент миниатюры из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

Княжеская семья. Святослав Ярославич с книгой в руках. Миниатюра «Изборника» 1073 г.

Летописец. Миниатюра из Радзивилловской летописи.

Русские ладьи в походе. Миниатюра из рукописи XIV в.

Ученый монах. Миниатюра из рукописи XVI в.

Китоврас. Рисунок из «Александрии», переписанной Ефросином. Внизу «подпись» Ефросина

Хожение по морю. Миниатюра XVI в.

Максим Грек. Миниатюра XVI в.

Типографская марка Ивана Федорова. Львовский «Апостол» 1574 г.

Страница из «Букваря» 1694 г.

Оглавление

Алексей Гаврилович Глухов

РУССКИЕ КНИЖНИКИ

Зав. редакцией Т. В. Громова
Редактор М. Я. Фильштейн
Художественный редактор Н. В. Тихонова
Технический редактор А. З. Коган
Корректор О. И. Поливанова

НК

Сдано в набор 25.02.87. Подписано к печати 03.07.87. А02576. Формат 70×100/32. Бум. офсетная № 1—70 г. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,05. Усл. кр.-отт. 11,29. Уч.-изд. л. 11,31. Тираж 25 000 экз. Изд. № 4403. Заказ № 127. Цена 50 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50. Московская типография № 4 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129041, Москва, ул. Б. Переяславская, 46.

50 коп.

